

Оливер Пётч
Дочь палача и дьявол из Бамберга
Серия «Дочь палача», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12254785
Дочь палача и дьявол из Бамберга / Оливер Пётч: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83559-1

Аннотация

Якоб Куизль – грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

Осенью 1668 года нечистая сила овладела славным городом Бамберг. Сначала к берегам реки стало прибывать человеческие конечности, затем на улицах появились обезображенные трупы... А недавно люди видели неведомого дикого зверя, рыскающего по ночным переулкам... Оборотень, не иначе! И город охватила паника. В воздухе запахло дымом костров, грозящих испепелить любого несчастного, обвиненного в пособничестве дьяволу. Но Якоб Куизль, прибывший с семейством в Бамберг по случаю скорой женитьбы его брата (также местного палача), не боится оборотней. Ему и его дочери Магдалене предстоит разобраться с этим «нечистым» делом и предотвратить новые казни по «суду веры» – человеческие жертвоприношения, устраиваемые людьми во имя собственного страха и невежества...

Содержание

Родословная Куизлей	5
Действующие лица	6
Пролог	7
1	12
2	26
3	37
4	54
5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Оливер Пётч

Дочь палача и дьявол из Бамберга

Oliver Pötzsch

DIE HENKERSTOCHTER UND DER TEUFEL VON BAMBERG

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. Published in 2014 by Ullstein Taschenbuch Verlag

© Прокуров Р. Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2015

* * *

*Оливии,
новому члену семьи Куизлей.
Оставайся и впредь такой же жизнерадостной, даря улыбку
этому серому миру.
И, как это принято среди потомков палачей, твердой тебе руки!*

К чему прилагать столько усилий в поисках колдунов? Послушайте меня, судьи, и я скажу вам, где их найти. Хватайте капуцинов, иезуитов, кого угодно, подвергните их пыткам – и они признаются. Если кто-то лжет, повторите пытку в третий, четвертый раз – и они признаются. Если вам и этого мало, хватайте прелатов, каноников и отцов церкви – и они признаются. Ибо как могут эти изнеженные, утонченные мужи что-либо вынести?

Фридрих Шнее фон Лангенфельд

Cautio criminalis, 1631 год от Рождества Христова

Родословная Куизлей

Йорг Абриль – родоначальник династии, служил палачом во время Большого процесса над ведьмами в 1589 году в Шонгау

Иоганн Куизль – зять Йорга Абриля, перенявший его тяжелое ремесло

Якоб Куизль – упрямый, находчивый и молчаливый; крайне неохотно заговаривает о своей прошлой жизни – солдатом в армии Тилли

Анна-Мария Куизль – возлюбленная Якоба, также отмеченная его темным прошлым

Бартоломей Куизль – младший брат Якоба, связанный с ним любовью и взаимной ненавистью; любит животных и чурается людей

Элизабет Куизль – сестра Якоба, когда-то сбежала с цирюльником в Регенсбург

Магдалена Фронвизер – умна и своенравна, не желает мириться с жизнью дочери палача

Симон Фронвизер – любопытен, начитан и немного пуглив; любит кофе, книги и дорогую одежду

Георг Куизль – когда-нибудь займет место палача в Шонгау

Барбара Куизль – красива, как сестра, и столь же остра на язык

Петер и Пауль – внуки Якоба Куизля, совершенно не похожие друг на друга, порой выводят деда из себя

Действующие лица

Семья Куизлей:

Якоб Куизль – палач Шонгау

Бартоломей Куизль – его брат, палач Бамберга

Магдалена Фронвизер (урожденная Куизль) – дочь палача

Симон Фронвизер – цирюльник Шонгау

Близнецы Георг и Барбара Куизль – дети Якоба

Петер и Пауль – дети Симона и Магдалены Фронвизер

Горожане Бамберга:

Мастер Самуил – городской врач и лейб-медик епископа

Катарина Хаузер – нареченная Бартоломея Куизля

Иероним Хаузер – отец Катарины, городской секретарь

Мартин Лебрехт – капитан городской стражи

Адельхайд Ринсвизер – жена аптекаря

Бертольд Лампрехт – хозяин трактира «У лешего»

Иеремия – его управитель

Алоизий – помощник палача

Ансвин – старьевщик

Маттиас – сторож и пьяница

Артисты:

Сэр Малькольм – руководитель труппы бродячих актеров

Жискар Броле – руководитель второй труппы и непримиримый соперник сэра Малькольма

Маркус Зальтер – драматург и актер

Матео – юный артист и мечта всех девиц

Некоторые из городских советников:

Георг Шварцконц – торговец сукнами

Тадеуш Васольд – старейшина Совета

Корбиниан Штайнкюблер – канцлер епископа

Магнус Ринсвизер – аптекарь

Якоб Штайнхофер – ткач

Церковные сановники:

Филипп Валентин Войт фон Ринек – архиепископ Бамберга

Себастьян Харзее – викарий Бамберга

Иоганн Филипп фон Шёнборн – курфюршеский архиепископ Вюрцбурга, епископ Вормса и Майнца

Пролог

Шонгау 16 февраля 1626 года от Рождества Христова

В день, когда отец принял мучительную смерть, Якоб Куизль решил навсегда покинуть родной город.

Февраль выдался самым холодным, какой можно припомнить. С крыш свисали метровые сосульки, старые балки фахверковых домов скрипели и стонали под наледью, словно живые. И все-таки вдоль Рыночной улицы, протянувшейся от ратуши до самых ворот, столпились сотни зевак. Все кутались в платки и меха; те, что побогаче, – в теплые плащи с капюшонами, подбитые медвежьим или беличьим мехом. У бедняков обмороженные лица и ноги кое-как были прикрыты рваными лохмотьями. Молча, но с алчным блеском в глазах горожане смотрели, как небольшая группа прокладывала путь сквозь толпу. Вот она вышла через северные ворота и двинулась по широкой, укрытой мокрым снегом дороге к лобному месту. Точно псы, взяв кровавый след, люди потянулись за приговоренным, четверкой скупающих стражников, вооруженных алебардами, и палачом с двумя помощниками.

Якоб с отцом шли впереди. При этом Иоганн Куизль то и дело спотыкался и вынужден был опираться на старшего, четырнадцатилетнего сына. Как обычно перед казнью, палач пил до самого утра. Поэтому в последние годы, когда требовалось отрубить голову, у него дрожали руки. Но хуже, чем сегодня, еще не бывало ни разу. От Иоганна Куизля несло перегаром, он был бледен, как покойник, и едва переставлял ноги. Хорошо, что сегодня казнь предстояла относительно простая. Подпалить костер в случае чего могли и Якоб с младшим братом Бартоломеем.

Якоб украдкой покосился на приговоренного. Избитый и в рваном тряпье, он походил скорее на обитающее в пещерах существо, нежели на человека. Ганс Ляйнзамер последние годы жил, как зверь, и как зверь же должен был теперь издохнуть. Многие встречали старого пастуха, когда собирали хворост или травы в лесу. Ганс был глуп, как его овцы, даже близок к слабоумию, но до сих пор все считали его безобидным. Только дети пугались, когда он приближался к ним с беззубой ухмылкой, гладил по голове, пуская слюни, или протягивал сладкое угощение. Якоб тоже несколько раз видел Ганса на полянах, когда гулял с Бартоломеем и Элизабет по лесу вокруг Шонгау. Трехлетняя Лизель крепко стискивала Якобу руку, а Бартоломей тем временем бросался в Ганса шишками, пока тот не скрывался с воплями. Мать часто предостерегала детей от общения с бездомным бродягой, но у Якоба его вид вызывал скорее жалость. А вот двенадцатилетний Бартоломей, наверное, вздернул бы Ганса на ближайшем дереве, воронам на корм. Сколько Якоб помнил брата, животные были ему куда ближе, чем люди. Бартоломей vyhаживал больного ежа – и в то же время помогал отцу дробить кости подозреваемому. Предвзятость, которой Якоб не в силах был понять.

Он с грустью смотрел, как старый, немного помешанный пастух, точно какой-нибудь зверь, ковылял связанный к лобному месту. Как корова, Ганс тарасился на горожан, кое-кто из которых швырял в него снежками и грязью и осыпал насмешками. Рот его кривился в беззвучных криках, бедняга всхлипывал и выл. Якоб сомневался, что Ганс вообще сознавал, почему должен умереть сегодня...

Это случилось сразу после праздника Богоявления. Восемилетняя Марта, младшая дочь бургомистра, случайно наехала на старика, когда каталась на санках в лесу. Тот бросился на нее, словно волк, и после никто не мог объяснить почему. Хотел поиграть с девочкой? Или испугался при виде несущихся на него саней? Марта визжала как резаная. Когда примчались другие ребята, Ганс уже сорвал с нее платье. Наконец подросевшие дровосеки

скрутили пастуха и притащили в застенки Шонгау. На дыбе он признался в самых гнусных преступлениях. Будто все эти годы, точно зверь, сношался со своими овцами, а Марту утащил в свою повозку, где собирался изнасиловать и убить.

Глядя теперь на лепечущего Ганса, Якоб не мог представить, как старик вообще умудрился выговорить такое признание. Не говоря уже о том, чтобы это было правдой.

Между тем они пришли к месту казни, – расположенное за пределами города, оно представляло собой широкую расчищенную площадку, где Якоб с Бартоломеем еще накануне сложили рядом с эшафотом высокий костер. Лестница вела к столбу с цепями, который торчал из кучи хвороста, образуя центр небольшой дощатой платформы. Краем глаза Якоб заметил, с какой гордостью Бартоломей взирал на костер, и почувствовал легкое отвращение. Впервые Барту позволили помочь старшему брату с приготовлениями к казни, и день, когда Гансу был объявлен смертный приговор, стал для мальчишки праздником. Наконец-то воплотится его мечта – пойти по стопам отца и обожаемого брата. Якоб не понимал этого почитания со стороны Бартоломея. Он часто насмехался над неповоротливым братцем и втайне даже презирал его. Что не мешало Барту следовать за ним, как собачонка. Бартоломей смотрел, как Якоб чистил камеру пыток, вязал петли для повешения или точил меч, потому что отец был для этого слишком пьян. И в душе Якоб понимал, что когда-нибудь Бартоломей станет палачом лучшим, чем он сам.

Якоб же решил в будущем отказаться от этой профессии. Но разве у него был выбор? Сын палача становился палачом, если не желал наниматься вонючим живодером. Таков был закон, тщательно разделявший низкие профессии от остальных. Единственный выход представляла Большая война, которая много лет бушевала в стране и жаждала солдат – неважно, какого низкого они были происхождения.

– Что с отцом-то творится? – прошептал рядом Бартоломей и вырвал Якоба из задумчивости.

Они стояли возле костра, и толпа не сводила с них нетерпеливых взглядов. Бартоломей беспокойно кивнул на отца. Тот, несмотря на мороз, вытирал пот со лба и пытался не потерять равновесие.

– Старик на ногах кое-как держится... Уж не заболел ли?

К лобному месту тем временем подошли и четыре бургомистра с прочими высшими патрициями. Вместе с судебным секретарем и парой сотен зрителей они образовали круг, обступив палача с помощниками и приговоренного. Не в первый раз Якоб испытал тревожное чувство, будто его самого сейчас казнят.

– А что с ним может быть? – прошипел он, пытаясь сохранить самообладание, между тем как вокруг поднимался тихий ропот. – Напился, как всегда! Мы можем только молиться, чтобы он сам себя не подпалил.

Бартоломей неуверенно пожал плечами.

– А может... может, у него все-таки лихорадка? – пробормотал он. – Сейчас много кто заболел, мама вон тоже хворает...

Якоб закатил глаза. Он терпеть не мог, когда Бартоломей выгораживал отца. Хотя, возможно, причина в том, что отец давно отвернулся от Якоба, когда узнал, что старший сын не пожелал идти по его стопам. Якоб с радостью полюбил бы отца – вот только не получалось. Иоганн Куизль был пьяницей и неудачником. Прежде, да, он был палачом, почти таким же грозным, как его тесть, Йорг Абриль, который во время знаменитого процесса над ведьмами замучил, обезглавил и сжег более шестидесяти женщин. От деда братья унаследовали те странные книги, которые Бартоломей любил едва ли не больше, чем своих больных зверей, и по меньшей мере раз в неделю доставал с отцом из сундука. Они служили в семье напоминанием о славных, кровавых временах, когда их имя еще что-то значило.

Но эти времена давно прошли, а Иоганн Куизль превратился в развалину. Люди уже насмеялись у него за спиной и больше его не боялись – худшее, что может случиться с палачом.

Без страха палач превращался в пустое место.

Вот и теперь Якоб видел в глазах многих зрителей неприязнь; люди с презрением смотрели на дрожащего, потного пьяницу. В душе нарастал страх. Уже дважды отец чуть не провалил казнь. В третий раз ему не дадут спуска. Неумелого палача самого могли вздернуть или забить камнями.

А порой и всю его семью.

– Ну, берись за дело, Куизль! – крикнул Корбиниан Бертхольд, толстый пекарь; Якоб и Бартоломей иногда дрались с его сыном Михаэлем.

Бертхольд показал сначала на дрожащего, бормочущего пастуха, а потом на костер.

– Или нам за тебя все делать? Да может статься, что твои сорванцы слишком сырого хвороста набрали и нам до завтра торчать здесь придется...

Иоганн Куизль покачнулся, как старый дуб в ураган, затем собрался, схватил Ганса за шкурку и потащил к лестнице. Якоб знал, что теперь последует. В прошлом году ему уже довелось посмотреть, как сжигают ведьму. Часто, чтобы смягчить участь, приговоренному вешали на шею мешочек с порохом или заранее душили. У слабоумного Ганса тоже имелись покровители в городском совете. Прежде чем запалить костер, палачу следовало задушить пастуха тонким шнуром – быстрая, почти безболезненная смерть, если все сделать правильно.

Но теперь, глядя, как отец плетется к лестнице, Якоб сомневался, что все пройдет быстро и безболезненно, как ожидалось. Бартоломей тоже выглядел неуверенным. Он следил неподвижным взором, как отец подтолкнул хнычущего Ганса к лестнице и полез следом.

Это случилось, когда он добрался до верхней перекладки.

Куизль-старший потерял равновесие, беспомощно взмахнул руками и, точно мешок с мукой, свалился спиной в мокрый снег, где и остался лежать.

– Бог ты мой, да палач пьян вдрызг! – крикнул кто-то из толпы. – Разве что сам утопиться сможет!

Некоторые засмеялись, но теперь со всех сторон стал подниматься сердитый ропот, от которого у Якоба волосы встали дыбом. Казалось, пчелиный рой приближается с угрожающим гулом.

– Лучше сжечь его вместе с содомитом, чтобы все наконец успокоились! – проревел кто-то другой.

Якоб оглядел толпу. Это Корбиниан Бертхольд, ища поддержки, развернулся к горожанам.

– Нечего позорить нас тут своими выходками. Это который год уже продолжается! Над нами даже в Аугсбурге потешаются! Давно надо было его к дьяволу отправить и нанять палача из Штайнгадена!

– К дьяволу его! Ко всем чертям! – кричали ему в ответ.

В сторону палача полетели первые снежки и комья мерзлой земли. Казалось, напряженное ожидание вдруг выплеснулось вспышкой необузданного гнева. Судебный секретарь, багровый от злости, деловито махал руками, призывая к спокойствию, однако его никто не слушал. Четыре стражника, которые сопровождали процессию, замерли у костра, беспомощные и несколько напуганные.

Ганс Ляйнзамер стоял с разинутым ртом на платформе и тарасился на представление. Вот первые горожане, что посмелее, кинулись на палача с камнями и кинжалами, и толпа черной волной сомкнулась над Иоганном Куизлем. Кто-то пронзительно закричал, и Якоб заметил среди переплетения рук и ног отрезанное ухо. По грязному снегу, словно горячий

воск, растеклась алая кровь. Затем взгляд его упал на разбитое лицо отца. Палач устремил в сторону сына остекленелый взор, а град камней не прекращался.

С колотящимся сердцем Якоб повернулся к младшему брату. Тот растерянно смотрел на толкотню.

– Надо уходить! – проревел Якоб сквозь шум. – Быстро! Иначе станем следующими!

– Но... но... отец... – пролепетал Бартоломей. – Надо... помочь ему...

– Бартоломей, очнись, черт тебя побери! Отец мертв, как ты не понимаешь? Теперь свою шкуру надо спасать. Давай, пошли!

Якоб потащил застывшего от страха брата прочь от костра, как вдруг за спиной раздался истошный вопль:

– Его выродки деру дали! Держи их, держи!

Якоб бросил взгляд через плечо и увидел, как за ними по заснеженной дороге ринулась толпа детей и подростков. Впереди мчался сын пекаря Михаэль Бертхольд, которого Якоб всего пару недель назад крепко поколотил. Теперь тощий и хилый мальчишка получил наконец возможность поквитаться.

– Держи их! Держи их! – вопил он, размахивая поленом из костра.

Якоб не сомневался, что Михаэль, если сумеет, разmozжит ему этим поленом голову. Случай представился удобный – после всего, что произошло, никто не станет задавать лишних вопросов. А жизнь отпрыска палача не слишком-то ценилась.

Якоб треснул еще парализованного Бартоломея, и тот, вскрикнув от неожиданности, заковылял вперед. Похоже, и он наконец осознал всю серьезность их положения. Братья вместе припустились к открытым городским воротам, и толпа с воплями ринулась следом.

Повернув направо, в тесный проулок сразу за воротами, Якоб понял, что допустил ошибку. Преследователи разделились, и часть их уже загородила выход из переуллка. Вскинув дубинки и ухмыляясь, они приближались к своим жертвам.

– С папашей твоим мы уже разделались! – крикнул Бертхольд своему заклятому врагу. – Теперь твоя очередь, Якоб! Твоя и твоего братца!

– Вы нас сначала поймайте, – прохрипел в ответ Куизль-средний.

Краем глаза он заметил возле одного из домов повозку, груженную бочками. Повинуясь внезапному порыву, Якоб схватил брата за руку, влез на бочки и вскарабкался на низкую крышу. Бартоломей с трудом последовал его примеру, и вскоре оба оказались на покрытом снегом карнизе, откуда открывался вид на всю округу вплоть до места казни. Но Якоб понимал, что о спасении говорить рано. Судя по крикам и топоту, мальчишки устремились за ними. И действительно, из-за водосточной трубы уже показалась ухмыляющаяся физиономия Бертхольда.

– А дальше что? – спросил он язвительно. – Куда теперь сбежите? Может, упорхнете, как птички? Или дурачок Барт позовет орла, чтоб тот забрал вас?

Якоб в панике огляделся. Крыша, на которую их угораздило забраться, располагалась слишком далеко от остальных строений в проулке! До ближайшего дома было не меньше трех шагов. Сам Якоб был силен и крепко сложен, так что вполне мог одолеть это расстояние. Но как быть с младшим братом? Бартоломей был тяжелее и, судя по всему, очень устал. И все-таки стоило попытаться.

Якоб без всякого предупреждения рванулся с места. Внизу серым пятном мелькнула улица в пятнах снега вперемешку с нечистотами, затем ноги опустились на твердую поверхность. Якоб оказался на соседней крыше.

Он облегченно обернулся на брата. Бартоломей в нерешительности стоял на карнизе. Только он изготoвился к прыжку, как рядом, словно призрак, возник Бертхольд и оттащил его обратно на крышу. Следом появились другие мальчишки и бросились на Бартоломея. Тот отчаянно звал старшего брата:

– Якоб, Якоб! Помоги! Они убьют меня!

Якоб видел, как расширились у Бартоломея глаза, как тот беспомощно смотрит на старшего брата. Слышал, как сыпались на него удары. На Бартоломея бросились сразу шесть или семь мальчишек. Слишком много даже для Якоба – благодаря своей силе он без труда справился бы с тремя из них. Но даже если он ввяжется ненадолго в драку, кто-то должен предупредить маму и маленькую Лизель, пока не случилось худшее! Что, если толпа уже рвалась к ним в дом в Кожевенном переулке, пока он колотит здесь уличных мальчишек? Может, они уже жгут их крышу! Нельзя терять времени.

Но ко всем этим мыслям добавилось еще что-то, чего Якоб не желал принимать. Оно опутывало его как тонкая, клейкая паутина.

Пыл, с каким Бартоломей складывал накануне костер, его вечные похвалы вспылчивому отцу, безжалостное, даже деловое любопытство, с каким Барт следил за пытками старого пастуха, – все это усиливало лишь неприязнь к брату. То было едва ли не осязаемое отвращение, от которого Якоба порой тошнило. Вот и теперь во рту появился неприятный привкус.

В этот момент Якобу стало мучительно ясно: Бартоломей ничем не отличался от отца, как и все в проклятом роду палачей. Сам Якоб к ним никогда не принадлежал и никогда не будет – как бы ни старался он раньше добиться отцовского расположения.

Сам того не сознавая, парень принял решение.

– Якоб, помоги! – выл Бартоломей, пока на него градом сыпались удары. – Прошу тебя! Не оставляй меня!

Якоб еще раз посмотрел в расширенные от страха глаза брата. Затем молча развернулся и побежал по городским крышам к восточной стене и Кожевенному кварталу.

Позади раздался последний отчаянный выкрик, пронзительный вопль отчаяния, точно крик раненого зверя.

Якоб побежал быстрее, пока голос Бартоломея наконец не умолк.

1

**Спустя сорок с лишним лет, в нескольких
милях от Бамберга, 26 октября
1668 года от Рождества Христова**

– Проклятье, если они там не пошевелиятся, я их сам за шкуру до самого Бамберга дотащу!

Смачно выругавшись, Якоб Куизль поднялся в повозке и устремил вперед недовольный взгляд. Тесную ложбину, которая после нескольких изгибов выходила к руслу реки, загородил целый караван всевозможных телег и повозок. Дождь лил как из ведра, и хвойный лес, что обступал дорогу, почти скрылся из виду. Вода капала с нависающих ветвей, и этот непрерывный плеск сливался со множеством других звуков, доносившихся с переправы. Визжали свиньи, кричали и бранились люди, где-то ржала лошадь. И над всем этим стоял глухой шелест реки и дождя.

Магдалена хмуро посмотрела на отца, готового взорваться, словно вулкан. Ростом в шесть с лишним футов, он высился над повозкой, как колокольня над небольшой церковью.

– Дьявол их заberi, я...

– Видно же, что там что-то стряслось, – перебила его Магдалена.

Сидя посреди мешков с зерном, она зевнула и размяла затекшую поясницу. Холодный дождь вымочил шерстяной плащ, и молодая женщина начала мерзнуть.

– Или ты думаешь, мы тут ради забавы в грязи торчим?

Палач прокашлялся и пренебрежительно сплюнул в грязь.

– От этих безмозглых франконцев всего можно ожидать, – проворчал он чуть спокойнее. – Интересно знать, откуда они все повылазили... Даже на казнь столько народу не собирается, как сейчас в этом чертовом лесу. Мы вообще где? Нам разве не сказали, что мы еще до заката будем в Бамберге?

– В такую погоду это единственное место, где можно пересечь реку. И мы, как ты заметил, не одни такие.

Магдалена досадливо огляделась. Толкотня впереди и позади них превосходила все, что ей доводилось видеть у себя на родине, сонном Пфаффенвинкеле в предгорьях Альп. Три недели минуло с тех пор, как она с семьей покинула Шонгау, чтобы навестить дядю Бартоломея в Бамберге. Со вчерашнего дня, после остановки во франконском Хоххайме, размытый тракт становился все оживленнее. Бродячие подмастерья брели от одного селения к другому, корабейники тащили на согнутых спинах корзины, полные грубо вырезанных ложек, точильных камней и дешевых безделиц, мимо молча проносились богато одетые всадники. Но в основном дорогу загромождали телеги, двухколесные тачки, экипажи и обтянутые парусиной повозки, что стекались к епископскому городу.

– Эй, что там стряслось? – снова крикнул палач, сложив ладони рупором. – Вы чего, уснули там, олухи?

Возчики с соседних повозок тоже начинали ворчать, время от времени кто-нибудь ругался в голос. Магдалена заметила, что некоторые из мужчин опасливо, даже со страхом, поглядывают на сосны, мрачные и грозные, хотя день лишь клонился к вечеру, – словно за первыми стволами уже сгустилась ночь. Магдалене самой стало как-то не по себе.

– Может, какая-нибудь повозка застряла в грязи... Или несколько телят заупрямились и не желают идти дальше, – успокоила она сама себя и потянула отца за грязную рубаху: – Лучше сядь, пока ни с кем в спор не ввязался.

– Не так уж и трудно пересечь вброд узкую речку, – покачал головой Куизль. – Просто франконцы слишком тупы, вот и всё. Эти безмозглые пьяницы и на сухом берегу наверняка застряли бы.

Палач еще поворчал недовольно, потом наконец занял свое место, с мрачным видом достал трубку и принялся посасывать холодный мундштук. Табак у отца закончился еще в Нюрнберге, и настроение у него было соответствующим. Рядом среди мешков сидели остальные члены семьи. Младшая сестра Магдалены, пятнадцатилетняя Барбара, задумчиво смотрела на нескончаемый дождь. Внуки палача, Петер и Пауль, бесились на краю повозки, рискуя при этом свалиться в грязь. Как обычно, Пауль, на год младше, схватил пятилетнего брата за шею и принялся душить.

– Черт возьми, вы хоть иногда можете не ссориться? – выругался Симон, сидевший впереди с хозяином повозки, старым горбатым крестьянином.

Видно было, что лекарь тоже надоело ждать. До сих пор он пытался читать завернутую в промасленную тряпицу книгу о знахарском искусстве, хотя дождь то и дело капал на страницы. Теперь же Симон отложил потрепанный, вымоченный фолиант и строго взглянул на сыновей:

– Сколько можно!.. Если вы сейчас же не угомонитесь, я попрошу деда, чтобы оттянул вам уши на дыбе. Вы знаете, он может.

– Я могу обоих заковать в колодки, – добавил Куизль угрожающим голосом. – Тогда они, наверное, глаза друг другу выцарапают, вот и вздохнем с облегчением.

– Прекратите нести этот вздор, мужичье вы неотесанное! – Магдалена показала на маленьких драчунов, которые прервали драку: – Вы только посмотрите на них, как они перепугались!

Некоторое время мальчишки и в самом деле смущенно смотрели на деда – а в следующий миг бросились друг на друга с новыми воплями. Вскоре маленький Пауль торжествующе поднял над головой клочок волос. Его старший, более кроткий брат, который на целую голову был выше, в поисках защиты кинулся со слезами к отцу.

– Может, все-таки колодки? – с надеждой спросил Симон.

Магдалена сверкнула на него глазами:

– Может, тебе в виде исключения отложить разок книгу и заняться своими детьми? Неудивительно, что они дерутся. Это мальчишки, забыл? Не для того они созданы, чтобы спокойно сидеть в повозке.

– Нам повезло, что хоть кто-то согласился нас подвезти, – отпарировал Симон. – Я лично не горю желанием пешком добираться до Бамберга. До него еще миль пять, не меньше. А чтобы доплыть по Регницу, у нас все равно нет денег.

Лекарь потянулся и вздохнул. Потом схватил враждующих сыновей за шкирку и стал спускаться с ними с повозки.

– Но ты, как всегда, права, – пробормотал он. – Это ожидание кого угодно доведет.

Симон кивнул в сторону темнеющего за ложбиной леса, где пушистые ветви переплелись плотным занавесом.

– Пройдусь-ка с этими извергами среди деревьев, пусть ползают и побегают. Эта толкотня, судя по всему, надолго.

Он наградил каждого из сыновей подзатыльником, и те с радостными воплями принялись взбираться по отвесному склону. Вскоре все трое скрылись среди деревьев, и Магдалена осталась в компании отца и скупающей сестры.

– Симон слишком уж мягок с ними, – проворчал палач. – Сорванцов не помешало бы отстегать как следует. Не припомню, чтобы в мое время кто-нибудь из родителей так веревки вил.

– И это говорит тот, кто без конца кормит мальчиков сладостями и подстрекает на новые проделки. – Магдалена со смехом покачала головой. – Из вас троих ты, наверное, самый несносный. Не терпится послушать, что же твой брат поведает про тебя, когда ты сам был малолетним повесой.

– Ха, было б что рассказывать... Кровь, грязь и смерть. И вечные побои от отца, старого пьянчуги. Ничего другого не припоминаю. Вот ты мелким засранцем уплетаешь сливовое пюре, а в следующий миг тебя война прибирает...

Куизль уставился в пустоту, и улыбка застыла на лице Магдалены. Так было всякий раз, когда она заговаривала с отцом о его прошлом – он становился еще молчаливее, чем обычно. А уж о своем младшем брате Бартоломее он до сих пор и не упоминал почти. Еще пару лет назад Магдалена даже не знала, что у нее есть дядя, который трудится палачом в Бамберге. Поэтому, когда в позапрошлом месяце в Шонгау пришло изложенное в нескольких скупых фразах письмо, все они были порядком удивлены. Вот уже несколько лет прошло с тех пор, как у Бартоломея умерла жена. И вот он решил снова жениться и пригласил на предстоящие торжества шонгауских родственников.

Основной причиной, побудившей их пуститься в этот путь длиною почти в двести миль, был младший брат Магдалены Георг, который вот уже два года находился в Бамберге в обучении у дяди. С тех пор ни Магдалена, ни кто-то другой с ним не виделись. Обстоятельство это сильно ранило Куизля – хоть он и не признавал этого открыто – и служило, вероятно, единственной причиной, чтобы проделать столь долгий путь.

Краем глаза Магдалена наблюдала за отцом, пребывающим ныне на склоне своих лет. Его манера пожевывать трубку, мокрые седые волосы, крючковатый, в красных прожилках, нос и косматая борода придавали ему надменный вид, который в последние годы проявлялся все более явственно. Его репутации городского палача это нисколько не повредило, даже наоборот. Как и прежде, Якоб Куизль слыл выдающимся заплечных дел мастером – сильным, быстрым, умелым и наделенным разумом, острым, как его меч.

«И все-таки он постарел, – подумала Магдалена. – Постарел, и вид у него печальный. Особенно после смерти мамы. И Георга ему тоже не хватает, как и мне. Они такие одинаковые...»

– Проклятье, если они и дальше будут там торчать, дело бедой обернется! Ей-богу, бедой!

Палач снова вскочил с мешков, отчего повозка ощутимо качнулась. Старый крестьянин с крысиным лицом, который все это время терпеливо ждал на облучке, опасливо покосился на рассерженного гиганта. Губы его зашевелились в беззвучной молитве, и он повернулся к Магдалене.

– Богом прошу, скажи своему отцу, чтобы он сел обратно, – шепнул хозяин повозки. – Если он и дальше будет буянить, воли, чего доброго, взбесится... – Он небрежно махнул рукой. – А еще лучше отправляйтесь до Бамберга пешком, тут уже недалеко.

– Не беспокойся, отец сейчас успокоится. Уж я его знаю. Вообще, он добрейшей души человек. – Магдалена заговорщически понизила голос: – Во всяком случае, пока у него табак не кончится. У тебя, случаем, не завалилось пары щепоток?

Крестьянин нахмурил лоб:

– Я что, по-твоему, стану курить эту дрянь? Церковь его запретила, и не без причины. Трава эта прямиком из преисподней. Воняет, по крайней мере, точно как оттуда.

Он перекрестился и с недоверием взглянул на палача.

Магдалена со вздохом откинулась на мешок и поджала губы. Старик, который за несколько монет подобрал их в Форххайме, ничего не знал о ремесле Куизля, и женщина благоразумно хранила молчание. Будучи дочерью палача, она понимала: если набожный

крестьянин вдруг выяснит, что в пассажирах у него заплечных дел мастер, да еще с семьей, то, скорее всего, ринется в ближайшую церковь и раз десять перечитает «Отче наш».

Свой путь они начали по Леху: на одной из барж добрались сначала до Аугсбурга, а оттуда по мелким речкам – до Нюрнберга. Там у них закончились деньги, и дальше пришлось двигаться по суше. Теперь до Бамберга оставалось всего несколько миль, и тем досаднее была эта задержка.

– Может, посмотрим, почему все встали? – предложила Барбара, сидя на одном из дальних мешков и со скучающим видом свесив ноги с борта повозки. – Все лучше, чем сидеть тут и папину ругань слушать.

Она надулась и поиграла волосами, такими же черными, как у Магдалены. Барбара вообще была очень похожа на свою старшую сестру: те же густые брови и те же черные глаза, в которых всегда читалась легкая насмешка. Все это они унаследовали от матери, Анны-Марии, которая умерла несколько лет назад от лихорадки.

Магдалена кивнула:

– Ты права. Пройдем вперед и посмотрим, что там стряслось на переправе. Пускай ворчун брюзжит себе в одиночестве... – Она подмигнула отцу: – Может, мы даже найдем для тебя немного табака.

Но палач закрыл глаза и, казалось, вслушивался в какую-то мелодию внутри себя. Он несвязно шевелил губами, но Магдалена не смогла разобрать звуков.

Хотя подозревала, что это, как всегда, какой-нибудь давно позабытый марш.

Как только Симон шагнул с сыновьями в густой хвойный лес, крики со стороны обоза почти смолкли. Землю устлали прелые, мокрые от дождя иголки, поглощая малейший шум. Где-то поблизости прокричала сойка, потом воцарилась тишина, неестественная после шумного столпотворения. Даже шелест дождя под плотным хвойным пологом казался каким-то нездешним. Дети, видимо, тоже прониклись торжественной атмосферой. Они прекратили жаловаться и крепко держались за отца.

Симон улыбнулся. Все как обычно. Еще минуту назад он готов был как следует выпороть негодников, но теперь сердце его снова переполняла любовь, безграничная, как небо за горизонтом.

– Сегодня вечером вы наконец увидите с дядей Георгом, – сообщил он веселым голосом. – Раньше он всегда вырезал вам мечи из ясеня. Помните? Может, и в этот раз смастерит вам парочку...

– Да, как у палачей! – крикнул маленький Пауль. – Хочу меч, как у палачей, и рубить головы курам! Как у Штехлин в саду! Можно, пап? Пожалуйста!

– Даже не вздумай!

Симон строго взглянул на сына.

Он до сих пор с содроганием вспоминал бойню, которую Пауль несколько месяцев назад учинил над курами знахарки Марты Штехлин. При этом больше всего лекаря смутила ухмылка на лице младшего сына. Резня явно пришлась Паулю по душе. Первая в жизни казнь стала для мальчика праздником.

– А дядя Георг теперь тоже палач? – спросил Петер.

Он был куда спокойнее и смысленнее младшего брата. Иногда даже не верилось, что ему всего пять лет. Симон полагал, что причиной тому был серьезный, всегда внимательный взгляд, которым мальчик смотрел на собеседника из-под копны черных волос.

Симон кивнул, с радостью сменив тему:

– Ты прав, Петер. Георг сейчас в учении у вашего двоюродного деда в Бамберге. И когда дед станет слишком стар, он, наверное, станет новым палачом в Шонгау.

– А потом и я, да, папа? – восторженно спросил Пауль. – Я тоже когда-нибудь стану палачом!

– Ну... наверное, – осторожно ответил Симон.

Петер вдруг стиснул его руку и остановился.

– Я не хочу быть палачом. Люди пугаются деда, я так не хочу. Они говорят, что он в сговоре с дьяволом и приносит несчастье. – Мальчик упрямо топнул ногой. – Я стану цирюльником, папа, как ты. Чтобы помогать людям.

Симон невольно ответил на рукопожатие. Действительно, Петер уже сейчас наблюдал за отцом во время лечебных процедур. Он уже читал первые слова на латыни. В отличие от младшего брата, Петер как одержимый рассматривал яркие иллюстрации в книгах из домашней библиотеки Куизля. Так он мог сидеть часами, водя маленьким пальчиком по строкам.

«Он такой же, как я, – подумал Симон. – Но ему никогда не позволят стать врачом. Только не внуку палача, только не теперь».

– Пап, я чувствую смерть. Там, впереди, смерть.

Тонкий и звонкий голос Пауля вырвал Симона из мира грез. Как обычно, сообщая что-нибудь жуткое, мальчик говорил на удивление равнодушно.

– Ты ее тоже чувствуешь, смерть? Такой сладкий запах, как от гнилой сливы.

– О чем это ты... – начал Симон, но Пауль уже высвободил руку и пустился в глубь леса.

– Эй, чтоб тебя, а ну стой! – крикнул Симон ему вслед.

Но Пауль уже скрылся среди сосен и не слышал его. Цирюльник выругался, поднял старшего сына на руки и побежал сквозь мокрые заросли, при этом несколько раз споткнулся и едва не упал. Ветви хлестали по его лицу и рвали брюки.

Через некоторое время Симон наконец различил плеск текущей воды. Сосны расступились и уступили место пойменному лесочку с редкими березами, среди которых змеился неглубокий ручей. На берегу стоял Пауль и гордо показывал на крупное раздутое тело, сваленное в темную воду.

– Здесь, здесь! – кричал он взволнованно. – Я нашел!

Симон шагнул ближе и только тогда понял, что перед ним туша крупного оленя. Кто-то разорвал животному горло, да так, что голова с громадными ветвистыми рогами покачивалась на воде. Живот тоже был разорван, и сквозь мокрую кожу тянулись густые кровавые полосы, как от серпа или граблей.

– Что, ради всего святого...

Симон осторожно поставил Петера на землю и медленно подошел к труп. В воздухе стоял сладковатый запах разложения. Симон решил, что туша пролежала здесь всего пару дней. Но черви и жуки уже начали свое дело. Пауль потянул за рога, так что голова чуть не оторвалась окончательно.

– Не трогай! – одернул его Симон. – Кто знает, вдруг олень был болен... Возможно, от него исходят ядовитые испарения, и ты можешь заразиться.

Но собственные слова показались ему нелепыми. Олень убила вовсе не болезнь – его задрали. Вопрос лишь в том, что за хищник смог причинить ему такие увечья.

Стая волков? Медведь?

Симон задумчиво огляделся. Тишина, поначалу такая приятная, вдруг показалась злобной. Даже если это крупный хищник, странно, что он не разорвал добычу на месте или, по крайней мере, не оттащил в какое-нибудь укрытие.

Может, потому, что он до сих пор где-то поблизости?

Где-то треснула ветка, словно под тяжестью, и деревья, что обступили поляну, разом встали плотнее. Симон ощутил легкую подавленность, которой так и не нашел объяснения. Казалось, сам лес затаил дыхание.

– Петер, Пауль, – начал цирюльник сдержанным голосом. – Пора возвращаться. Мама, наверное, уже волнуется. Пошли.

– Но рога! – заныл Пауль и снова потянул за гниющую голову. – Я хочу забрать рога!

– Вот еще...

Симон взял сыновей за руки и потащил их прочь от ручья. В воде вилась тонкая, как ниточка, струйка крови. Симона вдруг охватил страх, безудержный, словно налетевшая гроза.

Там, впереди, смерть... Такой сладкий запах, как от гнилой сливы.

– Я сказал, нам пора. – Симон вымученно улыбнулся. – А будете послушными, я расскажу вам, какие сладости продаются на ярмарках в Бамберге. И как знать, может, завтра дядя Георг купит вам пару засахаренных яблок... Так что идем.

Пауль нехотя сдался и отвернулся от туши. Они зашагали сквозь мокрые заросли, и вскоре ручей напоминал о себе лишь отдаленным журчанием.

Несколько раз Симону слышался за спиной шорох, словно ступал какой-то крупный зверь. Но всякий раз, когда он оборачивался, позади лишь плотными рядами стояли сосны и дождь капал с ветвей. К тому времени, как они вернулись к ложбине, где по-прежнему шумели крестьяне, от страха осталось лишь тревожное чувство.

И вонь разложения, ввевшаяся в одежду.

Охваченные любопытством, Магдалена с Барбарой шагали по заставленной повозками ложбине. Платья их забрызгало грязью и нечистотами, то и дело сестры шарахались от ворчащих свиней и ревущих в страхе волов. Обозу, казалось, не будет конца.

– Ума не приложу, как они все в Бамберге поместятся, – простионала Барбара.

– Учти, это тебе не Шонгау, – напомнила ей Магдалена. – Вот побывала бы ты со мною и Симоном тогда в Регенсбурге... Там улицы шире, чем наша рыночная площадь. – Она нахмурилась: – Но ты права. Если так и дальше будет продолжаться, нам в Бамберг до заката не попасть, и крестьянам придется ждать под стенами. Завтра большая ярмарка, и каждый хочет быть первым. Потому все злятся и напирают.

Сестры семенили мимо бранящихся крестьянок с горами капусты, яблок и груш, мимо сидящих неподвижно конюхов и шумливых зажиточных крестьян, что телегами завозили зерно в город. Несколько раз перед ними выскакивали заблудившиеся козлята или телята.

Наконец они подошли к броду. Дождь взмутил воду, и множество ног превратили переправу в бурое месиво. Там столпились извозчики и крестьяне. Встав полукругом, они, похоже, рассматривали что-то лежащее на земле. Заинтригованные, Магдалена и Барбара протиснулись сквозь толпу, пока не пробились к самому берегу.

У Магдалены перехватило дыхание.

– Бог ты мой! – просипела она. – Что же тут случилось?

Перед ними в намытой волнами тине лежала оторванная человеческая рука. На ней еще висели клочья белой когда-то рубашки. Рыбы, похоже, объели кончики некоторых пальцев, на запястье виднелись разорванные сухожилия, но в целом рука неплохо сохранилась. Магдалена решила, что она пролежала в воде всего несколько дней – уж точно не дольше двух недель.

– А я вам говорю, это та самая зверюга! – заявил один из возчиков в толпе. – Эта рука – предостережение нам. Кто перейдет реку, того она и пожрет.

– Зве... зверюга? – переспросила Барбара, вытаращив глаза. – Что еще за зверюга?

Ей явно стоило больших усилий оторвать взгляд от жуткой находки.

– Ха, а ты до сих пор про нее не слыхала? – Другой извозчик в широкополой шляпе сплюнул перед ними в илистую воду. – В Смоорвальде¹ настоящий монстр завелся! На его совести уж куча народу числится. Хорошо бы невредимыми до города добраться...

Первый извозчик, высокий и широкоплечий мужчина лет пятидесяти, смиренно покачал головой.

– В городе теперь тоже небезопасно, – проворчал он. – У меня шурин в Бамберге живет, так он собственными глазами видел, как стражники выловили из Регница руку и ногу, прямо у Большого моста. А теперь еще вот это... Господи, защити нас и наших детей!

Он перекрестился, и пожилая женщина возле него затараторила молитву.

– Эммм... это все, конечно, прескверно, – начала Магдалена осторожно. – Но тогда нам тем более стоит поторопиться, пока не стемнело.

Она взглянула на деревья, над верхушками которых уже сгущались тени, и невольно подумала о Симоне и сыновьях, которые, наверное, до сих пор играли в лесу.

– Ну, чего же мы ждем?

Высокий извозчик сначала посмотрел на нее растерянно, а потом заговорил медленно, словно обращался к ребенку:

– Ты что, не понимаешь? Мы не можем перейти реку! – Он с содроганием показал на оторванную руку: – Разве не видишь, что рука показывает в нашу сторону, будто предостеречь хочет? Кто пройдет по этому месту, того ждет погибель!

– Неподалеку от Мюнхена как-то тоже нашли руку, на краю моста, – добавил извозчик в шляпе и задумчиво поскреб небритый подбородок. – Кто-то прибил ее свинцовым гвоздем к перилам. Кое-кого это позабавило. Они оторвали руку, швырнули ее в реку и поскакали по мосту дальше. А мост возьми да и обвалился, и течение всех унесло. Больше их никто и не видел!

– Но... не станем же мы торчать тут все из-за какой-то руки! – возразила Магдалена. – За нами уже целый обоз скопился!

Однако и ее охватила легкая дрожь при виде оторванной, уже подгнившей конечности в грязи. Что же, ради всего святого, случилось в лесу с ее владельцем?

– Нам конец, – пробормотала пожилая женщина рядом с сестрами. – Эта переправа единственная на много миль вокруг. Если придется провести ночь здесь, то помилуй нас Господи! Эта зверюга всех нас прикончит.

Она в очередной раз перекрестилась и взглянула в сторону темнеющего леса. Дождь все лил, не переставая.

– Может, стоит провести Симона с детьми? – прошептала Барбара Магдалене. – Если тут и в самом деле кто-то зверствует, то лучше держаться поближе к повозкам.

Магдалена кивнула:

– Ты права. Я сейчас же...

В этот миг за спиной послышались знакомые голоса. Магдалена обернулась и, к своему великому облегчению, увидела, как Симон вместе с ребятами проталкивается к ней сквозь толпу. Невысокий цирюльник выглядел бледным и встревоженным, и все-таки по лицу его скользнула улыбка.

– Твой отец сказал, что ты где-то здесь, у переправы, – сообщил он и показал через плечо. К ним приближался массивный силуэт палача. – До сих пор все стоит, вот он и ругается, как извозчик.

– Ну, теперь мы хотя бы выяснили причину задержки, – ответила Магдалена и показала на руку в грязи: – Люди усмотрели в этом предостережение и не желают переходить реку. А...

¹ Имеется в виду Хауптсмоорвальд – лесной массив к юго-востоку от Бамберга.

Она хотела объяснить все подробнее, но тут к ним подошел отец. Не удостоив собравшихся взглядом, он хмуро посмотрел на оторванную конечность. Потом наклонился к ней, чтобы рассмотреть хорошенько.

– Не трогай! – прошипел извозчик в шляпе. – Еще беду накличешь – на себя и на всех нас!

– Это из-за того, что я трону гнилую руку? – Палач по-прежнему держал во рту трубку, и невозможно было толком разобрать слова. – Будь оно так, меня бы несчастья преследовали, как Иова.

Он осторожно поднял руку и стал осматривать.

– Господи, что он такое делает? – просипел высокий извозчик. – Можно подумать, он ее нюхает!

– Ну... не совсем, – отозвалась Магдалена. – Он только...

– Человек, которому принадлежала эта рука, был хилым и довольно старым, – перебил ее палач и вынул наконец трубку изо рта. – Лет шестьдесят, наверное... Нет, скорее семьдесят. И он был знатным господином. Во всяком случае, постоянно что-то подписывал и ставил печати. Хм... – Он поднес руку к самому лицу, словно хотел укусить. – Да, несомненно, патриций. Не так давно овдовел и подыскивал партию помоложе. Возможно, как раз ехал на смотрины. Да толку-то, ему все равно недолго осталось. Подагра его уже доконала. Еще год или два, и был бы готов. – Куизль степенно кивнул. – Проклятье, эта рука – предостережение всем нам, чтоб не переедали жирного мяса. Ни больше, ни меньше... Что ж, она свою задачу выполнила.

Палач широко размахнулся и швырнул руку в бурлящий поток, где та сразу и потонула. Толпа охнула, как если бы Куизль убил одного из них.

– Ты... ты что же натворил? – прохрипел извозчик в шляпе. – Знак...

– Какой еще знак? Это всего лишь рука. А теперь поехали дальше, пока я действительно не озверел от этой погоды.

С этими словами Куизль зашагал обратно к повозкам. Люди у реки провожали его растерянными взглядами.

– Господь помилуй, кто ж это был? – спросил наконец коренастый извозчик. – Колдун? Или демон? Откуда он узнал, чья это рука?

– Он, скажем так, повидал уже немало оторванных конечностей, – ответила Магдалена и развернулась. – В этом отношении у него... имеется кое-какой опыт. Так что можете не сомневаться в его словах.

И она вместе с остальными поспешила вслед за отцом.

Вскоре они настигли Куизля. Он быстро шагал по размытой ложбине, и вид у него был мрачный. Симон поручил сыновей Барбаре и, не скрывая любопытства, обратился к тестю.

– Я впечатлен, мое почтение, – сказал он, стараясь, как и Магдалена, не отставать от палача.

– Черт, потому что Господь даровал мне глаза, – проворчал Куизль. – Вот и всё. Никакого колдовства. Так что можешь приберечь свои похвалы.

– Ну, не тяни, – потребовала Магдалена, зная, как отец любил подержать других в неведении; ее тоже терзало любопытство. – Рассказывай, а то Симон опять спать не сможет.

Куизль усмехнулся:

– И поделом бы ему... Ну да ладно.

Не сбавляя шага, он принялся живо объяснять:

– Кожа была морщинистая, как у старика, но ладони без мозолей, мягкие, как попа младенца. Кроме того, на кончиках еще уцелевших пальцев остались вьевшиеся чернильные пятна. Да, а к одному ногтю, очень ухоженному, пристало крошечное пятнышко сургуча. Говорю же, у меня есть глаза. А больше тут ничего и не нужно.

– Но вы еще говорили про смотрины и подагру, – не унимался Симон. – Что все это значит?

– Проклятье, ты кто, цирюльник или шарлатан? Не видел узловатые суставы и белесые пятна? Что толку читать книжки, если не можешь читать людей? – Куизль презрительно сплюнул. – Суставы до того распухли, что я с трудом заметил бледную линию на безымянном пальце. Тот человек долго носил обручальное кольцо, думаю, не один десяток лет. Но не так давно снял его. А это делается лишь в том случае, если решил подыскать себе кого-то нового. Он был в пути. Возможно, ехал к невесте. И все-таки...

Палач задумчиво замолчал и остановился. Повозки постепенно приходили в движение. Вот уже приближалась со скрипом их собственная, направляемая старым крестьянином.

– Что такое? – спросила Магдалена. – Видимо, есть что-то еще, чего ты не стал говорить ни нам, ни остальным?

Куизль пожал плечами:

– Ну, кое-что и вправду заставило меня задуматься. Можно подумать, что этого человека убили. Убийцы оставили тело в лесу, где его нашли и разорвали дикие звери. Рука в конце концов упала в воду, и сегодня во время дождя ее прибило к берегу.

– Но все было не так, – тихо проговорил Симон. – Я прав?

– Ты прав, все было не так. Я осмотрел сустав. На нем нет следов укусов. Руку аккуратно отрезали. Звери тут ни при чем. Беднягу разделали, как подвешенную тушу. Но кто и почему, этого даже я не могу объяснить.

Палач стряхнул с волос капли дождя и забрался на козлы. Крестьянин, который с содроганием слушал его последние слова, смотрел на него, как на воплощенный кошмар.

* * *

Путники добрались до Бамберга перед самым закатом. За последний час они несколько раз слышали, как воют волки, – правда, очень далеко, в лесах. И все-таки этого оказалось достаточно, чтобы у Барбары в свете пережитого у реки побледнело лицо. Может, это то самое чудовище, о котором толковали люди?

По крайней мере, дождь наконец прекратился. Но дорогу так размывало, что повозки катились очень медленно. Всю округу пронизали небольшие речки, ручьи и каналы, и болотистая земля, особенно к югу от города, превратилась в едва проходимую чащу. А вот к востоку, наоборот, простирались поля и пашни. Но теперь, под конец октября, они смотрелись голыми и неприветливыми.

Магдалена брезгливо поморщилась. От резкого запаха, которым встретил их город, стискивало горло. Справа от дороги тянулся широкий ров, который пересыхал возле городских ворот, образуя вязкое, вонючее болото. В скудных лужах плавали гнилые фрукты и трупы мелких зверей. Перекинутый над топью широкий обветшалый мост упирался в городские ворота, перед которыми в час закрытия теснились повозки. Многим их владельцам, скорее всего, придется провести ночь на залежных полях за городскими стенами. После разговора извозчиков и страшной находки у реки от одной только мысли об этом Магдалена содрогнулась. Что же такое скрывалось в лесах вокруг Бамберга?

Путники спешно попрощались со старым крестьянином, который явно рад был от них избавиться, и направились к узкой калитке возле ворот. Они подоспели как раз вовремя. Колокола бамбергских церквей уже созывали домой горожан, что трудились на своих небольших наделах за городскими стенами. В проеме стоял стражник с ключом и поторапливал запоздавших. На лице его читалась тревога, даже страх. Он лишь спросил Куизлей об их намерениях в городе и спешно пропихнул их в ворота.

– Пошевеливайся! – рявкнул стражник и подтолкнул идущую позади всех Барбару, чтобы шагала быстрее, и показал на солнце, опустившееся к западной стене: – Скоро тут темно будет, хоть глаз выколи. – Он зябко потер руки. – Осенние ночи, будь они неладны... День меркнет, и перекреститься не успеваешь.

– Если у тебя от страха штаны тяжелеют, шел бы в пекари, а не стражники, – ответил с усмешкой Куизль, протискиваясь сквозь низкий проем. – Сейчас уже лежал бы в кровати рядом с женой, мял бы ее пухлые булки...

– Я бы на твоём месте попридержал язык, громила. Что ты вообще знаешь об этом проклятом городе?

Стражник, казалось, хотел еще что-то добавить, но потом лишь пожал плечами и побрел по шаткой лесенке в сторожку, чтобы заступить на ночное дежурство.

Магдалена взглядела в тень впереди, где начинались первые дома. С тех пор как она в последний раз бывала в большом городе, прошло несколько лет. Это было в Регенсбурге в самый разгар лета, сияло солнце, и дух захватывало от размеров и роскоши. В Бамберге, напротив, было что-то гнетущее. Возможно, причиной тому была осенняя пора. Вслед за вечерней прохладой на город стал напирать туман – сначала небольшими клочками; но постепенно он сгущался и плотным покрывалом стелился по крышам домов. За воротами начиналась широкая улица, которая вскоре переходила в лабиринт извилистых, немощеных проулков.

Черные щупальца сумерек уже тянулись к покосившимся домам, так что Магдалена могла лишь догадываться о размерах города. Говорили, что Бамберг, как и Рим, был построен на семи холмах. Женщина и вправду заметила на юго-востоке три темные возвышенности. На средней величественно возвышался символ города – собор. На правом холме в отсветах уходящего дня вырисовывались очертания большого монастыря. Слева, чуть дальше остальных, окутанные туманом, высились развалины крепости. Оттуда доносился плеск то ли канала, то ли реки. По крайней мере, воняло теперь не так противно, как у ворот.

Многочисленные повозки и телеги, что теснились минуту назад перед воротами, теперь с дребезгом катили к отведенным для них местам и терялись во мраке. Время от времени, блуждая с семьей по грязным, зловонным улочкам, Магдалена слышала смех и одинокие выкрики. Из-за поворотов доносились торопливые шаги или скрип колес, потом наступала тишина. Магдалена помнила это вечернее спокойствие в Шонгау, но Бамберг почему-то представлялся ей более оживленным. Было в пустоте темных переулков что-то тягостное, враждебное.

«Как на кладбище, – пронеслось у нее в голове, и она плотнее повязала платок. – Чувствуют ли это остальные?»

Магдалена оглянулась на Симона и на других, уныло шагавших следом. Петер и Пауль были вымотаны и тихо жаловались, дергая Симона за руки. Отец молча шагал впереди.

– Далеко еще? – спросила Магдалена усталым голосом. – Дети проголодались, и у меня уже ноги отваливаются. Да и не горю я желанием часами бродить в темноте по незнакомому городу. Кого только не встретишь...

Палач пожал плечами:

– Палачи нечасто селятся посреди главной площади. А с прошлого раза, когда я бывал здесь, видимо, кое-что переменилось. – Он огляделся по сторонам. – Туман, чтоб его! Вообще-то нам надо идти к северу вдоль городской стены...

– Стена у нас за спиной, – перебил его Симон и показал через плечо в полумрак. – Я успел заметить на небольшой площади с колодцем...

– Может, почтенный зять подскажет мне, где разыскать собственного брата?

– Почтенный зять хочет помочь, только и всего, – вмешалась Магдалена. – Так нет же, ты, как всегда, всех умнее. – Она вздохнула: – Почему вы, мужчины, становитесь такими твердолобыми, когда заблудитесь?

– Я не заблудился, просто темно и туман густой, – проворчал Куизль и поспешил дальше. – Могли бы и дома остаться. Я все равно тащился сюда лишь затем, чтобы с Георгом повидаться. Уж точно не из-за братца, старого мерзавца... Вообще удивительно, почему он пригласил нас на свою свадьбу. – Он сплюнул на пыльную мостовую. – От одной только мысли, что в Шонгау вместо меня сейчас хозяйничает палач из Штайнгадена, мне становится дурно. Знатную же резню он там устроит...

Магдалена зашагала следом. Чувство подавленности все росло. Темнота и туман в тесных, неосвещенных переулках сгустились уже настолько, что дальше следующего поворота ничего нельзя было разглядеть. Время от времени раздавался шорох, словно кто-то или что-то следовало за ними по тесным проулкам. Магдалена оглянулась на других и заметила, что Симон с Барбарой тоже опасливо озираются. Она невольно вспомнила бледное лицо стражника и его последние слова.

Что вы вообще знаете об этом проклятом городе?

Что, если стражник чего-то недоговаривал? И если это как-то связано с чудовищем, о котором говорили извозчики? Оторванная рука принадлежала богатому горожанину. Может, патрицию из Бамберга?

Магдалена снова взгляделась во мрак и неожиданно поняла, что ее так угнетало. Это было так очевидно, но она до сих пор этого не замечала.

«Дома! – пронеслось у нее в голове. – Многие из них пустуют!»

И действительно, во многих домах, мимо которых они проходили, были заколочены окна, где-то не хватало дверей, или черные провалы зияли на месте оконных проемов. Магдалена присмотрелась к ним внимательнее. То были не какие-нибудь убогие жилища, а богатые особняки, принадлежавшие когда-то патрициям и зажиточным горожанам. От некоторых строений остались лишь руины, а некоторые как раз начали восстанавливать. Магдалена вспомнила многочисленные краны, подъемники и мешки с раствором, которые попадались им на пути. Симон, судя по всему, тоже заметил пустующие жилища.

– Что случилось с домами? – спросил он тестя. – Почему их столько заброшено?

– Ну, война и в Бамберге побушевала, – отозвался палач, вспоминая дорогу перед очередной развилкой. – Да с размахом. Солдаты разоряли город с завидным постоянством. Лет двадцать с тех пор прошло, но многие горожане тогда бежали и больше не возвращались. Когда я бывал здесь несколько лет назад, все было намного хуже. Городу нужно время, чтобы оправиться после такого. Хотя и это не всегда получается, и остается лишь груда развалин, где только ветер свищет...

– Но Шонгау ведь быстро все преодолел, – заметила Магдалена задумчиво. – К тому же пустуют по большей части дома патрициев.

– Мне совершенно все равно, что здесь было, – пожаловалась Барбара, которая плелась в хвосте. – Я просто устала. Надеюсь, дядя Бартоломей не в таких же развалинах живет. Надо было мне дома остаться. Там сейчас Кирмес², танцы и...

– Боюсь, есть еще и другая причина, почему столько домов заброшено, – перебил ее отец, оставив без внимания жалобы младшей дочери. – Куда ужаснее, чем война, если такое вообще возможно. Я слышал об этом даже в Шонгау. Скверная история.

Магдалена вопросительно посмотрела на палача:

– Что за история?

² Кирмес – в Германии традиционный праздник урожая и окончания полевых работ; отмечается в третье воскресенье октября.

– Спросишь у Бартоломея. Думаю, он знает об этом больше, чем ему хотелось бы... – Палач ускорил шаг. – А теперь пошевеливайтесь, пока Барбара своим нытьем стражников на нашу голову не накликала.

Куизль молча шагал сквозь туман. Где-то за городскими стенами снова завывали волки.

* * *

Адельхайд Ринсвизер остановилась и прислушалась. Волчий вой нарастал, словно детский плач, пронзительный и протяжный. Над соснами серебряным диском показалась почти полная луна.

Звери были еще далеко, вой раздавался глубоко в лесу. И все-таки сердце у Адельхайд забилося чаще. Она пробиралась сквозь заросли по другую сторону городских стен. В том, что по окрестностям водились волки, не было ничего необычного – даже спустя двадцать лет после войны многие из разоренных селений оставались заброшенными, и среди развалин бродили лишь дикие звери. Но в Хауптсмоорвальде волки не показывались уже давно. Они сторонились людей с их дубинами, мушкетами и мечами и предпочитали охотиться на овец, что паслись на лугах к югу от Альтенбурга.

Разве что теперь голод пересилил страх.

Адельхайд поежилась, плотнее закуталась в плащ и двинулась дальше в лес. Теперь, в конце октября, по ночам было уже чертовски холодно. Если б муж знал об этой ее ночной вылазке, то ни за что не отпустил бы. Стражника у ворот тоже лишь с огромным трудом удалось уговорить, чтобы открыл ей ворота в столь поздний час; но то, что разыскивала молодая супруга аптекаря, пригодилось бы и его жене. Поэтому часовой ворчливо выпустил женщину за ворота.

Под ногами трещали ветки. Она миновала несколько искривленных сосен, что тянули к ней свои ветви. Вдали на городской стене мерцало несколько огоньков, но среди деревьев царил непроглядная тьма. Только луна освещала женщине путь. Снова послышался волчий вой, и Адельхайд непроизвольно ускорила шаг.

Она искала волкану, похожий на лилию цветок, считавшийся верным средством против беременности. Женщины часто приходили тайком к ней и к ее мужу в аптеку и отчаянно просили снадобье, способное уберечь их от позора и столба на рыночной площади. Муж обычно гнал бедных девиц прочь или отсылал к знахарке за городскими стенами. Умерщвление плода – даже содействие этому – в епархии Бамберга, как и везде, каралось смертью. Но Адельхайд всегда сочувствовала девушкам. Ей и самой, прежде чем выйти за почтенного аптекаря Магнуса Ринсвизера, приходилось после какого-нибудь романа попадать в переплет. Старуха Траудель в Тойерштадте выручала ее тогда волканой, и теперь Адельхайд считала своим долгом помогать другим.

Именно старуха Траудель рассказала ей тогда, что волкану следует собирать лишь при растущей луне. Ее также называли колдовской или чертовой травой, и в здешних местах она была очень редка. Однако Адельхайд знала укромную поляну, на которой в прошлом году уже собрала несколько цветков. И теперь она надеялась, несмотря на позднюю осень, отыскать еще немного.

Снова послышался вой, и женщина с содроганием отметила, что в этот раз он звучал ближе. Неужели волки осмелились подобраться вплотную к городу? Адельхайд невольно подумала о пропавших людях, которые уже не первую неделю были главной темой для разговоров. Бесследно пропали две женщины, и старый Шварцконц так и не вернулся из поездки в Нюрнберг. До сих пор нашлась лишь оторванная рука, да из Регница выловили изгрызенную крысами ногу. Горожане уже поговаривали о дьявольском промысле, тем более что недавно ночью кто-то видел на улице мохнатое существо. До сих пор Адельхайд считала

все это преувеличенными слухами, но за городскими стенами, в темном лесу, опасность уже не представлялась ей надуманной.

Она вцепилась в ремни ивовой корзины за спиной, в которой уже лежали кое-какие травы, и пустилась бегом. Теперь уж недалеко. Вот слева показался ствол поваленного дуба, служивший ей вехой, и проступили в лунном свете знакомые заросли боярышника. Адельхайд раздвинула колючие ветки и наконец увидела поляну. У женщины вырвался вздох облегчения.

Ну, наконец-то! Слава Богу!

Вскоре она увидела в серебристом свете луны то, что искала. Цветы росли у противоположного края поляны. Семенные коробочки давно раскрылись, но по-прежнему распространяли слабый аромат экзотических пряностей. Адельхайд спешно направилась к растениям, на ходу доставая из корзины тонкую льняную перчатку и крепкий кожаный мешочек. Семена волканы были так ядовиты, что их нельзя было касаться обнаженными руками. В жаркую погоду сочащееся из них масло легко воспламенялось, поэтому волкану также называли «купиной неопалимой». Сейчас на вялых стеблях болтались лишь остатки семенных коробочек, но Адельхайд не хотела рисковать без нужды. Она осторожно собирала немногочисленные семена, складывала в небольшой мешочек и шептала при этом молитву, как учила ее старая Траудель.

— ...и благословен плод чрева твоего Иисус...

Адельхайд спешно перекрестилась и поднялась. Не успела она завязать мешочек, как снова раздался вой.

В этот раз совсем близко.

Адельхайд испуганно огляделась. За кустами боярышника, дрожащими под осенним ветром, притаился какой-то темный силуэт. Неясный и подрагивающий, он замер у самой земли. В темноте вспыхнула пара красных глаз.

Это еще что за...

Адельхайд вытерла пот со лба, и красные глаза внезапно исчезли. Может, разыгралось воображение?

— Эй! Кто там?... – нерешительно спросила она во тьму.

Не дождавшись ответа, Адельхайд пробормотала молитву, стиснула в руке мешочек и бегом пересекла поляну, сторонясь при этом кустов боярышника. До городских ворот оставалось еще больше мили, но деревья расступились гораздо раньше. Вот показались первые селения. Скоро она окажется на относительно безопасной дороге, надо только поторопиться. Быть может, ей даже встретятся запоздалые путники. Все будет хорошо...

На мгновение ей послышался шорох, потом урчание. Но когда Адельхайд вышла на тропу, ведущую обратно к дороге, тишину нарушали лишь ее торопливые шаги. Где-то вдали крикнул сыч. Казалось, птица смеется над ней. Адельхайд сердито встряхнула головой.

Суеверная баба! Видел бы тебя сейчас Магнус...

Она бежала и сама себя бранила дурехой. Ведь надо же было так перепугаться! За кустом, наверное, пряталась лишь напуганная косуля, может, даже кабан или одинокий волк. Но ничего такого, что могло бы напугать взрослого человека. Волки были опасны только в стае, в одиночку они не осмеливались...

Адельхайд насторожилась. Собственные шаги вдруг показались ей на удивление громкими. Они звучали как-то запоздало, словно эхо. Женщина остановилась и заметила, к своему ужасу, что шаги не стихли.

Топ... топ... топ...

Адельхайд испуганно зажала рот, осознав, что это означало.

Топ... топ... топ...

Кто-то бежал наравне с нею.

Шаги неожиданно стихли, и в следующий миг совсем рядом треснуло несколько веток.

– Кто бы ты ни был... покажись сейчас же! – велела Адельхайд глухим голосом. – Если это чья-то шутка, то мне нисколько не смешно. Это...

В это мгновение что-то с треском ринулось сквозь кустарник.

Оно сбilo оцепеневшую женщину с ног и навалилось сверху. Вдохнув запах звериного пота и мокрой шерсти, Адельхайд пронзительно завопила. Но ее с хрипом придавило что-то крупное и тяжелое, и крик оборвался.

Господи, помоги мне, этого не может быть... Это невозможно... Это...

Наконец-то она провалилась в беспамятство. Мгновением позже снова раздался волчий вой, и черная тень потащила свою добычу в заросли.

Топ... топ... топ...

Что-то в последний раз прошуршало, всхрипнуло. И от Адельхайд Ринсвизер остался лишь легкий, нежно отдающий гвоздикой аромат волканы.

2

26 октября 1668 года от Рождества Христово, ночью в Бамберге

Когда Магдалена уже решила, что они никогда не разыщут дом дяди, отец вдруг остановился и торжествующе показал на двухэтажное строение прямо у северного рва.

– Ха! Что я говорил! – прогремел он. – Дом моего братца. Малость обветшал с прошлого раза, но по-прежнему великолепный. Долго же Барт Совету зад лизал, чтоб ему в городе позволили жить...

Магдалена обвела хмурым взглядом окутанный туманом, покосившийся дом. К нему примыкали небольшой сарай и конюшня. Краска давно облупилась, и стоял он так близко к рву, что казалось, в любую минуту может рухнуть в зловонную трясику. И все-таки строение было внушительным. Магдалена невольно вспомнила отцовский дом в Шонгау; он располагался в зловонном Кожевнном переулке, за городскими стенами, и по размеру даже близко не мог сравниться с домом Бартоломея. Магдалена заподозрила, что едва прикрытая неприязнь отца к своему брату вызвана в какой-то мере завистью.

Сквозь закрытые ставни первого этажа на улицу пробивалась тонкая полоса неверного света. Палач решительно заколотил в массивную деревянную дверь. В скором времени послышался приглушенный, но знакомый голос, от которого у Магдалены сердце забилося чаще.

– Это вы, дядя Бартоломей? – спросил кто-то осторожно. – Я не думал, что вы так рано вернетесь из камеры. Почему...

– Георг, чтоб тебя, это я, твой отец! Давай открывай уже. Или хочешь, чтоб мы так и стояли на холоде?

Палач дернул за ручку, и изнутри донесся шорох. Потом засов отошел в сторону и дверь распахнулась.

– Георг! Слава небесам!

При виде младшего брата Магдалена радостно вскрикнула. Они не виделись вот уже два года. Георг вырос, юношеские прыщи на его лице сменились черным пушком. В свои шестнадцать лет он выглядел теперь куда сильнее и крепче, словно уменьшенная копия отца с крючковатым носом, широкой грудью и черными взъерошенными волосами. Георг расплылся в улыбке и со смехом покачал головой:

– Похоже, мои молитвы были услышаны! Еще сегодня утром дядя говорил, что вы, наверное, так и не приедете на его свадьбу. Но я знал, что вы меня не оставите... Господи, как же я рад вас видеть!

Одного за другим Георг обнял сначала отца, затем Барбару и наконец Магдалену. Потом подхватил ликующих племянников и по очереди подбросил высоко в воздух.

– Дядя Георг, дядя Георг! – восторженно кричал Пауль. – Ты смастеришь мне меч, как у палачей?

– Как у палачей? – растерялся Георг.

– Я рассказал, как ты раньше вырезал им мечи, – пояснил Симон, стоя чуть в стороне. – Мальчишки, ты же знаешь... Боюсь, они теперь успокоятся, только когда получат по клинку.

Георг ухмыльнулся, отпустил ребят и пожал Симону руку.

– Получат они свои мечи, даю слово бесчестного подмастерья. – Он заговорщически взглянул на Пауля: – А будешь слушаться, сможешь как-нибудь подержать меч дяди Бартоломея. Он у него даже длиннее, чем у деда.

– Как будто в этом все дело, – проворчал Куизль. – Шею перерезать я и кухонным ножом смогу.

– Вы хоть иногда можете поговорить о чем-нибудь другом? – покачала головой Магдалена. – Вечно эти мечи! Хоть Петер унаследовал от отца мирный характер... Из вашей породы мне и одного хватает по горло.

Она со вздохом кивнула на маленького Пауля, который как раз колот брата воображаемым кинжалом.

Симон улыбнулся и привлек к себе ноющего сына.

– Петер в свои пять лет уже умеет читать, – сообщил он с гордостью. – Латынь, немецкий и даже несколько греческих букв. Я сам его учил, и в лекарствах...

– Может,пустишь наконец старого отца, Георг? – перебил его Куизль. – Думаю, мы довольно настоялись в осеннем тумане. Хотя я и в трактире могу переночевать, если тебе так больше нравится.

– Входи, конечно. – Георг отступил в сторону и пропустил родных в дом.

В углу пылала жаром изразцовая печь, и Магдалена тут же позабыла о сырости и тумане. В общей комнате было прибрано; чувствовалось радушие. Пол устилал свежий тростник, и в центре стоял недавно обструганный стол на большую семью. За ним помещался красный угол: рядом с распятием и засушенными розами висел меч палача. Он и в самом деле был чуть длиннее, чем у Куизля в Шонгау. Пауль не раздумывая устремился за клинком, но Георг со смехом схватил его за шкирку.

– Успеешь еще подержать его, – успокоил он мальчика. – А сейчас пусть лучше Барбара отведет вас наверх. Вам давно спать пора.

Девушка закатали глаза, но послушно взяла детей за руки и стала подниматься по узкой лестнице. Мальчики зевали и почти не сопротивлялись. Вскоре сверху донеслись успокаивающие звуки колыбельной.

Некоторое время все хранили молчание. Затем Георг снял со стены внушительных размеров меч и протянул отцу.

– Рукоять из акульей кожи, – пояснил он с гордостью. – Если у палача вспотеют руки, она становится шершавой, будто из тысячи мелких зубов. Насколько я знаю, такие мечи есть только у палачей Бамберга. Ни на дюйм не выскользнет. Попробуй.

Куизль пожал плечами и отвернулся.

– Если у палача потеют руки, это значит только одно: он наложил в штаны. А пугливый палач ничуть не лучше старой беззубой шлюхи. – Якоб склонил голову набок и окинул комнату оценивающим взглядом. – Но должен признаться, с прошлого моего приезда тут кое-что переменялось. Значит, Бартоломей и вправду чего-то добился. Вот уж чего не ожидал от бледного боязливого паренька...

– Вот подожди, пусть он на Катарине женится, – ответил Георг. – Его предыдущая жена была родом из семьи живодера. Славная Йохана, помилуй Господи ее душу, умерла от чахотки. Денег в семью, видимо, не приносила, и детей у них не было. – Он тихо вздохнул, а потом приосанился. – Но с новой женой дядя не прогадал – дочь судебного секретаря. Приданое всем на зависть. А уж глянуть на Катарину, так и не представишь, чтобы ее какая хворь сломила, – добавил он с ухмылкой. – Ну, скоро вы сами ее увидите. Это она заставила дядю Бартоломея пригласить родственников. Катарина хочет отпраздновать свадьбу с размахом.

Куизль нахмурился:

– И Барт получил на это разрешение Совета? Кто ж позволит палачу жениться на ком-то из высших кругов?

– Разрешение уже у него в кармане. Его будущий тесть, видимо, как-то обстряпал это дело. – Георг улыбнулся и повернулся с объяснениями к Магдалене: – Палач в Бамберге –

не то что в Шонгау. Может, мы и не знатные горожане, зато на улице нас не сторонятся. С нами считаются. Тебе тут понравилось бы, сестрица.

– Неудивительно, что Бартоломей теперь как сыр в масле катается, – вмешался Куизль. – После всего, что в городе случилось... В Бамберге палачам живется, как священникам в ином городишке.

Магдалена обратила на отца растерянный взгляд:

– Что... что ты имеешь в виду?

Палач отмахнулся:

– Мне до этого дела нет. А где, собственно, мой почтенный братец?

Георг вернул меч на место. В красном углу между распятием и розами клинок смотрелся как языческий символ.

– Дядя еще в камере. Только вчера был допрос с пристрастием, и он приводит инструменты в порядок. Упрямый вор, крал пожертвования в церкви Святого Мартина... – Юный подмастерье вздохнул: – Все доказательства против него. Но ты же знаешь, как у нас всё. Без признания не вынесешь приговор. Он даже на дыбе ни в чем не сознался, и пришлось его отпустить.

– Допрос, значит... Видно, тебе тут есть чем заняться?

– Дядя даже дает мне поручения во время пыток или казней. – Георг скрестил руки на широкой груди. – Не то что у тебя. Ты мне только повозку скоблить разрешал.

– Так тебе, видно, по душе, что тебя из Шонгау изгнали? – огрызнулся Куизль и хлопнул по столу так, что миски задребезжали. – Уж будь покоен, Лехнер не скоро тебе вернуться позволит.

Повисло неловкое молчание, и Магдалена тихо вздохнула. Два года назад ее брат ввязался в драку с печально известными братьями Бертхольдами и избил до полусмерти младшего из них. С тех пор сын пекаря хромал, и судебный секретарь Лехнер на пять лет изгнал Георга из Шонгау. Для отца это стало тяжелым ударом. С тех пор ему с горем пополам помогал вечно пьяный живодер, и сын палача из Штайнгадена метил на его место.

– За городом, по ту сторону реки, с нами такая жуть приключилась, – произнесла наконец Магдалена, чтобы сменить тему, и рассказала Георгу об оторванной руке и опасениях путников. – И вообще какие-то все странные здесь... На дорогах люди только и говорят, что о кровожадном чудовище. Ты что-нибудь знаешь про это?

Георг склонил голову.

– Насчет руки вам в любом случае лучше сообщить страже, – ответил он нерешительно. – Если отец все правильно описал, то она и вправду могла принадлежать Георгу Шварцконцу.

– И кто же этот Георг Шварцконц? – спросил Симон.

Подмастерье палача вздохнул:

– Престарелый советник и торговец сукном. Месяц назад так и не вернулся из поездки в Нюрнберг. Говорят, он туда так и не добрался. И он не единственный. С тех пор пропали еще две женщины из горожан. И в довершение всего дети нашли неподалеку человеческую руку, а позже из Регница выловили ногу. – Георг пожал плечами. – Ну, с тех пор поговаривают, что в окрестностях завелся монстр и пожирает людей. Некоторые даже утверждают, что видели его собственными глазами.

Юноша взял со стола корку хлеба, щедро откусил и продолжил с набитым ртом:

– Всего лишь слухи, как я уже сказал. Одна из женщин, видимо, поссорилась с новоиспеченным мужем, а Шварцконц... Дороги в Хауптсморвальде и без монстров довольно опасны. После войны там разбойников и мародеров хоть отбавляй. Вот всего полгода назад мы схватили очередную банду. Главаря четвертовали, а конечности разместили на перекрестках другим в назидание.

– Хауптсмоорвальд? – перебил его Симон, лицо его заметно побледнело. – Это тот обширный лес, по которому мы проезжали сегодня вечером?

Магдалена кивнула:

– Да, старый крестьянин, который подвозил нас, так его и называл. А почему ты спрашиваешь?

– Ничего, просто... – Симон помедлил, потом вздохнул и продолжил: – Мы с детьми нашли в лесу тушу оленя. Кто-то его жестоко растерзал. Черт знает, кто это сделал.

– Ха! Волки, кто же еще? – Куизль взял кувшин с разбавленным вином и налил себе. – В стае ублюдки превращаются в настоящих монстров. Никаких исчадий ада тут не нужно. Вы суеверны, как кучка старых прачек в Шонгау.

– Нелегко согласиться с этим упрямым, но он, черт возьми, прав.

Голос донесся со стороны двери, со скрипом распахнутой. Внутри вошел мужчина лет пятидесяти и хмурой наружности. Он был широкоплеч и массивен, на голове, такой же мясистой, почти не осталось волос. Из-под густой бороды торчали типичные для Куизлей крючковатый нос и выдающийся подбородок, своенравно выставленный вперед, как у Щелкунчика. Когда мужчина приблизился, Магдалена заметила, что он прихрамывал. К правому башмаку была приделана высокая, вырезанная из дерева подошва, и колодка эта стучала при каждом шаге. Неожиданно лицо его растянулось в ухмылке, он приветственно распростер крепкие руки и шагнул к отцу. Магдалена только теперь заметила, какой добрый, приветливый у него взгляд, совершенно неуместный для столь грубого на вид гиганта.

– Дай прижму тебя к груди, старший братец. Сколько минуло с нашей последней встречи? Лет двадцать? Или тридцать?

– Целая вечность.

– А ты растолстел, Якоб, – отметил Бартоломей и шутливо поднял палец: – Растолстел и обрюзг.

Старший Куизль осклабился:

– И у тебя волос не прибавилось.

Палач из Шонгау поднялся со скамьи, и братья неуклюже обнялись. Магдалене показалось, что это действие вызвало у обоих физическую боль. Ей вспомнилось, как резко отзывался отец всякий раз, когда она заговаривала с ним о Бартоломее. Ему определенно стоило пересилить себя, чтобы отправить собственного сына в учение к не столь любимому брату.

– Это что же, Георг не предложил вам ничего другого, кроме кислого сидра? – проворчал Бартоломей голосом, почти таким же низким, как у старшего брата.

– Да мы совсем недавно пришли, – ответила Магдалена с улыбкой. – Тем более, когда так долго не виделся с любимым братом, и ключевая вода сгодится.

Она имела в виду Георга, но дядя, вероятно, принял это на свой счет.

– *Любимого* брата, да, – проговорил он медленно, со странным выражением, и глядя при этом на Якоба. – Давно я тебя так не называл.

Бартоломей перевел взгляд на Магдалену.

– Не очень-то она на тебя похожа, – продолжил он, подмигнув. – Не в пример братцу Георгу. Вот он действительно вылитый ты. А она точно от тебя? Хотя, с другой стороны, тебе повезло, что ей не достался наш нос. – Он громко рассмеялся и наконец повернулся к Симону. – А это, видимо, почтенный зять, про которого ты мне писал? Не живодер какой-нибудь, а, как говорят, вполне пристойный цирюльник...

– Симон изучал медицину, – заметила Магдалена. – Ради брака со мною он даже отказался от лекарского звания. Но его познания куда обширнее умений цирюльника.

Бартоломей пренебрежительно фыркнул и стукнул деревянной подошвой об пол.

– И какой ему с этого прок? Уж если лег в постель к палачке, то повязался с бесчестной и сам же таким стал. Уж таков закон.

Магдалена было возмутилась, но Симон взял ее за руку и ответил с вымученной улыбкой:

– Очевидно, и в вашем случае любовь оказалась выше сословных предрассудков. Не каждый день палач сочетается браком с дочерью судебного секретаря. В любом случае поздравляю вас с предстоящей свадьбой. Партия, как мне кажется, весьма удачная.

– Да, черт возьми. – Бартоломей широко ухмыльнулся, обнажив при этом безупречно здоровые зубы. – Катарина родом из хорошей семьи. Ее дед служил вторым секретарем в ратуше, и отец дослужился до чина. Она даже читать умеет, и быть может, Господь еще пошлет мне детей. Тогда их ждет лучшая жизнь, чем у отца, заплечных дел мастера! Уж поверьте охочему до крови нечестивому палачу Бамберга.

Бартоломей со смехом хлопнул ладонью по столу, так что кувшин с яблочным вином едва не опрокинулся.

– Ради меня могли бы и не проделывать такой путь, – проворчал он через некоторое время. – Но Катарина на этом настояла. А уж если женщина вбила себе что-то в голову, то непременно добьется этого, верно же? Свадьба состоится через неделю, и, Господь свидетель, будет дьявольски дорогой праздник. Катарина уже всю готовится. Завтра с раннего утра придет сюда, чтобы посмотреть, все ли в порядке, и сделать кое-какие покупки. Не женщина, а смерч настоящий.

– Кстати, насчет покупок, – вспомнил Куизль. – У тебя тут случайно табака нет? Мой еще в Нюрнберге закончился.

Бартоломей фыркнул:

– Все те же грешки, верно, Якоб? – Он покачал головой: – Нет, у меня такого не водится. Хотя...

Бамбергский палач вдруг озорно подмигнул Куизлю, и Магдалене на мгновение показалось, что перед ней двое двенадцатилетних мальчишек, задумавших какую-то проделку.

– Знаешь что? У меня к тебе предложение. Возле южного рва лежит дохлая лошадь – видимо, какой-то приبلудный извозчик оставил ее там издыхать. Совет не терпит, чтобы такие туши лежали дольше нескольких часов: придурки боятся ядовитых испарений... – Бартоломей призывно взглянул на брата: – Ну, что скажешь? Возьмем тележку да оттащим тушу в сарай. А за это Катарина купит тебе завтра лучшего аугсбургского табаку. Даю слово.

– *Сейчас?* – спросил Симон в ужасе. – Прямо сейчас собираетесь бродить в тумане?

Куизль пожал плечами и неспешно направился к двери.

– А почему нет? Как же еще отметить палачам встречу, если не за вонючим трупом? Если мне за это табака дадут, я сейчас еще и повешу кого-нибудь.

Бартоломей гортанно рассмеялся, но смех звучал неискренне. Магдалене он даже казался каким-то печальным. Она задумчиво посмотрела, как братья вышли за порог. И хоть Якоб был лишь немного крупнее, казалось, Бартоломей терялся в его тени.

Из темноты еще долго доносился стук деревянной подошвы.

Спустя полчаса Магдалена с Симоном лежали в комнате наверху и молча вслушивались в спокойное, размеренное дыхание Петера, Пауля и Барбары.

Они спали в комнате подмастерья. Георг на время их пребывания согласился перебраться в конюшню. Покинув Шонгау, они столько ночей провели в дешевых трактирах, сараях и на тростниковых постелях в лесу, что комната казалась Магдалене королевскими покоями. Ложе было набито мягким конским волосом, посередине комнаты тянулась теплая труба, а количество блох и клопов держалось в рамках разумного. И все-таки женщина не могла заснуть. Слишком много мыслей кружило в ее голове. Кроме того, ей не терпелось познакомиться с невестой Бартоломея.

– Как думаешь, какая она из себя, эта Катарина? – вполголоса спросила Магдалена у Симона.

По его вздохам и редким движениям она поняла, что ему тоже не спится.

Муж недовольно забурчал:

– Если она хоть немного похожа на Бартоломея, то это, наверное, настоящая дракониха. Хотя она неплохо впишется в нашу семью.

Магдалена легонько ткнула его в бок.

– Хочешь сказать, все Куизли – вспыльчивые грубияны?

– Ну, если посмотреть на твоего отца, на его брата и на Георга, то именно такой вывод и напрашивается. Во всяком случае, Георг за эти два года из маленького братца превратился в настоящего мужлана. Остается только надеяться, что из тебя...

– Поговори у меня! – Магдалена пыталась говорить строго, но не удержалась и хихикнула. – В любом случае я сделаю все, чтобы наши дети не выросли неотесанными палачами.

– С Паулем возникнут определенные трудности. Ему прямо не терпится отрубить кому-нибудь голову. Петер совсем другой, гораздо добрее, почти как...

Симон замолчал, но Магдалена закончила за него:

– Как девочка, хотел ты сказать. Как девочка, которую Господь забрал у нас.

Она повернулась на бок и замолчала. Симон ласково погладил ее по плечу.

– Она была слишком слабой, Магдалена, – пытался он утешить ее. – Даже... даже к лучшему, что все случилось так скоро. Представь, если бы она прожила дольше, каково было бы наше горе! Уверен, Господь пошлет нам еще...

– Прекрати!

Магдалена возвысила голос, и с детских кроватей послышалось сонное бормотание. Лишь через некоторое время снова стало тихо. Женщина чувствовала, как Симон за ее спиной подыскивает правильные слова. К глазам вдруг подступили слезы, и она содрогнулась в беззвучном плаче. Анна-Мария была ее третьим ребенком. Два года минуло с тех пор, как девочка появилась на свет. Мать Магдалены умерла всего за несколько месяцев до этого – в честь нее и назвали малышку. Разумеется, Магдалена любила своих мальчиков, но так замечательно было держать на руках девочку, замотанную в белое полотно, с глазами голубыми, как небо... Якоб вырезал для внучки колыбель. Ворчливый медведь при виде Мари превращался в любящего деда. Симон тоже стал больше времени проводить с детьми. Он был в то время внимательным мужем, отложил свои книги и вместо пациентов vyhаживал ослабленную после тяжелых родов жену. Мари стала средоточием их жизни.

А потом Господь забрал ее у них.

Ее убила та самая хворь, что бушевала время от времени в Шонгау. Поражала она в первую очередь стариков и детей. В отчаянных попытках победить болезнь Симон испробовал и обертывание голеней, и полынь с ромашкой, но девочка таяла на глазах, как снег на солнце. Спустя всего несколько дней после ее первого дня рождения маленькую Мари похоронили. Рана в душе Магдалены еще не затянулась и временами воспалялась.

Вот как теперь.

Симон, вероятно, чувствовал, что лучше ничего не говорить. Он мягко поглаживал жену и ждал, пока она выплечется. Наконец Магдалена снова прижалась к нему и постаралась забыться.

– Мне кажется, дядя не такой уж мужлан, за какого себя выдает, – произнесла она через некоторое время. – Да, он такой же хмурый, как отец, но есть в его глазах что-то доброе, печальное. Может, все дело в его кривой ноге? Между ними, наверное, что-нибудь произошло в прошлом. Возможно, отец дразнил младшего брата... Калекам всегда приходится терпеть насмешки.

– Твой отец вообще ничего не рассказывал про Бартоломея? – спросил Симон с любопытством. Он явно был рад сменить тему.

Магдалена покачала головой:

– Ничего. Словно у него вовсе не было брата. Должно быть, Бартоломей покинул Шонгау после того, как отец юнцом отправился на войну. В то время он, видимо, побывал разок в Бамберге. И только когда Георгу пришлось покинуть Шонгау и устраиваться где-то подмастерьем, они снова начали переписываться.

– А к чему бы эти постоянные намеки – мол, палачу в Бамберге живется особенно хорошо? – заметил Симон задумчиво. – И намек, что Бартоломей знает что-то насчет заброшенных домов... Черт, ну почему вам, Куизлям, из всего нужно тайну делать!

– Что бы здесь ни крылось, этот город видел лучшие времена. Да еще эти истории о кровожадном чудовище... – Магдалена вопросительно взглянула на Симона: – Ты в них веришь?

Симон фыркнул:

– Нет, конечно. Вспомни истории о так называемых ведьмах у нас в Шонгау – ничего, кроме дурацких суеверий. И все-таки...

Он помедлил и с тягостным видом посмотрел в окно. Ставни были приоткрыты, и в комнату сквозь густой туман лился бледный свет луны.

– ...и все-таки мне нехорошо при мысли, что твой отец сейчас там бродит.

Магдалена тихо рассмеялась.

– Помни, что он там не один. Сразу два хмурых Куизля, я тебя умоляю!.. Будь я на месте чудовища, то поспешила бы убраться подальше.

Она прижалась к Симону и через несколько минут наконец заснула.

* * *

Не успели братья отойти от дома, как Якоб снова потерялся в тумане. Он хмуро шагал вслед за братом. Тот катил двухколесную, перепачканную кровью и грязью тележку, которую они взяли из сарая. Бартоломей, словно без всякой цели, то и дело сворачивал на перекрестках или выбирал переулки до того тесные, что едва проходила тележка. На темной улице его хромота была почти незаметна.

«Он научился уживаться с нею, – подумал Якоб. – Каких же усилий ему это стоило? Сколько насмешек пришлось стерпеть? Но, готов поклясться, он стал просто-таки матерым псом. Не ожидал я от него такого...»

– Ты, кажется, говорил, что лошадь у южного рва? – спросил он наконец; это были первые слова, произнесенные им с тех самых пор, как они вышли. – Почему мы просто не пошли от дома вдоль рва? Получилось бы короче.

– Чтобы стражники из тамошнего патруля пристали с глупыми вопросами? – Бартоломей пренебрежительно фыркнул. – Труп лежит там с самого утра, мне еще днем следовало забрать его. Но у меня были другие дела, потому я отправился за ним только сейчас.

– Ну да, чтобы стражники с утра пораньше не обнаружили тушу и не содрали с тебя крепкий штраф, – усмехнулся Куизль. – Теперь понятно... Что ж, табак того стоит.

Как и Куизль в Шонгау, Бартоломей, наряду со своим основным ремеслом, обязан был избавляться от нечистот и дохлых животных. Власти города придавали огромное значение тому, чтобы трупы вывозились как можно скорее, так как опасались эпидемий. Затем мертвые туши разделявал живодер, живший за городскими стенами. Но порою и эта грязная обязанность возлагалась на палача.

– Ты ведь не возле дома будешь с нее шкуру снимать? – поинтересовался Куизль, пока они шагали по туманным улочкам. – Во всяком случае, я не видал у тебя ни скребков, ни прочих инструментов. Да и вонь была бы страшная.

– Советники такого не допускают. Так что придется вывезти тушу в Хауптсмоорвальд. Там у меня живодерня. Раньше неподалеку стоял роскошный охотничий дом с толпой челяди, которая всем этим и занималась. Но после войны это осталось в прошлом, и мне приходится выполнять грязную работу. Неблагодарная возня, хоть платили бы толком! – Бартоломей простонал и направил тележку по особенно узкому участку между кучами конского навоза и прочих нечистот. – Для начала отвезем лошадь ко мне в сарай, а утром посмотрим.

Некоторое время братья хранили молчание. Потом Якоб осторожно попытался растопить лед.

– Слушай, я давно хотел поблагодарить тебя, – начал он тихо. – То, что ты взял Георга в подмастерья, просто...

– Забудь, – резко перебил его Бартоломей. – Мне не нужны твои благодарности. Георг – хороший помощник. Вкалывает за троих и позднее сам станет отличным палачом. – Он обернулся на Якоба и злорадно ухмыльнулся: – Может, даже здесь, в Бамберге.

– Здесь... – Якоб вытаращил глаза на младшего брата. – Собираешься уступить ему свое место? Дьявол, так мы не договаривались! Георг нужен мне в Шонгау. Когда его ученичество подойдет к концу и ему позволят вернуться на родину, он...

– Спроси у него сам, чего он хочет, – перебил его Бартоломей. – Может статься так, что лживый отец ему осточертел.

– Что ты рассказал ему обо мне? Господи, уж не...

Пронзительный крик всего в паре кварталов от них прервал спор. Якоб остановился и вопросительно взглянул на брата.

– Кто бы это мог быть? Не думаю, что твоя дохлая лошадь.

Поразмыслив секунду, Бартоломей выпустил оглобли тележки и побежал на крик. При этом он еще раз обернулся на Куизля:

– Вместо того чтобы драться с братом, я лучше поколочу пару висельников. Давай за мной!

Куизль поспешил следом. В несколько торопливых шагов братья добрались до небольшой, окруженной низенькими домами площади, посреди которой стоял старый колодец. Возле него съезжился стражник, рядом на земле валялась алебарда. Фонарь на краю колодца давал мутный свет. Стражник зажал рот ладонью и в ужасе озирался. В конце концов он выудил из-под рваного плаща глиняную бутылку и щедро глотнул.

– А, всего-то пьяный сторож Маттиас, – разочарованно прохрипел Бартоломей и остановился. – Могли бы и не утруждаться. Видно, опять принял лишнего и теперь блюет прямо в колодец... Старик прежде был ландскнехтом, а теперь пьет так, что на ногах едва стоит. – Бартоломей покачал головой: – Просто стыдно, кого приходится держать в страже! Но сторожа, как и палачи, – ремесло неблагодарное, мало кто туда пойдет.

Завидев на краю площади двух мужчин, Маттиас вздохнул с облегчением. Лицо у него было красное и все в прожилках. Казалось, даже с этого расстояния чувствовался запах перегара.

– Мил... милостивый Бартоломей! – Стражник неуверенно поднялся по краю колодца. – Вот уж не думал, что так рад буду встретить палача!

– Нагнал же ты на нас страху, Маттиас, – ответил Бартоломей. – Твой вопль до моего дома слышен был. Мы с братом тут же примчались, узнать, что стряслось. А это, оказывается, ты со своей треклятой сивухой... Убирайся прочь, или придется поставить тебя с утра у позорного столба на овощном рынке.

Маттиаса, похоже, ничуть не смутило то, что дом палача находился слишком далеко и уже поэтому заявление Бартоломея вызывало сомнения. Он пытался удержать равновесие, что в его состоянии давалось ему с явным трудом.

– Клянусь, я не пьян! – заявил стражник, вскинув трясущуюся правую руку. – Во всяком случае, не до такой степени, чтобы глаза меня обманули. И клянусь вам, я... я видел чудовище!

– Какое еще чудовище? – спросил Бартоломей.

– Ну, того, что людей жрет! Вот здесь, прямо предо мною!

Палач Бамберга закатил глаза:

– И ты туда же! Мало того, что суеверное бабье разносит эту чепуху!

– Но чудовище было здесь, честно! Только я собрался вздремнуть чуток у колодца, как зверюга выскакивает из того проулка. Останавливается, значит, и смотрит на меня, будто раздумывает, какой же я на вкус... Да, а потом, как целая вечность прошла, бежит себе дальше. Туда, в другой переулок!

Маттиас оживился. Свой рассказ он сопровождал размашистыми жестами и расхаживал, покачиваясь, из стороны в сторону. Потом неуверенно взглянул на палачей.

– Вы мне не верите, да? – спросил он тихо. – Считаете, что я напился вдрызг?

– И как же выглядело это... чудовище? – поинтересовался Куизль.

Он по опыту знал, что пьяным часто мерещилась всякая нечисть. В особенности когда их подстегивали собственные страхи.

– У него... была шерсть. Серая... нет, серебристая шерсть, – начал Маттиас, недоуменно взглянув на Куизля, словно бы только теперь его заметил. – Пасть у него страшная, с длинными острыми зубами! Сначала оно бежало на четвереньках, а потом, так неожиданно, встало прямо! – Стражник хлопнул себя по щекам. – Оно бежало, как человек. Клянусь, как обросший человек! Как... как оборотень!

– Выбирай, что говоришь! – вскинулся на него Бартоломей. – С такими вещами не шутят. Или ты захотел...

Он не договорил. По улице снова разнесся крик. Якоб подумал было на Маттиаса, но в этот раз крик был куда звонче, тоньше. Сомнений быть не могло – кричала молодая девушка в переулке рядом с площадью.

Куизль не медлил ни секунды. Он проскочил мимо растерянного Маттиаса и, не оглядываясь на стражника с Бартоломеем, скрылся в темном переулке. Без фонаря палач едва мог разглядеть собственную ладонь. Где-то распахнулись ставни, кто-то выругался на верхнем этаже и выплеснул на улицу содержимое ночного горшка. Куизль ощупью пробиравшись вдоль домов, ударил ногой старую бочку, та опрокинулась и с грохотом скатилась по подвальной лестнице. Палач выругался и двинулся было дальше, но тут поскользнулся в луже на верхней ступени. Он вскочил и ощутил на руке липкую жидкость, запах которой не спутал бы ни с чем другим.

Это была кровь.

Где-то слышались быстрые удаляющиеся шаги. Палач огляделся и разглядел у подножия лестницы чей-то силуэт.

– Кто бы ты ни был, человек или монстр, выходи! – прохрипел Куизль.

Ничего не шевельнулось. Тогда палач осторожно спустился по ступеням и остановился перед скорченным телом.

Внизу, в луже собственной крови, лежала молодая девица.

– Якоб? Это ты? – раздался низкий голос Бартоломея.

Он проследовал за братом и теперь стоял на верхней ступени, поводя фонарем в разные стороны.

– Что там такое?

Якоб взял руку девушки и не смог нащупать пульс.

– Труп, – отозвался он по возможности тише. – Совсем свежий. Судя по всему, бедняжке только что перерезали горло. Тут повсюду кровь.

– Проклятье... Только этого мне не хватало! – Бартоломей медленно спустился по лестнице, перешагивая обручи разбитой бочки. – Старый пьяница Маттиас удрал со страху. Теперь нам, видно, придется доложить о происшествии, чтобы самим под подозрение не попасть. И придется объяснять стражникам, что я забыл тут посреди ночи... Дьявол! – он сердито топнул. – В городском совете и так многие с недоверием смотрят на мой брак с Катариной и только и ждут случая, чтобы посадить меня в лужу. И почему пьяному кавалеру именно здесь вздумалось расправиться со своей шлюхой!

– Пьяному кавалеру? С чего ты решил, что это пьяный кавалер?

– Да ты сам посмотри.

Бартоломей стоял теперь рядом на тесной, поросшей осклизлым мхом площадке. Заколоченная тяжелыми досками дверь отделяла их от подвала. Как и многие другие в этом проулке, дом, похоже, был давно покинут, окна без стекол зияли черными провалами. Убитая девушка была лет шестнадцати или семнадцати, не старше. Длинные рыжие волосы разметались, как языки пламени. На ней ничего не было, кроме простого зауженного платья, теперь разорванного и пропитанного кровью. Поперек горла тянулся глубокий разрез, пустые глаза уставились в ночное небо.

– Желтый платок, видишь? – Бартоломей показал на скомканный платок в углу. – В Бамберге отличительный знак для проституток. Тут поблизости Улица роз у овощного рынка, там обычно стоят свободные шлюхи. Видно, девица с кавалером не могли сойтись в цене.

– И он без раздумий режет ей глотку?

Бартоломей пожал плечами:

– Случается и такое. Раньше за проституток хлопотал палач и девицы были под его защитой. Но с некоторых пор они сами по себе. Я то и дело повторяю, чтобы шлюхи просили покровительства в борделе на Девичьей улице. Но некоторые хотят работать в одиночку...

Бартоломей внимательно осмотрел труп.

– Эту я, кажется, уже встречал. Задирает нос и обслуживает только богатеев. Да, пригожая была... Жалко ее, конечно.

Якоб наклонился и осмотрел разрез на горле. Края были рваные, словно рану нанесли тупым клинком или когтями. Из нее до сих пор сочилась кровь. Палач почувствовал странный, едва уловимый запах, как от звериной мочи и мокрой шерсти.

– Странное дело, – пробормотал он. – Для ножа рана слишком большая. Будто какой-нибудь зверь...

– И ты туда же! – простонал Бартоломей.

Не обратив внимания на его слова, Якоб забрал у брата фонарь, молча поднялся по ступеням и осмотрел землю под ногами. Через некоторое время нагнулся и поднял обрывок платья.

– Тут он, вероятно, напал на нее, – пояснил он брату, который следовал за ним, и показал на следы в грязи. – Они боролись, девушка побежала... – Он помедлил. – Нет, не так. Здесь явно кого-то волокли. Очевидно, убийца свалил ее, схватил за руки... – Старший Куизль вернулся к лестнице. – Потом стащил ее вниз и спокойно перерезал горло. Но этот запах...

Палач задумчиво покачал головой. Он никак не мог понять, что же напоминает ему этот запах.

Нечто совершенно очевидное и в то же время наименее вероятное...

– Какой еще запах? Я ничего не чувю... Да у тебя и раньше нюх был куда лучше моего. – Бартоломей пожал плечами: – Так или иначе, она мертва. Нужно оповестить стражников... – Он отшвырнул ногой обломок бочки. – Проклятье! Они наверняка заставят нас везти ее

за город, на кладбище для преступников. – Прихрамывая, он зашагал прочь. – Так что давай поскорее доложим обо всем страже в ратуше. Чем быстрее обернемся, тем лучше.

Якоб внимательно посмотрел на брата. Такая спешка вызывала недоумение. Казалось, Бартоломей хочет как можно скорее замять это дело. Неужели он так опасался выговора от стражников? Палач из Шонгау в последний раз оглянулся на мертвую девушку у подножия лестницы и хмуро последовал за огнем светильника.

Судя по всему, вместо лошадиного трупа они повезут по городу мертвую девушку. Слабо верилось, что Бартоломей женится под счастливой звездой.

3

**27 октября 1668 года от Рождества
Христово, утром в доме палача**

Следующим утром, когда Магдалена проснулась, в комнату на втором этаже уже лился яркий солнечный свет. Кто-то распахнул ставни и опорожнил ночные горшки, пол устлала свежие травы и тростник.

«Сколько же я проспала?» – подумала женщина, зевая и потирая глаза.

Она повернулась к Симону. Его громкий храп едва не заглушал сердитое чириканье воробьев за окном. Барбара тоже еще спала. А вот детская кровать пустовала. Магдалена начала уже беспокоиться, но тут снизу донесся радостный смех. Ему вторил мягкий женский голос. Гремели горшки, со скрипом открывалась печная заслонка.

Магдалена поднялась осторожно, чтобы не разбудить мужа и сестру, быстро умыла лицо над тазом в углу и, пригладив растрепанные черные волосы, спустилась в общую комнату.

– Мама, мама! – приветствовал ее Петер и с распростертыми объятиями бросился навстречу. – Тетя Катарина варит нам манную кашу с медом. Как бабушка раньше!

– Тетя Катарина? – растерянно переспросила Магдалена. – Где...

Только теперь она заметила в коридоре, где помещался очаг, дородную женщину, помещивающую что-то в горшке. Все в ней было чересчур крупным, тяжеловесным – почти гротескным. Под фартуком и платьем на ней, вероятно, было еще несколько шерстяных нижних юбок, так что пот ручьями катился по рыхловатому лицу.

Рядом с нею дожидался Пауль. Толстуха вручила ему поварешку и шутливо погрозила пальцем.

– Мешай как следует, – велела она. – Иначе каша подгорит и свиньи полакомятся вторым завтраком.

Затем женщина вытерла липкие руки о фартук и с улыбкой повернулась к Магдалене. Она прямо-таки излучала добродушие и этим покорила дочь палача с первого мгновения.

– Ты, должно быть, старшая дочь Якоба, Магдалена, – произнесла она приветливо. – Я так рада, что вы проделали такой долгий путь ради нашей с Бартоломеем свадьбы. Очень хотелось, чтобы вы все приехали и мы познакомились. Правда, Барт вначале ругался и ворчал, – добавила она с улыбкой. – Видимо, хотел отпраздновать только со мною и сберечь уйму денег. Но в конце концов упрямец сдался. Я сказала ему, что не потерплю раздоров в своей будущей семье, а свадьба – хороший повод оставить в прошлом былые обиды. Хотя я понятия не имею, что, собственно, стряслось между этими негодниками.

Она склонила голову набок и с прищуром посмотрела на Магдалену.

– Что ж, должна сказать, от Куизлей тебе немного досталось. Такой красоты я увидеть не ожидала.

Молодая женщина рассмеялась.

– Вот погоди, познакомишься с моей сестрой Барбарой... У здешних парней глаза на лоб полезут. К счастью, она не унаследовала от отца ни его носа, ни комплекции. – Дочь палача усмехнулась: – Только характер.

– Ох-ох, если она похожа на дядю, то нас ждет поистине захватывающая неделька... – Округлая женщина сердечно расцеловала Магдалену в обе щеки. – Я Катарина, как ты уже поняла. Чувствуй себя как дома. Надеюсь, я не разбудила вас, когда проветривала и прибиралась наверху. Время уже давно за восемь. – Она широко улыбнулась. – В этом доме давно не было женщины. Здесь срочно нужна женская рука.

Магдалена со вздохом закатила глаза.

– Кому ты это говоришь? С тех пор как мама умерла, отец живет как кабан. Мужчинам действительно нельзя подолгу жить одним... – Она огляделась: – А где, кстати, отец?

– Им с Бартоломеем с самого утра пришлось отправиться к десятнику в ратушу. Прошлой ночью в темном переулке, видно, убили какую-то бедняжку, а Бартоломей с твоим отцом оказались очевидцами. Георг пошел с ними. – Катарина поманила Магдалену в комнату. – Но не будем начинать день дурными вестями. Вот, выпей, это тебя взбодрит. По старому рецепту моей бабки: с гвоздикой и щепоткой перца.

Катарина налила ей кружку горячего разбавленного вина с пряностями. Потом с одобрением кивнула на маленького Петера – тот сидел у другого края стола и листал книгу с анатомическими картинками.

– Смышленный у тебя мальчонка. Тут же выудил книгу из библиотеки Барта – и уже рассказал кое-что о кровопускании и осмотре мочи... – Она рассмеялась. – Как маленький лекарь! Видно, в отца пошел.

Магдалена кивнула и отпила горячего вина. На вкус оно было чудесным – терпким и в то же время сладким и не слишком крепким. Однако мысли ее занимал отец, который, судя по всему, снова угодил в неприятности.

Чтобы хоть как-то отвлечься, она спросила:

– И на какой же день назначена свадьба?

– В это воскресенье, уже через пять дней. Представляешь, хоть твой дядя и палач, ему позволили праздновать в Банкетном доме! Это такая пристройка к большому трактиру рядом с портом. Для нас там выделили малый зал. Приглашена почти сотня гостей! – Катарина усмехнулась: – Полагаю, отец воспользовался своим влиянием в Совете. Он, как ты, наверное, слышала, один из судебных секретарей.

Магдалена кивнула с одобрением. Чтобы палач праздновал свадьбу, словно какой-нибудь сапожник или портной, в самом деле было необычно. В Германии палачей обычно избегали, и на улице их сторонились, так как считалось, что даже взгляд палача приносил несчастье. Магдалена вспомнила, что говорил ей Георг накануне.

Тебе здесь понравится, сестрица...

Она украдкой проследила за Катариной. Напевая себе под нос, женщина сновала по комнате и смахивала паутину с окон. Будущей супруге Бартоломея было уже лет тридцать пять. Удивительно, что она до сих пор не замужем. Катарина не отличалась красотой, была слишком уж полна, но Магдалена понимала, *что* привлекло в ней дядю. Она являлась хорошей партией – сильна и здорова, а ее дружелюбие было искренним и заразительным. Магдалена представить себе не могла, как такое милое создание могло ужиться с ворчуном вроде Бартоломея.

«Но папа с мамой ведь ужились», – неожиданно осенило ее, и она хитро улыбнулась.

– Что такое? – спросила Катарина с любопытством.

Но в этот миг закрипели ступени и в комнату спустились Симон и заспанная еще Барбара. Катарина подошла к ним и поприветствовала с тем же радушием, как и Магдалену, но тут ее отвлек запах гари.

– Ах, батюшки, каша! – воскликнула она и бросилась в коридор. – Видно, зря я оставила мальчишку одного у очага...

Симон сел за стол рядом с Магдаленой, взял корку хлеба и макнул в вино.

– Видимо, не такая уж она и дракониха, какой ты ее представляла, – проговорил он с набитым ртом и с улыбкой кивнул в сторону Катарины.

Магдалена покачала головой:

– Нет, вовсе нет. Петеру и Паулю новая тетя, судя по всему, тоже пришлась по душе. Во всяком случае, они до сих пор ничего не натворили – а ведь время уже за восемь...

Это редкость. – Она улыбнулась, но тут лицо ее снова стало серьезным: – Вот только отец снова во что-то вляпался...

Магдалена в двух словах рассказала Симону и Барбаре, что стряслось прошлой ночью с Якобом и Бартоломеем.

Симон со стоном схватился за волосы:

– Что за проклятие! Твой отец и пары часов в городе не пробыл – а уж объявился покойник... Хотя о чем это я: один объявился еще *до того*, как мы вошли в город. Они стекаются к нему, как пчелы на мед! Хотя у палачей по-другому, наверное, быть и не может... – Он взял еще один кусок свежего ароматного хлеба; похоже, Катарина успела запечь его с утра. – Ну, по крайней мере, в этот раз его не считают убийцей, как тогда в Регенсбурге, – сказал он с полным ртом. – Уже прогресс.

Магдалена содрогнулась, вспомнив о событиях шестилетней давности. Они были тогда в Регенсбурге. Отца схватили по подозрению в убийстве и пытали, и лишь в последний момент его удалось спасти. Вскоре после этого Магдалена и Симон поженились³.

– В любом случае я не собираюсь сидеть тут целый день и дожидаться отца с дядей Бартоломеем, – вмешалась Барбара; до сих пор она лишь со скучающим видом поигрывала своими локонами. – Я хочу посмотреть город! – Девушка с мольбой в голосе обратилась к Магдалене: – Что скажешь? Может, сходим вместе на рынок? – Глаза у нее блестели в предвкушении. – Ну пожалуйста! Я еще ни разу не бывала в таком большом городе. А теперь, при свете дня, он выглядит не таким уж зловещим, как ночью...

Магдалена заговорщически ей подмигнула:

– Не имею ничего против. Хотя... – Она вопросительно оглянулась на Катарину, которая как раз вошла в комнату и привела за руку перемазанного кашей Пауля. – Может, нужно помочь будущей тете с приготовлениями?

Катарина весело отмахнулась:

– Если сделаете для меня кое-какие покупки, то можете оставить со мною ребятшек и спокойно посмотреть город. Я слышала, моему будущему тестю нужен табак. Конечно, воняет эта дрянь, как горелая каша... – Она открыла окно, чтобы выветрить запах гари. – Нда, видно, придется нам готовить второй завтрак.

Симон быстро поднялся и перебрал несколько книг, лежавших на столе рядом с Петером.

– Тогда спасибо тебе за хлеб и вино, Катарина. Если все в порядке, то и я проведу день с пользой и навещу старого друга Самуила. – Заметив, как нахмурилась Магдалена, он взглянул на нее с мольбой: – Ты же знаешь, что я и ради него приехал в Бамберг. Он теперь видный врач и вроде бы лечит самого епископа! Я надеюсь увидеть у него недавно вышедшие труды. Есть несколько интересных теорий о циркуляции крови...

– Только не начинай. – Магдалена раздраженно закатила глаза. – Если б тебе еще платили за твой интерес к книжкам... Другие цирюльники кровь пускают – вместо того чтобы думать о какой-то там ее циркуляции.

– Другие цирюльники – шарлатаны, – горячо возразил Симон.

– Прекратите ссориться, – вмешалась Катарина. – Радуйтесь хорошему дню каждый на свой лад. Не хочу за несколько дней до свадьбы видеть хмурые лица вокруг. – Она повела детей в чулан. – А вы двое теперь поможете мне заново сварить кашу. Только посмотрим, остался ли у нас еще мед.

Магдалена улыбнулась младшей сестре:

– Кажется, у нас и правда впереди хороший день. – Она встала и застегнула корсаж. – Ну, идем скорее. А то на рынке только жухлый салат останется.

³ Об этих событиях рассказывается в романе О. Пётча «Дочь палача и король нищих».

* * *

У Куизля заурчало в животе, да так громко, что он решил уж, будто за ним крадется какой-нибудь хищник. Время шло к полудню, и с тех пор, как палач скудно перекусил, прошло уже несколько часов. Он остановился на секунду и вытер пот со лба, после чего взялся за повозку, и они с братом покатали ее по тесному переулку вдоль городского рва. Куизль вполголоса чертыхнулся. С каким удовольствием он выкурил бы сейчас трубку! Но они с самого утра не возвращались домой. А там, как надеялся Якоб, дожидалась будущая невестка с обещанным табаком...

Ночь выдалась долгая. Они, как и полагается, отвезли труп юной шлюхи часовым, но с их капитаном, неким Мартином Лебрехтом, поговорить не удалось. И ранним утром, когда братья решили снова навестить его и доложить о ночном происшествии, у стражи вдруг появились другие дела. У Якоба в душе зародилось смутное подозрение, что стражники, а в особенности их капитан, стараются что-то утаить. В конце концов они с Георгом вывезли из города мертвую лошадь. Юноша остался в лесу, чтобы освежевать тушу; Якоб же с Бартоломеем отправились с пустой тележкой к городской ратуше, где их обещали наконец допросить как свидетелей.

Миновав еще несколько изгибов и закоулков, Бартоломей направил тележку к сараю возле реки и оставил между двумя перевернутыми лодками, ветхими на вид. Потом вытер грязные руки о куртку и пошел к каменному мосту: расположенный в нескольких шагах, тот проходил прямо сквозь здание ратуши.

– Это сарай старьевщика Ансвина, он снабжает бумажную мельницу тут, неподалеку. Мы с ним давние приятели, так что тележку можно оставить пока здесь, – пояснил Бартоломей и ухмыльнулся: – Почтенные господа носы воротят от нас и нашей утвари. Будь их воля, мы бы вообще невидимые ходили... – Он критически взглянул на Якоба: – Тебе в реке отмыться не помешало бы, прежде чем в ратушу идти. Может так случиться, что мой будущий тесть тоже там; он иногда помогает в караулке. Если предстанешь перед ним в таком виде, то выставишь нашу семью не в лучшем свете.

– Не хватало еще, чтобы младший брат указывал, когда мне мыться, – сердито проворчал Якоб и двинулся дальше. – Я не напрашивался давать показания. Если господам угодно послушать меня, то пусть заодно и понюхают.

К мосту вело несколько стоптанных ступеней, и в этот час на них было не протолкнуться. Патриции с туго набитыми кошельками спешили к переулкам у подножия собора; два бенедиктинца молча брели, погруженные в молитвы, к своему монастырю на Михельсберге; по каменным перилам лазали дети. Завидев палача, ребятня принялась боязливо шushукаться.

Не обращая внимания на окружающих, Якоб замер на месте и уставился на внушительное строение. Он невольно задумался, какому же зодчему могла прийти в голову такая безумная мысль: построить здание посреди реки. Ратуша Бамберга венчала крошечный остров, точно гигантский гриб, возвышаясь над округой. Широкий каменный мост соединял ее с северным и южным берегами, еще один мост располагался ниже по течению. Регниц с шумом рассекался об оконечность островка. С этой стороны к ратуше примыкало небольшое строение – казалось, оно в любую секунду может рухнуть в поток.

Бартоломей, похоже, заметил, как удивился брат. Он остановился рядом и, показав на ратушу, пояснил:

– Она расположена на самой границе между частями города. Когда Бамберг начал разрастаться, горожане возвели новый город на этом берегу. И с тех пор постоянно препира-

ются с епископом⁴. – Он сплюнул в мутную воду. – Построив ратушу, патриции показали господину епископу зад. И зад этот год от года жиреет.

Бартоломей направился к зданию, и Якоб зашагал следом. Узкая тропа, бегущая по краю острова, вывела их к небольшому крепкому строению, примостившемуся с южной стороны ратуши. Наверное, это и была городская караульня.

Бартоломей оглянулся на старшего брата:

– Капитан Лебрехт неплохой малый. Он часто испрашивал у меня совета, когда его люди вытаскивали из какой-нибудь кучи отбросов труп оголодавшего нищего или еще какого бедолаги. – Он нахмурился: – Но ума не приложу, для чего мы ему опять понадобились. Мы же все рассказали стражникам прошлой ночью.

У входа стояли, опираясь на алебарды, два сонных стражника. При виде Бартоломея по лицам их пролегла тень.

– Мало того, что к нам в караулку окровавленный труп приволокли и мы за демоном охотимся, так теперь еще и палач появился! – сказал тот, что крупнее, и перекрестился. – Сколько ж бед свалилось на нас со вчерашнего дня, я так молиться устану...

Стражник, судя по его виду, провел долгую и бессонную ночь. Под глазами у него темнели круги.

– Что еще за демон? – спросил Бартоломей. – И на кого вы там охотитесь?

Но стражник отмахнулся:

– Тебя это не касается, палач, проваливай.

– Еще как касается, – резко отпарировал Бартоломей. – Капитан велел мне с братом зайти к нему. Так что, будь добр, пропусти, пока он не начал терять терпение.

– С братом? – Второй солдат, мелкий и пугливый с виду малый, выпучил глаза на Якоба. – Хочешь сказать, у нас в городе теперь *два* палача?

– Они вам скоро понадобятся, – огрызнулся Якоб. – При всем-то здешнем отребье.

С этими словами братья протолкнулись мимо стражников и вместе вошли в караульное помещение. Пожилой, крепкий на вид офицер о чем-то увлеченно беседовал с седовласым толстым мужчиной. Они стояли возле стола, на котором лежал, накрытый материей, сверток человеческих размеров. Рядом лежал сверток поменьше, также замотанный в полотно. Якоб сразу понял, что находилось под этими тряпками, – в воздухе стоял до боли знакомый запах.

Вонь разложения.

Заметив гостей, офицер поднял голову, и рот его скривился в тонкой улыбке. Как и часовые у входа, он выглядел бледным и сонным, угловатое лицо его покрывала черная щетина. Якоб решил, что это и есть Мартин Лебрехт, капитан городской стражи.

– А, мастер Бартоломей! – облегченно произнес капитан. – Простите, что не смог принять вас с утра. У меня были... скажем так, дела. – Он чуть помедлил, потом вздохнул и показал на толстяка в простом секретарском одеянии; стоя по правую руку от офицера, тот беспокойно перебирал мясистыми пальцами бумажный свиток. – Мастера Иеронима Хаузера представлять не нужно.

Бартоломей кивнул:

– Рад вас видеть, дорогой тесть. Катарина, кстати, в полном здравии и каждый день переставляет мебель у меня дома. Скоро я собственную спальню не узнаю.

Толстяк улыбнулся:

– С тестем потерпи до следующей недели. – Он шутливо погрозил пальцем. – И не говори, будто я не предупреждал тебя, что Катарина помешана на уборке.

⁴ Торговым городом Бамберг издавна управлял князь-епископ, сосредоточивший в своих руках как светскую, так и духовную власть.

Якоб с удивлением отметил, что между мужчинами царил дух взаимного доверия и уважения. В отличие от Шонгау, где палач жил за городскими стенами, избегаемый всеми, здесь он был частью общественного порядка. Но потом Якоб вдруг вспомнил шепчущихся детей на мосту.

Так оно и будет всегда. Видно, некоторые вещи просто не меняются.

– А это, наверное, твой брат? – спросил Иероним.

Он с улыбкой повернулся к Якобу и протянул перепачканную чернилами руку. Куизль смущенно ее пожал. Теперь он действительно пожалел, что не отмылся прежде в реке.

– Добро пожаловать в семью, – сказал секретарь. – Вы и в самом деле неожиданный гость. Я только на прошлой неделе узнал, что у Бартоломея есть брат.

– Мы, Куизли, не слишком-то словоохотливы, – нерешительно ответил Якоб.

Иероним рассмеялся:

– Можно и так сказать. Но моя дочь это трижды возместит. Ей очень хотелось собрать за одним столом всех Куизлей. Хоть это, как говорят, два упрямых, живущих в разладе палача, – добавил он с улыбкой.

– Я попросил бы вас отложить семейные вопросы, – потребовал Лебрехт, стоявший рядом в некотором смущении. – Мы собрались тут по крайне важному делу. – Он строго взглянул на братьев. – Но для начала я должен увериться, что ничего из того, что мы здесь обсудим, не просочится за эти стены. Мы все запишем в протокол и потом запрячем в ворохе других актов. Я понятно выразился?

Бартоломей с Якобом кивнули, и комендант с шумом вдохнул.

– Тогда будьте добры, посмотрите еще раз на труп, который нашли вчера, и объясните, что произошло.

Он откинул полотно со стола. Иероним тихонько вскрикнул, а палачи взглянули на тело скорее с любопытством. За всю жизнь они насмотрелись на трупы и на страдания, и все же Якоб почувствовал, как в душе вскипает злоба.

Она всего на пару лет старше моей Барбары...

Рыжая девица перед ними была бледная, как кусок пергамента. Что-то разворотило ей глотку так, что шея превратилась в сплошную зияющую рану. Но самым жутким был тонкий надрез, тянущийся от грудины до пупка. Прошлой ночью Якоб не заметил его под испачканным кровью платьем. Такие же точно надрезы Куизль сам иногда делал казненным, чтобы изучить внутренности. По краям засохла кровь, на рану села толстая муха и поползла к пупку. Девушка походила на разорванную куклу, заштопанную на скорую руку.

– Кто... кто же сотворил такое? – с ужасом в голосе спросил Иероним. Толстое лицо его стало вдруг серым, и он с трудом сглотнул.

– Вот поэтому я и хочу узнать обо всем подробнее, – ответил Мартин Лебрехт. – Девица, без сомнения, была шлюхой. Возможно, разочарованный клиент перерезал ей глотку, но это... – Капитан с отвращением покачал головой и повернулся к Бартоломею: – Когда вы принесли труп и я обнаружил этот надрез, то решил не отправлять девицу на кладбище для преступников, как полагалось бы. Начались бы пересуды, а их и без того в городе хватает... – Он запнулся. – А с утра пораньше старьевщик Ансвин вот еще что приволок. Выловил всего пару часов назад из Регница.

Лебрехт откинул вторую, маленькую тряпицу, и взору открылась бледная женская нога. Она довольно долго пробыла в воде: крысы и рыбы хорошо над ней потрудились.

– Это уже третья конечность, найденная нами за месяц, – продолжил капитан.

– Четвертая, – бросил Якоб.

Лебрехт перевел на него недоуменный взгляд:

– Что-что?

– Я говорю, четвертая. Мы нашли правую руку вчера вечером, когда подъезжали к городу. Течением прибило к берегу... – И Якоб в двух словах рассказал о находке в Хауптс-моорвальде. – Рука принадлежала, очевидно, мужчине лет семидесяти, который долгое время занимался писаниной и страдал подагрой, – закончил палач. – Пальцы были сплошь в узлах.

– Хм, это и вправду мог быть советник Шварцконц, пропавший четыре недели назад, – пробормотал Лебрехт. – А кольца у него на пальце не было?

– Раньше, видимо, было. Я заметил круглый след на безымянном пальце, но самого кольца уже не было.

Комендант задумчиво покивал.

– Видимо, это был перстень с городской печатью. Шварцконц славился тем, что никогда с ним не расставался.

Куизль закрыл на секунду глаза и сам себя обругал дураком. Он был так уверен, что мужчина носил обручальное кольцо, что даже не допускал других вариантов! И только теперь осознал, как поспешил с выводами.

Никогда не поздно учиться. Даже в мои почтенные годы. Ну, хоть Магдалена ничего не узнает...

– Теперь, если считать найденную вами руку, у нас четыре конечности, – продолжал задумчиво Лебрехт. – Частью мужские, частью женские. По крайней мере, обе руки принадлежали, как я полагаю, Георгу Шварцконцу. Его сын Вальтер совершенно точно опознал левую руку по шраму.

– Пойдите-ка, – Бартоломей недоуменно взглянул на капитана. – Левая рука принадлежала советнику Шварцконцу? Но...

– Знаю, что вы хотите сказать, – перебил его Лебрехт. – Если Георг Шварцконц был убит разбойниками где-нибудь в лесу, что, черт возьми, делает его левая рука в Бамберге?

– Вся местность вокруг города пронизана речушками и ручьями, – вставил Иероним. – Возможно, что одну из конечностей прибило здесь. Дикие звери разорвали труп и...

– Это были не дикие звери, – резко перебил его Якоб. – Я осмотрел руку. Чисто сработано, тесаком или топором.

– Ну, замечательно! Загадкой больше... – простонал Лебрехт и принялся загибать пальцы: – С Георгом Шварцконцем у меня четыре пропавших и куча конечностей. Кроме того, сегодня утром ко мне еще заявился аптекарь Магнус Ринсвизер и пожаловался, что у него пропала молодая жена. Стражники поздним вечером видели, как она шла в лес. – Капитан перевел дух. – Так мало того, старый пьяница Маттиас теперь носится по городу и всюду рассказывает, что прошлой ночью видел чудовище, лохматое и шагающее на задних ногах! Ну что за... дурак!

Лебрехт потер покрасневшие глаза, и у Якоба снова зародилось подозрение, что капитан что-то недоговаривает.

– Я сразу велел запереть Маттиаса в тюрьму, пока не протрезвеет, – продолжил комендант. – Но он уже половину города на уши поставил. Пока каждое из происшествий еще можно как-нибудь приуменьшить – ужасное ограбление, дикие звери, семейная ссора или что там еще. Но если всплывет это... – Он запнулся и показал на обезображенный труп. – Мне, так или иначе, придется доложить епископу. И все мы понимаем, что это означает...

Последние слова многозначительно повисли в воздухе. Потом Лебрехт наконец добавил:

– Поэтому Богом прошу, расскажите еще раз подробно, что вчера произошло. И будем молиться, чтобы всему этому нашлось естественное объяснение.

Бартоломей прокашлялся и начал рассказывать. При этом он время от времени вовлекал в рассказ Якоба, и тот односложно отвечал.

– Значит, драка, – заключил наконец Лебрехт. – Девушка защищается, ее сбивают с ног и, непонятно зачем, перерезают горло. Так, с этим все ясно. Но для чего этот надрез на груди?

– Можно мне еще раз взглянуть на тело и ногу? – попросил Якоб.

Лебрехт взглянул на него с недоверием:

– Зачем?

– Мой брат сведущ в медицине, – попытался объяснить Бартоломей. – Так уж повелось, это у нас семейное. Я единственный в этом плане не пошел по стопам остальных.

Якоб незаметно кивнул. Как и многие другие палачи, он хорошо разбирался не только в пытках и казнях, но и в лечебном деле. Способности Куизлей были известны далеко за пределами Шонгау. Только Бартоломей не проявлял к этому особого интереса. Он был хорошим ветеринаром и отлично ладил с лошадьми и собаками, но люди, как полагал Якоб, по-прежнему были ему милее только мертвыми.

Капитан отступил в сторону и равнодушным жестом предложил Куизлю осмотреть труп поближе.

– Прошу. Хотя не думаю, что вам удастся обнаружить больше моего, но можете и попробовать.

Сперва Якоб занялся оторванной ногой. Ее состояние уже не позволило ничего сказать, кроме того, что конечность принадлежала пожилой женщине и пробыла в воде несколько дней. Также трудно было понять, отрезали ее или же просто оторвали. Куизль уже начал отворачиваться, но тут обратил внимание на пальцы. От увиденного палач оторопел. Он поднялся и оглядел присутствующих.

– У этой женщины сорваны с ноги два ногтя, – произнес Якоб задумчиво.

– Что? – Мартин Лебрехт нахмурился: – Хотите сказать, что ее пытали?

– С уверенностью сказать не могу. Но иначе какой смысл вырывать кому-то ногти? Чтобы подстригать больше не пришлось?

– А может, это крысы обгрызли труп? – предположил Иероним, оставив без внимания насмешливое замечание палача.

Якоб помотал головой:

– Поверьте, если кому-то вырвали ногти, мы с братом знаем, как это выглядит. Мы и сами не раз такое проделывали. Верно, Бартоломей?

Тот молча кивнул, и Якобу показалось, что капитан с секретарем чуть отступили.

Через некоторое время палач склонился над женским трупом и с шумом потянул носом, при этом ноздри у него вздувались, как паруса. Он снова почувствовал тот странный, гнилостный запах, который заметил еще накануне. Теперь запах был куда слабее, стал едва уловимым.

– Господи, что он такое делает? – в ужасе прошептал капитан.

– Он... ну, у него отличный нюх, – попытался объяснить Бартоломей. – Порой он чует такое, что от остальных сокрыто. Прямо как собака.

Остальные замолчали, и Якоб внимательнее осмотрел рану на шее. Края были обтрепаны, словно убийца использовал не заточенный нож, а скорее пилу или зазубренную саблю.

Или когти?

Куизль отогнал эту мысль и перешел к надрезу на груди. Он раздвинул края раны и увидел, что грудь в одном месте была почти рассечена. Однако убийца, вероятно, не закончил дела, потому что ему помешали. Рана располагалась в верхней части грудины, точно над сердцем.

Якоб остолбенел.

Возможно ли такое?

– Что вас смутило? – спросил Иероним, с интересом наблюдавший за его действиями. – Может, что-нибудь обнаружили?

Куизль неуверенно покачал головой:

– Это только предположение. Довольно смутное, чтобы...

– Давай уже выкладывай, – перебил его брат. – Вечно эти недомолвки! Меня это и раньше порядком раздражало. Хотя в итоге ты обычно оказывался прав, – добавил он с тихим недовольством.

– Говорите же! – потребовал, в свою очередь, Лебрехт.

– Убийца рассек кожу и, вероятно, собирался вскрыть грудную клетку. Пилой или чем-то подобным, – сказал наконец Якоб, повернувшись к остальным, и показал на ровный разрез. – Несомненно, здесь потрудился человек знающий. Но мы с братом, видимо, помешали ему. Вопрос лишь в том, для чего убийце делать это.

– И что вы думаете? – спросил Иероним.

– Глубокий разрез прямо над сердцем, – ответил Куизль. – Я сам делал такие надрезы, чтобы изучить внутренние органы. Мне кажется... – Он помедлил. – Кажется, убийца хотел вырезать девушке сердце.

Некоторое время все хранили молчание и слышался только плеск Регница. Наконец капитан Лебрехт прокашлялся:

– Каким бы неслыханным вздором это ни было... а может, и не вздором, – все мы должны уяснить одно. Это предположение ни в коем случае – я повторяю, ни в коем случае – не должно просочиться за эти стены. Если об этом узнает епископ, то городу грозит незавидная участь. Участь, о которой старшие из нас еще хорошо помнят. – Он хмуро взглянул на младшего Куизля: – В этом случае, мастер Бартоломей, обещаю, что без работы вы сидеть не будете... – Голос у него сорвался, и он продолжил тихо: – Господь всемогущий, этому ужасу конца не будет!

* * *

– Если б я знала, что у нашей новой тети такие странные пожелания, то хорошенько поразмыслила бы насчет прогулки по базару.

Барбара со стоном проталкивалась среди многочисленных прилавков Рыбного переулка, на которых дергались форели, гольцы и склизкие окуни. С одного лотка на девушек с немим упреком таращился огромный сом, рядом в деревянной кадке плавали ракушки и улитки. Давно перевалило за полдень, однако рыночной суете, казалось, не будет конца.

– Мы пообещали Катарине, – строго ответила Магдалена. – Так что не жалуйся. Тем более что осталось нам всего-то купить раков на ужин – и всё, мы свободны.

– Да, после того как мы купили тимьяна, моркови, капусты, лука, яиц, вяленой трески, бутыл муската и сала на полсвиньи... Да, и вонючего табака для отца, чуть не забыла! – Барбара со вздохом села на край колодца и промокнула лицо. – Какой это по счету рынок? Я давно считать перестала.

– Ты сама хотела пройтись по рынку, – Магдалена усмехнулась. – Тетя любит готовить. Неплохо бы взять у нее несколько рецептов.

– Ха, я не для того приехала в Бамберг, чтобы все эти дни торчать у очага и меняться рецептами! Да и не хочется, чтоб меня разнесло, как Катарину, и... Эй, постой!

Пожав плечами, Магдалена двинулась дальше. Многочисленные прилавки тянулись от Рыбного переулка до самого порта. За покупками сестры и вправду обошли полгорода. После овощного рынка перед большой церковью Святого Мартина они побывали сначала на фруктовом рынке, затем на молочном и под конец оказались на Мясной улице. Не в пример своему ночному облику, когда они приехали, в этот раз город показался Магдалене куда

дружелюбнее. Улицы были шире и чище, чем в Шонгау, а некоторые даже вымощены камнем. Яркие выкрашенные дома, пахнущие солодом пивоварни и бесчисленное множество церквушек и часовен свидетельствовали о богатом прошлом епископского города, когда-то одного из богатейших в Германии. Однако нетрудно было заметить, что лучшие дни Бамберга остались в прошлом. Девушкам и сегодня то и дело попадались заброшенные дома и развалины, словно гнойные раны среди остальных строений. Уже не раз Магдалена задавалась вопросом, почему же люди так просто покинули свои роскошные жилища.

До сих пор они гуляли только по новой части города – обширной территории, точно остров, охваченной рукавами Регница. На другой стороне канала начинался старый город, где жили каноники и епископ. Квартал, высшей точкой которого служил собор, располагался на нескольких холмах. Обе части города соединялись в порту, расположенном неподалеку от ратуши. Мимо домов неспешно проплывали громадные плоты, баржи и небольшие лодки. У причала стояли на якоре и разгружались суда, идущие в Швайнфурт или Форххайм. Деревянный кран как раз опускал на плот несколько ящиков. Воздух пах водорослями, рыбой и стоялой речной водой. Вокруг кричали, смеялись и бранились, торговки протягивали прохжим свой скользкий товар.

Магдалена подошла к лотку, стоявшему в стороне от других, и купила раков для Катарины. Ее корзина была уже наполнена доверху. Барбара тоже несла тяжелый сверток, из которого торчали морковки и стебли лука.

– Вот и все, – с облегчением произнесла Магдалена. – Давай теперь поскорее отнесем сумки домой, пока тетя Катарина не потеряла терпение, и потом...

Ее прервал звук барабанной дроби и надрывный взвизг трубы, вероятно, изъеденной ржавчиной. Магдалена оглянулась и увидела в другой части порта группу мужчин с барабанами и духовыми инструментами. Они были в пестрых поношенных нарядах и париках, какие вошли в моду во Франции и при немецких дворах. Посередине стоял долговязый мужчина и деловито разворачивал пергамент.

– Это что, артисты? – удивленно спросила Барбара. – Я еще ни разу...

– Тсс! – шикнула Магдалена.

Долговязый начал речь. Он делал ударение на каждом слове, точно странствующий проповедник, и говорил со странным акцентом, какого Магдалене еще не доводилось слышать.

– Жители Бамберга, слушайте и дивитесь! – начал он с надменным выражением. – Почтенная труппа сэра Малькольма, с триумфом принятая в Лондоне, Париже и Константинополе, имеет честь представить на ваш суд трагедии и комедии, каких еще не видел мир! С завтрашнего дня – любовь и убийство, благородство и низость, блеск и упадок королевских династий! Вас ждут музыка, танцы и шутки. Одним словом, усада для глаза и слуха, доступная в большом зале Банкетного дома... – Он властным жестом указал на многоэтажное строение по другую сторону портовой площади. – Уже завтра вечером мы поставим там первую пьесу. За каких-то три крейцера с человека! Не пропустите, иначе долго будете жалеть!

– Банкетный дом! – прошептала Барбара. – Дядя Бартоломей с Катариной тоже там празднуют. Давай сегодня же сходим туда, а? Посмотрим, что они там соорудили!

Магдалена усмехнулась и взглянула на сестру; та не сводила глаз с артистов. Вокруг труппы между тем собралась изрядная толпа. Народ ликовал, глядя, как двое артистов принялись ходить колесом и жонглировать мячами. Один из них, симпатичный юноша, бросил взгляд на сестер и улыбнулся им. У него были спутанные, черные как смоль волосы и загорелая, даже смуглая, кожа. Тесная льняная рубашка не скрывала жилистого тела. Магдалена осклабилась, заметив, как Барбара смущенно перебирает локоны, и вновь обратила внимание на выкрутасы артистов.

Магдалена в который раз уже осознала, как мало успела повидать в свои тридцать лет. В провинциальный Шонгау тоже порой заезжали группы шутов с набором простых фокусов, танцев и грубых шуток. Многие из них были родом из-за Альп и разыгрывали забавные сценки, во время которых надевали маски. Но труппа, ставившая продолжительные пьесы, была в новинку и для Магдалены.

Барабан выбил длинную дробь, в последний раз протяжно взвыла труба, и артисты медленно двинулись в Банкетный дом.

– Пойдем посмотрим, где они устроили свой театр! – снова взмолилась Барбара. – Одним глазком.

– А покупки? – спросила Магдалена.

– Возьмем с собой. – Барбара уже протискивалась сквозь толпу к Банкетному дому. – Полчаса все равно ничего не решат.

Магдалена вздохнула и двинулась следом. Она попыталась было возразить, но тут сама почувствовала притягательную, словно магическую, силу театра.

Как только сестры переступили порог Банкетного дома, их обдало прохладой большого сооружения. Казалось, здесь уже вступила в свои права зима. Магдалена зябко поежилась и оглядела просторный склад, заставленный винными бочками, свертками материи и ящиками. Несколько рабочих разгружали телегу, подведенную из порта прямо в ворота. Далее, в глубине, склад открывался во внутренний двор, очевидно, примыкавший к большому трактиру. Оттуда доносились пьяные вопли, кто-то совершенно отвратительно играл на скрипке. На верхние этажи вела широкая витая лестница. Там, наверху, усердно орудовали молотками и пилами, кто-то несколько раз стукнул в барабан.

– Думаю, артисты где-то наверху, – предположила Барбара, уже взбегая по ступеням.

Магдалена с трудом поспевала за сестрой. Полная корзина в руках с каждым шагом становилась тяжелее.

На втором этаже они действительно обнаружили труппу. Почти весь этаж занимала огромная площадка для танцев, окруженная с трех сторон галереями. На противоположной стороне помещалась сцена, предназначенная для музыкантов, но сейчас на ней стояли несколько артистов. Они возводили сооружение, смысл которого для Магдалены остался загадкой. Тут она снова заметила загорелого юношу: в расстегнутой рубашке и обливаясь потом, он влез на балку и крепил какую-то жердь, разделявшую сцену на две половины. Магдалена с усмешкой отметила, что Барбара тоже увидела юношу и теперь беспокойно перебирала локоны.

– А, дамы, вижу, интересуются нашими декорациями, – раздался вдруг голос у них за спиной. – *Good gracious!*⁵ Вам бы впору играть очаровательных королев.

Магдалена оглянулась и увидела долговязого мужчину, произносившего торжественную речь в порту. Несмотря на свой внушительный рост, он был тощ, как каланча, и длинный черный плащ висел на нем, как на пугале. Он был бледен, небрит, а темные глаза его, казалось, пронизывают собеседника насквозь. Локоны дешевого парика вились, точно дохлые змеи, до самых плеч. Заметив нерешительность девушек, мужчина сдержанно поклонился.

– *My dear*⁶, я совсем забыл представиться, – произнес он с тем странным, мягким акцентом, на который Магдалена уже успела обратить внимание. – Мое имя Малькольм. *Сэр* Малькольм, если быть точным. Я режиссер этой выдающейся труппы. – Он показал на людей

⁵ Бог ты мой! (англ.)

⁶ Мои дорогие (англ.).

у сцены и приосанился. – Развлечь вас – наш долг. Или, как сказал однажды Шекспир, «весь мир – театр, в нем женщины, мужчины – все актеры»⁷.

– Шекспир? Развлечь? – Барбара разинула рот от изумления. – Боюсь... боюсь, я не понимаю...

Долговязый рассмеялся. Смех его походил на бляение козы.

– Хотите сказать, что никогда не слышали про Уильяма Шекспира или Кристофера Марло? Что ж, в таком случае вам повезло. Потому что бродячая труппа сэра Малькольма – лучшая, самая выдающаяся и... – тут режиссер заговорщически подмигнул и понизил голос, – несомненно, самая привлекательная во всей Германии. – Он улыбнулся так широко, что Магдалена увидела его зубы, на удивление белые и острые. – В любом случае буду рад пригласить вас на одно из наших представлений. Может, даже завтра вечером, на «Доктора Фауста» Кристофера Марло. Вы, конечно, слышали о нашей легендарной постановке?

– Э, даже не знаю... – начала Магдалена, с трудом подбирая слова. – А что это за пьеса?

– «Доктор Фауст»? О, это старинная история об ученом, который заключил сделку с дьяволом. Колдовство, дым и ужас!.. Иногда зрители с криками бегут из театра, до того им страшно. – Малькольм по-волчьи оскалился. – Другими словами, им это нравится.

– А дьявол там тоже есть? – спросила Барбара с любопытством.

Малькольм кивнул.

– Я лично его играю. И при всей своей скромности должен сказать, что во всей Германии не сыскать дьявола страшнее. Маркус играет старого Фауста, а Матео – красавицу Елену... Эй, Маркус, Матео! Подойдите-ка сюда, тут две почитательницы вашего искусства!

Двое артистов из тех, что трудились на сцене, оглянулись. У Барбары сверкнули глаза, когда выяснилось, что один из них – тот самый загорелый юноша. Вторым оказался мужчина лет сорока. На вид бледный и унылый, он был по-своему привлекателен. От Магдалены не укрылась бесконечная тоска в его глазах. Оба спрыгнули со сцены и подошли.

– Матео родом с Сицилии, артист уже не в первом поколении, – объяснил Малькольм; Барбара между тем взволнованно теребила платье. – Он жонглирует, как никто другой, и играет у нас либо красивых героев, либо прелестных девиц. – Тут режиссер понизил голос и прошептал: – Теперь, конечно, женские роли все чаще достаются женщинам, но здесь, под крылом епископа, мы сочли за лучшее оставить все по-старому. Все-таки не хочется шутить с его преосвященством.

– Что красавцы герои, что прелестные девицы, без разницы – Матео годится на обе роли, – усмехнулась Магдалена и с вызовом посмотрела на младшую сестру: – Или как ты думаешь, Барбара? Тебе не кажется, что он сошел бы за милую девицу?

Барбара закатила глаза, словно Магдалена сказала что-то возмутительное. Матео, однако, рассмеялся и изобразил при этом книксен.

Магдалена повернулась к бледному мужчине, которого Малькольм назвал Маркусом.

– Для роли старого ученого вы пока на удивление молоды, – заметила она с любопытством.

Мужчина улыбнулся, но глаза его оставались печальными.

– Вы не поверите, на что способна самая малость грима. Кроме того, временами я действительно чувствую себя дряхлым стариком. – Он кивнул в сторону режиссера: – Сэр Малькольм у нас как надзиратель над рабами.

Малькольм по-козьи рассмеялся.

– Для раба у тебя чертовски хорошее жалованье. Тем более что имя твое скоро будет у всех на устах, не только в Бамберге. – Он снова подобрался и пояснил: – Маркус Зальтер –

⁷ Шекспир У. «Как вам это понравится» (пер. Т. Щепкиной-Куперник.)

не только артист, он еще и наш драматург. Мы берем оригинальные пьесы Уильяма Шекспира или Кристофера Марло и... скажем так, доводим до ума.

– А что же, пьесы недостаточно хороши? – поинтересовалась Барбара.

– Ну, для простой публики они зачастую слишком затянуты и скучны. Поэтому мы опускаем длинные монологи и делаем акцент на веселых и в особенности кровавых пассажах. Кроме того, многие пьесы нужно сначала перевести на немецкий. Этим тоже занимается Маркус.

– Я кромсаю пьесы Шекспира и превращаю их в кровавый спектакль для толпы. – Зальтер горестно вздохнул: – Витиеватые пентаметры, прекрасные образы – нынче всему этому, наверное, нет места. Чем больше крови, тем лучше. При этом я сам написал несколько пьес, над которыми...

– Да-да, над которыми рыдал бы сам Шекспир, – перебил его Малькольм. – Знаю. Или уснул бы. Боюсь, Маркус, ты наскучил дамам. Как и твои пьесы. Мы не можем позволить себе экспериментов, мне все-таки целую труппу кормить приходится... – Он хлопнул в ладоши. – Но теперь пора вернуться к сцене. Вы нас простите?

Режиссер поклонился перед Магдаленой и Барбарой и, бросив на артистов призывный взгляд, зашагал к сцене.

– Старый кровосос, – пробормотал Маркус и побрел следом.

Матео задержался и подмигнул Барбаре:

– Так ждать вас завтра на представление? Мы придержим для вас пару мест на галерее.

*Ciao, signorine!*⁸

– Ч... чао, – прохрипела Барбара и затрепетала ресницами.

Матео между тем плавным движением влез обратно на сцену. Магдалена насмешливо взглянула на сестру.

– Чао? – спросила она, наморщив лоб. – И кто это говорит – дочь палача из Шонгау или итальянская графиня, что собралась замуж за принца?

– Ты... наглая, безмозглая курица, ты знала? – прошипела Барбара теперь уже в привычном тоне и бросилась к выходу.

Магдалена рассмеялась и последовала за ней. Но сестра неслась так стремительно, что скрылась из виду еще на лестнице.

* * *

Барбара кипела от злости. Выбежав на площадь перед портом, она перебрала уже с десятков крепких пожеланий для старшей сестры. И как только смогла Магдалена так ее опозорить! Она до сих пор обращалась с Барбарой как с маленькой девочкой, которой читают сказки на ночь и для которой собирают чернику. А ей между тем пятнадцать лет. Пятнадцать! Другие девицы в этом возрасте уже замуж выходят.

Например, за привлекательных загорелых юношей вроде Матео...

Но в следующее мгновение Барбара обругала себя дурухой. Она и сама-то не понимала, что с ней случилось. В обществе приятного юноши девушка вдруг почувствовала себя до нелепости смешной. Казалось, Матео заглядывал ей в самое нутро. Разве не улыбался он так странно, словно читал ее мысли?

Барбара замедлила шаг и начала понемногу успокаиваться. Вообще-то она поступила довольно глупо. Магдалена ведь всего лишь над ней подтрунивала, что же тут такого? Скорее всего, безобидная шутка стала той каплей, что переполнила чашу ее терпения. Долгая дорога, зловещая находка на берегу, радостная встреча с Георгом... Похоже, что она слиш-

⁸ Чао, синьорины! (ит.)

ком близко приняла все невзгоды и волнения. Барбара не виделась с братом целых два года, но вчера вечером он встретил ее как-то уж слишком сдержанно. Да, Георг рад был увидеть ее, но Барбара рассчитывала, что хотя бы следующий день он проведет с ней. Вместо этого брат снимал шкуру с какой-то лошади, а она делала покупки для будущей тети.

Покупки...

Барбара остановилась как вкопанная. Она оставила сверток в зале на втором этаже! Вернуться? Тогда она, конечно, столкнется со старшей сестрой, а после разговора с Магдаленой ей было не по себе – и слишком стыдно за свое вздорное поведение. Магдалена, наверное, уже забрала куль с луком, табаком и травами и отправилась домой. Так что можно идти со спокойной душой.

Барбара огляделась по сторонам. Шумный порт остался позади, и она шла по широкой улице в сторону городского рва. Недолго думая, девушка свернула в тесный переулок. Слева и справа нависали стены домов, крыши почти соприкасались, и солнце едва заглядывало в проулок. Вскоре крики торговок затихли, лишь где-то вдали одиноко звонил колокол.

В скором времени Барбара поняла, что оказалась в настоящем лабиринте. Всюду развилки и перекрестки, уводящие к небольшим тенистым площадкам и нишам. Зловонные бурлящие каналы то появлялись, то снова исчезали под мостами или домами. Изредка навстречу попадались прохожие, но Барбара боялась спросить дорогу. Чужакам нигде не рады, это она усвоила еще в Шонгау.

Девушка уже поворачивала в очередной проулок, но тут почувствовала, как свербит у нее между лопатками, словно кто-то за ней наблюдает. Барбара оглянулась и заметила, как над одной из крыш метнулась серая тень. Потом что-то царапнуло и прямо под ноги упал кусок черепицы.

– Это что еще... – начала Барбара, но тут же замолчала: из дома донесся грохот.

Где-то внутри скрипнула дверь.

Барбара внимательнее взглянула на дом и заметила, как он запущен. Ставни косо висели на петлях, краска облупилась; часть крыши провалилась, и стропила торчали, как сломанные ребра. Должно быть, это один из тех заброшенных домов, на которые они еще давеча обратили внимание.

Тут из дома послышался топот. Кто-то бежал вниз по лестнице.

«Или что-то...» – пронеслось у Барбары в голове.

Ей сразу вспомнились жуткие истории о чудовище и конечности, найденные как за пределами, так и внутри города.

Девушка вдруг почувствовала себя одинокой и всеми покинутой.

– Кто... кто там? – прохрипела она.

И хотя внутренний голос кричал ей, чтобы она убиралась отсюда поскорее, Барбара, словно влекомая невидимой нитью, двинулась к одному из окон на первом этаже. Будучи дочерью палача, она унаследовала от отца не только упрямый нрав и любовь к книгам, но и известную долю любопытства.

«Входить не обязательно, – думала девушка. – Только загляну одним глазком...»

Затаив дыхание, она подошла к окну. Ветхие ставни были открыты, но окно находилось слишком высоко, так что пришлось подтянуться на карнизе. Взору открылась пустая комната. Красивый когда-то дубовый паркет был местами содран и, вероятно, пошел на растопку. Всюду валялись обломки изразцовой печи, в углу гнили старые лохмотья, ржавый канделябр...

– Ты что тут делаешь, дьявол тебя дерит? Вынюхиваешь?

Стражник так неожиданно возник в оконном проеме, что Барбара вскрикнула и шлепнулась в грязь. И теперь, разинув рот, таращилась на солдата в железном шлеме и ржавой кольчуге, которого в первое мгновение приняла за чудовище с серой шерстью.

– Как будто не знаешь, что пустующие дома закрыты, дрянная ты девчонка! – добавил стражник.

Тут рядом с ним показался еще один, постарше, и тронул напарника за плечо.

– Будет тебе, – сказал он примирительно. – Как будто нам в детстве не хотелось заглянуть в эти заброшенные дома. У девчонки не было на уме ничего дурного.

– Ты же слышал, что сказал капитан, – прошипел первый. – Никаких свидетелей! Что, если...

– Тсс, – старший потянул его прочь от окна. – Ты уже сболтнул лишнего. – Он с улыбкой повернулся к Барбаре: – А ты проваливай. Здесь нет ни сокровищ, ни призраков. Только мусор да крысы... – Он вдруг нахмурился: – Ты вообще кто такая? Я тебя раньше не встречал.

– Я... я просто приехала к дяде, – ответила Барбара и вскочила. – Простите, что помешала, уже уйду.

Она побежала по узкому тенистому переулку, а вдогонку ей доносился крик стражника:

– Эй, милашка! К какому дяде? Да подожди ты!

Но Барбара не остановилась. Она продолжала бежать, пока не увидела впереди просвет. Выбравшись из переплетения мрачных переулков, девушка с облегчением заметила, что оказалась у городского рва. Здесь несло гнилью и фекалиями, но в лицо, по крайней мере, светило солнце.

К тому времени как она вошла в дом, странная встреча со стражниками уже изгладилась из ее памяти.

* * *

Магдалена уже выходила из Банкетного дома в порт, но тут заметила сверток, который Барбара оставила у сцены. В гневе на старшую сестру эта негодница просто его забыла.

– Черт, неужели мне одной за все отдуваться?

Магдалена выругалась и побежала назад. Если она вернется домой без покупок, Катарина будет безмерно расстроена – не говоря уже об отце, который дожидаться не мог своего табака. Магдалена прошла в зал, взяла сверток и поспешила обратно с твердым намерением хорошенько отчитать обидчивую сестру. Артисты были слишком заняты и не обратили на нее внимания.

И все-таки молодая женщина не сдержала усмешки. Похоже, Барбара действительно запала на этого загорелого красавца.

Она взролеет. Еще немного, и начнет доводить отца своими интрижками. Ведь не ждет же старик, что с младшей дочерью будет как-то иначе?

У лестницы она вдруг уловила невнятное бормотание. Оно доносилось из комнаты справа. Магдалена оглянулась из любопытства и увидела каморку, заставленную различными сундуками и театральными принадлежностями. Там стоял, спиной к двери, Маркус Зальтер. Драматург склонился над узким ящиком и что-то нашептывал, тихо и доверительно, словно перед ним лежал ребенок. Заметив Магдалену, он быстро надвинул на ящик заслонку и повернулся. Казалось, будто его застали за чем-то запретным.

Магдалена, словно извиняясь, показала корзину со свертком.

– Я... я не хотела мешать вам. Просто забыла кое-что, а потом увидела...

В ящике что-то заскреблось и тихонько пискнуло. Маркус, казалось, задумался на мгновение, потом тяжело вздохнул и отступил в сторону.

– Позвольте представить вам Джульетту... Только обещайте, что ничего не расскажете Малькольму.

Магдалена взглянула на него с недоумением:

– Джульетта? Боюсь, я не понимаю...

Не дожидаясь ответа, Маркус открыл ящик и достал маленький извивающийся пушистый комок. Магдалена не сразу поняла, что перед ней хорек. Она облегченно рассмеялась.

– Это и есть *Джульетта*?

Маркус кивнул и с любовью погладил строптивого зверька.

– Я нашел ее весной в лесу, вместе с братом Ромео. Из целого помета выжили только эти двое – остальных, видимо, сожрали кабаны. Ромео, старый сердцеед, недавно сбежал. Но Джульетта осталась. Она довольно ручная. Вот, посмотрите.

Маркус осторожно раскрыл ладони. Хорек забрался по правой руке ему на плечо и стал рассматривать Магдалену маленькими красными глазками. Взгляд у него был сообразительный, угадывалось в нем что-то от крысы. Настороженный и какой-то неприятный...

Злобный?

Магдалена встряхнула головой, и Маркус взглянул на нее вопросительно:

– Что такое? Может, вам не нравятся хорьки? Они довольно смышленные. Их можно отлично натаскать на крыс. – Он пожал свободным плечом. – Сэр Малькольм, к сожалению, на дух не переносит лесных зверьков. Хорьков, куниц, ласок, лис... Он утверждает, будто они переносят болезни. Какой вздор! Мне кажется, он их просто боится.

– Ну, к ним и впрямь нужно привыкнуть... – неуверенно ответила Магдалена. – Особенно если они ручные.

– Если сэр Малькольм найдет Джульетту, то затолкает в мешок и швырнет в ближайший пруд. Прошу вас, ничего ему не говорите! – Маркус погладил хорька; тот по-прежнему сидел у него на плече, как маленькая кошка. – Я прячу ее среди реквизита, пока не подыщу место получше. Джульетта действительно очень дорога мне.

Магдалена улыбнулась.

– Буду нема как могила, обещаю. – И, немного помолчав, спросила: – А долго вы пробудете в Бамберге?

– Наверное, всю зиму. – Маркус посадил вырывающуюся Джульетту обратно в ящик и осторожно запер. – Так поступают все артисты. Зимой слишком холодно, чтобы переезжать с одного места на другое. Мы уже бывали в Бамберге, еще в мае. Епископу, видимо, понравились наши представления, и он позволил нам перезимовать здесь. Здешний трактирщик очень предупредителен, предоставил нам танцевальный зал для репетиций и выступлений и несколько комнат, чтобы ночевать. – Он усмехнулся: – Ну да, он и сам на этом выгадал. Во время представлений люди пьют так, будто завтра не наступит.

Магдалене вдруг пришла в голову мысль.

– Так вы говорите, что уже бывали здесь? – спросила она. – Вам известно что-нибудь об этих заброшенных домах? Я еще вчера вечером обратила на них внимание. Какие-то они... жуткие.

– Заброшенные дома?

Маркус немного помедлил. А когда снова заговорил, взгляд его стал еще печальнее.

– Вид у них действительно жуткий. Немые свидетели ужасного преступления... Быть может, самого ужасного, какие совершались на этой земле.

– Что же это за преступление? – спросила Магдалена.

Маркус взглянул на нее с недоумением:

– Должно быть, вы действительно явились издалека, раз ничего не слышали о бабмергском ведовском процессе. С тех пор минуло больше тридцати лет. Я был тогда совсем ребенком и жил с родителями в сорока милях отсюда, в Нюрнберге. Но даже там рассказывали об ужасах, которые здесь творились... – Он подался вперед и понизил голос, словно боялся, что их подслушают: – Почти тысячу неповинных жителей в Бамберге и соседних селениях обвинили в колдовстве и сожгли. Женщин, мужчин, даже детей. Среди них не только

простые горожане, но и патриции, несколько бургомистров и даже канцлер. Архиепископ и его прихвостни не знали удержу, и никто не мог их остановить. Даже папа и кайзер... – Он запнулся, глаза его смотрели куда-то вдаль. – Трагедия! Эти события легли бы в основу хорошей, но, главное, кровавой пьесы.

– И дома приговоренных некогда горожан до сих пор пустуют? – спросила Магдалена с сомнением.

Маркус пожал плечами:

– Некоторое время люди думали, что там водятся призраки. Говорили, будто души ни в чем не повинных жертв бродят по своим бывшим владениям. Потом дома стали ветшать на глазах, а теперь, видимо, восстанавливать их слишком дорого... – Он вздохнул. – Да, Бамберг знал лучшие времена. Я только рад буду уехать отсюда весной.

Магдалена посмотрела из окна на рынок. Торговки по-прежнему зазывали покупателей, полуденное солнце светило по поверхности Регница, лодка неспешно скользила в сторону ратуши, и над всем этим вздымался собор, подернутый дымкой облаков. Картина представлялась идиллической. Но у Магдалены было такое чувство, будто серая пелена накрыла улицы с тех пор, как она прошла по рынку. Даже отсюда можно было различить развалины, как воспаленные раны обреченного на упадок города. Война, эпидемии, ведовские процессы... Оправится ли еще Бамберг от ужасов прошлых лет?

Магдалене сразу стало зябко среди холодных стен, обнаженные руки покрылись гусиной кожей. Она подняла корзину со свертком и слегка поклонилась:

– Рада была познакомиться, мастер Маркус. Хотя рассказ ваш оказался довольно грустным... Что ж, увидимся завтра на представлении. – Губы ее растянулись в улыбке. – И передавайте привет Джульетте. Может, в следующий раз принесу ей что-нибудь вкусненькое.

Магдалена развернулась и поспешила вниз, к выходу. И только среди суеты порта к ней стало возвращаться тепло.

4

27 октября 1668 года от Рождества Христово, в полдень в Бамберге

Впервые за несколько недель Симон чувствовал себя по-настоящему свободным.

Цирюльник бесцельно бродил по тесным улочкам и вдыхал запах города, может, и не самый приятный, но довольно необычный. За преобладающей вонью отбросов и фекалий он различал доносящийся издали запах реки, кислого вина и вездесущего пива из трактиров. А когда проходил по одному из многочисленных рынков, даже уловил аромат гвоздики и муската.

За последние годы Симону стало слишком тесно в Шонгау. Возможно, поэтому он и решил закрыть на время свою процветающую купальню и отправиться с Куизлями в далекий Бамберг. Цирюльник понимал, что сильно рискует, так как в Шонгау завелся уже второй его брат по цеху, а с прошлого года – еще и новый лекарь. Симон считал его законченным шарлатаном, но это не мешало людям покупать у него дорожные и бесполезные настои и лекарства. И все только потому, что он учился в диковинной Болонье по ту сторону Альп...

Прогуливаясь по улицам, обходя повозки и прохожих и стараясь не замарать в нечистотах новые начищенные сапоги, Симон вспоминал Ингольштадт, где сам учился много лет назад. Там же он познакомился с Самуилом, выходцем из богатой еврейской семьи, давно принявшей христианство. Самуил был умен и начитан, но, как и Симон, был страстен к хорошему вину, дорогой одежде и в особенности к азартным играм. Одержимые общими устремлениями, молодые студенты шатались по дешевым кабакам, и это в конечном итоге стоило Симону места в университете. Всего за полтора года он проиграл и пропил все деньги и вынужден был вернуться в Шонгау. Отец, покойный лекарь Бонифаций Фронвизер, так и не простил ему этого провала.

А Симон – самому себе.

Самуил же, напротив, сделал карьеру. Он дослужился до городского врача и временами пускал кровь самому епископу. Бывшие студенты изредка переписывались, и живущий холостяком Самуил всякий раз спрашивал Симона о его семье. Поэтому, услышав о приглашении в Бамберг, молодой человек сразу воодушевился. Ему хотелось повидаться со старым другом. Помимо всего прочего, он надеялся перенять у него кое-какие познания в медицине, которыегодились бы ему в Шонгау.

Хоть вначале Симон и не желал этого признавать, ему нравилось бродить по улицам в одиночку. Он любил своих сыновей, но и от них порой не было спасения, особенно от сорванца Пауля, склонного к частым вспышкам агрессии. Симон не сказал Магдалене, когда вернется, поэтому наслаждался драгоценными свободными минутами. Осматривал многочисленные церкви и часовни, купил мешочек излюбленных, хоть и дорогих, кофейных зерен у лотков с пряностями и полюбовался изысканными тканями.

У приходской церкви Святого Мартина Симон заметил девушку с обритой головой и косами из соломы. Девушка плакала; в руках у нее была табличка, сообщавшая прохожим, что она повязалась с каким-то приبلудным парнем. Некоторые из прохожих плевали ей под ноги, другие смотрели с жалостью. По лицу Симона пролегла тень. Ему невольно вспомнилось, что им с Магдаленой тоже приходилось терпеть насмешки в Шонгау, пока они не поженились.

Везде одно и то же. Цирюльники, знахари, дети палачей... Мы так и останемся неприкасаемыми, на всю жизнь. Наверное, нас высмеивают даже в светском Париже...

Расспросив дорогу, Симон разыскал наконец нужное место – так называемый мещанский двор, недалеко от сенного рынка, сразу за пышным зданием иезуитской школы. К внутреннему двору, засаженному цветами и фруктовыми деревьями, примыкало несколько строений. Симон выяснил, что здесь жили главный секретарь и городской врач. Глядя на новые крыши, ухоженные яблони и чистый двор, он невольно вспомнил свою жалкую купальню в Шонгау.

Может, отец все-таки был прав... Я просто жалкий неудачник.

Но тут ему вспомнилась Магдалена, дети и жизнь, полная волнительных событий, – и мрачных мыслей как не бывало.

Симон взволнованно постучал в дверь, которую ему назвали, и стал ждать. Через некоторое время послышались шаги, и дверь отворила пожилая женщина, вероятно, экономка Самуила. Волосы у нее были собраны в пучок, и сама она была худа и для женщины непривычно высока, что позволило ей смотреть на низкого цирюльника сверху вниз. Она окинула Симона пренебрежительным взглядом, оглядела его пыльную одежду и проворчала:

– Доктора нет. Если вы с каким-то недугом, то приходите завтра. – Старуха состроила кислую мину: – По пятницам мастер Самуил принимает и простых пациентов.

Симон сдержал едкое замечание, завертешшееся на языке, и вместо этого ответил с улыбкой:

– Я его старый друг. Где же мне его разыскать?

Экономка поджала губы:

– Вас туда вряд ли впустят. Господин доктор в замке Гейерсвёрт у почтенного епископа. Одна из его... – она помедлила, – э... горничных страдает женской болезнью, вылечить которую способен лишь мастер Самуил. Но вас это не касается.

– Горничная, значит... Полагаю, она несколько моложе, милее и, вероятно, добродушнее, чем горничная простого доктора. Что ж, всего доброго.

Пока экономка хмурилась, раздумывая над смыслом его слов, Симон развернулся и ушел со двора. Как это часто бывало, когда кто-нибудь указывал на его низкое положение, лекарь вскипал от злости и успокаивался с большим трудом. Уже в который раз он поклялся себе, что его детям и внукам в жизни повезет больше, чем отцу, который, несмотря на свои способности, прозябал в провинциальной глуши жалким цирюльником. Интересно, как все сложилось бы, закончи он тогда учебу в Ингольштадте? Тоже стал бы лейб-медиком герцога или епископа?

Свернув в переулок, ведущий к дому палача, Симон так и не успокоился. Неожиданно для себя он решил попытать счастья и спросить Самуила в замке Гейерсвёрт. Собственно, не было никаких оснований так невежливо его выпроваживать, как поступила экономка. Одежда у него была хоть и грязноватая, но вполне пристойная. Ренгравы⁹ и нарядная шляпа с перьями обошлись ему в целое состояние! Вообще Симон придавал большое значение своей внешности, компенсируя тем самым свой невысокий рост.

У ближайшего поворота цирюльник спросил дорогу к замку, и ему показали в сторону Регница. Вскоре он увидел недалеко от ратуши, выше по течению, вытянутый остров, в северной оконечности которого располагалось пышное строение, украшенное башенками и эркерами. Яркие витражи и окна в свинцовых рамах переливались бликами под лучами послеполуденного солнца. Сооружение выглядело как несколько уменьшенная копия герцогского охотничьего замка. Симон вдруг засомневался, стоит ли спрашивать Самуила среди такой роскоши. Но он собрал все свое мужество и двинулся по мосту к широким воротам с двумя дубовыми створками. Там дежурили стражники епископа. По дороге молодой

⁹ Ренгравы – широкие брюки, популярные в Европе во второй половине XVII в.

человек более-менее очистил и отряхнул одежду. Солдаты смотрели на него внимательно, но без враждебности.

– Могу я увидеть доктора? – спросил Симон, стараясь при этом говорить рассеянно и вместе с тем требовательно.

Один из стражников нахмурился:

– Он в замке, с одной из девиц. А вам он зачем?

– Ну... он забыл мешочек с бенгальскими огненными бобами. – Подхваченный внезапным порывом, Симон показал мешочек с кофейными зернами, купленными на рынке. – Без них в лечении мало толку. Мне нужно скорее передать это доктору.

– Бенгальские... бобы? – Морщины на лбу стражника стали еще глубже. – Они что, помогают от проклятой французской болезни?

Симон улыбнулся украдкой. Теперь он, по крайней мере, узнал, чем страдала горничная епископа. Французской болезнью, именуемой также сифилисом, называли заразный и крайне опасный венерический недуг, которого особенно опасались при дворах. Против нее не было средства, и в большинстве случаев она приводила к сумасшествию и смерти. Цирюльник встряхнул мешочек, и зерна внутри загремели.

– Если и существует средство исцеления, то только огненные бобы, – произнес он надменно. – Их привезли прямиком с индийских островов. Епископ заплатил за них уйму денег. Правда, действие их продлится еще несколько часов, потом они начнут гнить...

– Господь всемогущий!

По лицу стражника легко было прочесть, что его ожидало, навлеки он на себя гнев епископа.

– Проходите же скорее! И что этот еврей забывает снадобья, – проворчал он вполголоса.

Но Симон уже прошел мимо него и шагнул в тенистый двор замка. Он чувствовал, как другие стражники буравят его недоверчивыми взглядами, и потому, вскинув голову, уверенно направился к каменной арке, ведущей, как ему показалось, в дальнюю часть замка.

Шагнув через проход, Симон замер, точно ослепленный. Он оказался на краю обширного, окаймленного рекой парка, пронизанного симметричными рядами живых изгородей. Некоторые кусты были острижены в форме животных, другие образовывали волнистые линии или оканчивались пышными кронами. Между ними росли клумбы с розами всевозможных видов, большинство из которых уже отцвели. Посреди парка находился фонтан с изящными статуями и бронзовым оленем, из рогов которого била вода. В расположенных неподалеку вольерах щебетали пестрые экзотические птицы, рядом лоснились в теплицах сочно-зеленые цитрусы. После грязи и зловония улиц эти декорации были столь необычны, что Симон не знал, видит ли все это наяву.

В конце концов к действительности его вернул громкий крик:

– Симон! Бог мой, Симон! Неужели и вправду ты!

С галереи, ведущей в замок, к нему спускался высокий мужчина. В остроконечной шляпе и с распростертыми руками, он походил на волшебника. Мужчина подошел ближе, и только тогда, разглядев приветливое лицо с крючковатым носом и густыми бровями, Симон узнал своего старого друга Самуила. Волосы у него чуть поредели, вокруг глаз добавилось несколько морщин, но в целом он, казалось, нисколько не изменился.

– Самуил! – со смехом отозвался Симон.

Друзья обнялись, и на мгновение оказались забыты и парк с его фонтаном, живыми изгородями и экзотическими птицами, и даже замок Гейерсвёрт.

– Отправил бы хоть посыльного, чтоб сообщить о своем приезде, – упрекнул его Самуил, шутливо погрозив пальцем. – Я уже начал беспокоиться, не случилось ли чего-нибудь в дороге.

Симон вздохнул:

– Боюсь, ты переоцениваешь мои финансовые возможности, Самуил. Я лишь простой цирюльник и не могу позволить себе посыльного... – Он взглянул, отчасти с одобрением и отчасти с завистью, на стены замка. – А вот ты, похоже, с князем-епископом на короткой ноге.

– Да, ставлю толстяку клизмы, – рассмеялся в ответ Самуил и отмахнулся: – Жизнь видного доктора не так радужна, как все представляют. Ты ведь знаешь: чем богаче пациент, тем он сложнее. Сейчас я выхаживаю не столько его преосвященство, сколько одну из его любовниц...

– Которая подхватила французскую болезнь, знаю, – перебил его Симон.

Самуил осклабился:

– А ты, я смотрю, ничуть не изменился. Хитрый и любопытный, как старый еврей... Даже знать не хочу, как ты раздобыл эти секретные сведения. И как ты проник в летнюю резиденцию епископа – тоже, – добавил он с нарочитой строгостью.

– Скажем так, одно последовало из другого, – сказал Симон с улыбкой. Но потом по лицу его пролегла тень. – Страшная зараза эта французская болезнь. Помню, как отец несколько раз занимался такими случаями, все со смертельным исходом. Заразилась только девушка или епископа тоже угораздило? – Он понизил голос и огляделся в поисках соглядатаев.

Самуил покачал головой:

– Видимо, нет. Хотя теперь для Филиппа Ринекса это, конечно, главная забота. Я обер девицу ртутью, чтобы уничтожить заразу. Она визжит как резаная. Если не сифилис, так лечение наверняка сведет ее с ума. Но что ж мне остается делать? Лучшего средства я не знаю... – Он тяжело вздохнул. – По этой же причине пациентку поместили в Гейерсвёрте, а не при дворе в Менгерсдорфе, где епископ живет в холодные месяцы. – Самуил тонко улыбнулся. – Должно быть, крики напоминают его преосвященству, что и он не вечен... Ну, сегодня он хоть сподобился проведать ее. Все-таки она была до недавних пор его любовницей.

– А ты не пробовал отвар из гваякового дерева? – спросил Симон. – Я прочитал про него всего пару месяцев назад. Великий гуманист Ульрих фон Гуттен испробовал его на себе...

Самуил рассмеялся:

– Я смотрю, ты и в этом отношении остался прежним. Вечно в поисках новейших методов лечения. Может, ты и прав, я...

Он замолчал на полуслове. Со стороны арки к ним приближались двое изящно одетых мужчин в сопровождении стражников. Самуил со вздохом снял шляпу и жестом велел Симону сделать то же.

– Вот досада-то! – пробормотал лекарь, ввернув пару слов на идише. – Епископ, а с ним викарий... Не щадит меня сегодня судьба! Только бы этим двоим пиявок ставить не приспичило. Иначе я и к утру домой не вернусь.

Он низко поклонился, и Симон в нерешительности последовал его примеру.

– А, дорогой мой Самуил! – Один из сановников приветствовал медика низким, звучным голосом.

Он был могучего сложения, с длинными седыми волосами, завитыми по нынешней моде, и такой же седой бородкой. Одежда на нем была дворянская, и только по клобуку на голове Симон догадался, что перед ним, вероятно, сам князь-епископ Бамберга. На вид ему было лет пятьдесят.

– Ну, как продвигается лечение моей милой Франчески? – участливо спросил Филипп Ринек. – Когда я навещал ее утром, бедняжка была не в себе. Даже меня, своего любимого

исповедника, и то не узнала... – Казалось, епископ только теперь заметил Симона и сощурил глаза: – Вы что же, посветили в нашу маленькую тайну одного из своих слуг?

Самуил возмущенно замотал головой:

– Нет, конечно! Это ученый доктор Симон Фронвизер. Мой друг по университетской скамье и видный врач из окрестностей Мюнхена. Мы как раз обсуждали другие методы лечения, не такие мучительные, как ртуть.

Епископ, казалось, задумался и наконец кивнул:

– Ладно, пусть так, все лучше, чем эти вопли. Они прямо до костей пробирают. Только уясните одно. – Он строго взглянул на Симона: – Вы обязаны хранить врачебную тайну! Иначе в скором времени слух мой будут улаживать *ваши* крики. Господин... Как там ваше имя?

– Фронвизер, – подсказал ему Симон хриплым голосом. – Симон Фронвизер.

К нему еще не вернулся дар речи после того, как Самуил наглой ложью повысил его до дипломированного врача.

– Можете... можете на меня положиться.

– Вот и славно. Вижу, мы поняли друг друга.

Князь-епископ улыбнулся и показал на своего пожилого спутника, одетого не менее изысканно. Это, очевидно, и был викарий. В то время как Филипп Валентин Войт фон Ринек представлял в Бамберге власть как духовную, так и мирскую, викарий ведал лишь церковными делами. На макушке у него была выстрижена тонзура, а взгляд, казалось, пронизывал Симона насквозь.

– Что ж, добрый мой Самуил, – продолжил Филипп Ринек, обращаясь к врачу, и лицо его омрачилось. – Плохие новости. Викарий Себастьян Харзее только что рассказал мне об очередной ужасной находке. Благонамеренный союзник в рядах городской стражи доложил об этом его преподобию. Очевидно, в лесу нашлась рука пропавшего советника Шварцконца. Ужасно, не правда ли? – Епископ поежился. – Ведь старый советник всегда был надежным столпом в доме Божьем.

– Этот самый Бог его и забрал, – ответил Самуил. – Вероятно, беднягу разорвали дикие звери.

– Или что-то другое, – вставил викарий Харзее.

Его трескучий голос напомнил Симону скрип старых досок.

Самуил взглянул на викария с недоумением.

– Что-то другое? Что вы хотите сказать этим, ваше преподобие?

– Как намекнули его сиятельство, это не первая найденная конечность, – съязвил в ответ Харзее. – И люди продолжают пропадать. Судя по всему, теперь пропала и супруга аптекаря. Но и это еще не все... – Он перешел на шепот: – Как я узнал недавно, прошлой ночью в городе обнаружили лохматое существо. Величиной с человека, с длинными острыми зубами, передвигавшееся на задних ногах.

– Лохматое... существо с длинными зубами? – У Самуила от изумления отвисла челюсть. – Но...

– Один из стражников видел его, еще утром он мне обо всем доложил, – перебил его Харзее. – Сомнений быть не может.

Рядом нерешительно прокашлялся епископ:

– Я уже сказал викарию, что считаю все это... ну, выдумками. Очевидцем, вероятно, оказался какой-нибудь пьяница. Но он, к сожалению, рассказал об этом другим, и теперь слухи расползаются по трактирам. Церковь опасается беспорядков.

– И с полным на то основанием, – заметил Харзее. – С полнейшим.

Он приосанился, словно приступал к длинной проповеди.

– Учитывая предыдущие происшествия, пропавших людей и ужасные находки, я пришел к неприятному, хоть и логичному, заключению.

– Какому же? – спросил нерешительно Самуил.

– Ну... – Викарий выдержал эффектную паузу и прошипел: – Нельзя исключать, что в Бамберге завелся оборотень.

Некоторое время мужчины хранили молчание, слышался лишь отдаленный плеск фонтана.

– Оборотень? – проговорил наконец Симон. – Но... это же вздор какой-то!

Он прикусил язык. Вообще-то ему следовало промолчать. Но подозрения викария просто вывели его из себя.

Харзее бросил на цирюльника недовольный взгляд, словно ему помешал какой-то неприятный звук, после чего вновь обратился к Самуилу:

– Существование оборотней доказано! «Молот ведьм», это непревзойденное пособие инквизиции, и работы других ученых дают этому исчерпывающие доказательства. То и дело разгораются процессы над дьявольскими созданиями, особенно во Франции, хотя и у нас в Германии они также имеют место. Последним случаям в Ландсхуте и Штраубинге всего по несколько лет! – Викарий возвысил голос и теперь уж точно походил на проповедника. – Как и ведьмы, оборотни представляют собой злых людей, что заключили сделку с дьяволом. Они получают от него пояс из волчьей шерсти, который превращает их в ужасных лохматых тварей. Тварей, готовых жрать все живое! Я изучил соответствующие работы и теперь убежден: в нашем городе завелся оборотень!

Епископ молчал, его явно обуревали сомнения. Наконец он прокашлялся:

– Признаюсь, до сих пор у меня были сомнения на этот счет. Но теперь, когда стали расползаться слухи и все больше людей утверждают, будто видели эту тварь...

– Это и не удивительно, – заметил Самуил. – Кто-то утверждает, будто видел что-то, – и сразу набирается десяток других, набивающих себе цену. Если верить всем слухам, не было бы спасения от оборотней, колдунов и прочей чертовщины.

– А пропавшие люди и эти жуткие конечности? – Филипп Ринек покачал головой: – Боюсь, я больше не могу закрывать на это глаза, даже если б захотел. Люди начинают роптать. Если так пойдет и дальше, у меня не останется загонщиков для охоты, потому что никто и шагу в лес не ступит. – Он вздохнул. – Кроме того, через несколько дней к нам собирается с визитом вежливости его курфюршеское сиятельство вюрцбургский епископ Иоганн Филипп фон Шёнборн. Это один из могущественнейших людей в Германии и друг кайзера. Эти злодеяния нельзя оставлять нераспутанными. Поэтому я скрепя сердце решил созвать Совет, чтобы тщательнее изучить все обстоятельства. – Архиепископ кивнул на Харзее. Тот стоял, скрестив руки, и смотрел исподлобья. – Его возглавит викарий Харзее, и вас, мастер Самуил, я тоже хотел бы там видеть. Как-никак все это требует научного подтверждения. Нельзя допустить, чтобы Бамберг вновь предстал в дурном свете.

Симон понятия не имел, что хотел сказать епископ последним предложением. Он бросил на Самуила вопросительный взгляд, но Ринек уже снова заговорил с доктором:

– Я хотел бы обсудить с вами еще кое-какие детали. Наедине. – Он многозначительно взглянул на Симона. – Уверен, ваш друг сам найдет обратную дорогу.

– Само собой. – Фронвизер низко поклонился и поспешил было прочь, но Самуил его придержал.

– Когда это безумие закончится, рад буду пропустить с тобой стаканчик вина, – прошептал лекарь ему на ухо так, чтобы другие не услышали. – Скажем, завтра после обеда, у меня?

Симон незаметно кивнул и направился к арке. Оглянувшись еще раз, он увидел, как епископ Ринек и Самуил бредут вдоль живых изгородей и что-то живо обсуждают.

Только викарий остался на прежнем месте, провожая Симона недоверчивым взглядом. Словно размышлял, не мог ли и щуплый дерзкий лекарь в действительности оказаться коварным оборотнем.

* * *

Спустя несколько часов, лежа в каком-то жутком месте, Адельхайд Ринсвизер таращилась на слабеющее пламя маленькой свечки. Женщина охрипла от долгого крика, кости и сухожилия болели от кожаных ремней, которыми Адельхайд была пристегнута к скамье. Она могла шевелить лишь правой рукой и время от времени тянулась к глиняному кувшину, что стоял на полу, окунала пальцы в воду и смачивала губы.

Где я? Как я сюда попала?

Комната, в которой она оказалась, представляла собой душную камеру квадратной формы. Пахло кислым вином и крысиным пометом. Иногда по полу с писком пробегали мыши. Большую часть времени царила гнетущая тишина, словно Адельхайд находилась глубоко под землей. Лишь изредка до нее доносились крики другой женщины, и тогда она понимала, что начиналось по новой.

Когда же наступит моя очередь? Господи, когда?

Адельхайд давно перестала звать на помощь. Лишь временами из горла ее вырывался всхлип. Она не могла сказать точно, как долго здесь пролежала. Последнее, что она помнила, это треск, с которым на нее бросилось существо в лесу. Треск и запах мокрой шерсти. После она очнулась в этой камере с тяжелой, как после бутылки крепкого вина, головой. Сбоку, над виском, вскочила здоровенная шишка.

С тех пор время почти остановилось. В камере не было окон, даже щели, сквозь которую внутрь пробился бы свет. Лишь дрожащее пламя свечи, от которого по стенам плясали тени. Единственными звуками, которые до нее порой доносились, были пронзительные крики. Адельхайд ни разу не видела бедняжку, но полагала, что женщина находилась в камере в другом конце коридора. Этой камеры она страшилась больше всего.

Камера.

Вскоре после того, как Адельхайд очнулась, мужчина в капюшоне палача отвел ее туда связанную. Она и сейчас содрогалась при мысли обо всех диковинных орудиях, что лежали там и стояли. Большинство из них Адельхайд видела впервые, однако подозревала, что все они служили одной-единственной цели – причинить человеку как можно больше страданий. Ее предположение подтверждали нарисованные второпях рисунки на стенах камеры. Нанесены они были на полотнища, которые ниспадали с потолка, словно гобелены в каком-нибудь жутком королевстве. Сцены, изображенные на них, были столь ужасны, что страх еще долго стискивал горло.

Адельхайд вспоминался мужчина верхом на деревянном конусе, с разинутым в муках ртом. Потом женщина, которой железной скобой разжимали рот и вырезали язык ножом. На третьем рисунке изображалась обнаженная рыжая девушка на дыбе, палач в маске вливал ей в рот воду через воронку. Других мучеников обували в бронзовые сапоги, из которых текла смола, их подвешивали, точно убойный скот, на веревках или топили вилами в черных, бурлящих потоках. Рисунки в камере изображали ад куда ужаснее, чем все фрески в приходской церкви Бамберга. И Адельхайд понятия не имела, в чем же состоит ее проступок.

Какие муки меня ожидают? Господи, лиши же меня рассудка, чтоб я не чувствовала боли. А может, я уже сошла с ума? Может, это и есть ад?

Мужчина не снимал капюшона и поначалу не проронил ни слова. Он заговорил только в камере. Твердым, деловитым голосом задавал одни и те же вопросы:

Признавайся, ведьма! Кто обучил тебя колдовству?

Кто твои братья и сестры?

Где вы собираетесь? В лесу? На кладбище? На Альтенбурге?

Куда вы отправляетесь в Вальпургиеву ночь?

Как вы изготавливаете напиток, который позволяет вам летать?

Признавайся, ведьма, признавайся, признавайся, признавайся...

Адельхайд не могла ничего сказать, только мотала головой и молилась за собственную жизнь. Но он продолжал задавать одни и те же вопросы, голос его лился нескончаемым водопадом:

Признавайся, ведьма, признавайся, признавайся, признавайся...

Потом он отвел ее обратно в камеру и напоследок прошептал на ухо нечто странное:

Это первый уровень...

Из рассказов Адельхайд знала, что подозреваемым сначала показывали орудия пыток. Этого зачастую хватало, и они сознавались от страха. Однако Адельхайд даже не догадывалась, в чем, собственно, должна сознаться. Поэтому мужчина молча пристегнул ее к лавке и оставил одну.

И теперь она слышала, что представлял собой второй, третий или четвертый уровень.

Сквозь каменную стену донесся высокий, пронзительный крик. Адельхайд тихо застыла. Пытка в соседней камере продолжалась, сомневаться в этом не приходилось. Крики второй узницы то нарастали, то стихали, но Адельхайд почему-то догадывалась, что ее черед настанет лишь после того, как другая женщина умрет.

Держись, кем бы ты ни была! Держись как можно дольше!

Еще до недавнего времени Адельхайд различала между воплями обрывки фраз, крики о помощи, просьбы и мольбы. Но постепенно все слилось в безумный рев.

И рев этот, похоже, становился все слабее.

Держись!

Адельхайд закрыла глаза и забормотала молитву. Крики словно пронзали ее иглами.

Держись!

* * *

— Черт, вот такой табак мне по душе! Черный, как волосы дьявола, и сладкий, как задница молоденькой шлюхи.

Закрыв глаза, Якоб Куизль затаился, и к потолку общей комнаты поднялись густые клубы дыма. Как это часто бывало, пахучее зелье превращало палача в более уживчивое существо. Ради этого остальные готовы были мириться с тем, что приходилось тереть слезящиеся от едкого дыма глаза и временами кашлять.

За окнами давно стемнело, и Куизли собрались за массивным дубовым столом. Катарина убирала миски, тарелки и ложки. Из продуктов, которые Магдалена с Барбарой купили на рынках Бамберга, суженая Бартоломея сотворила ужин, такой вкусный, какого Магдалена давно не пробовала. Теперь, сытая и усталая, она клевала носом напротив отца и смотрела, как тот выпускает маленькие и большие колечки дыма. Петер и Пауль уже уснули, после того как Барбара пересказала им на ночь с десяток сказок.

По окнам барабанил осенний дождь, и ветер завывал, как дикий зверь. Магдалена содрогнулась, вспомнив прошлую ночь и жуткие происшествия, о которых им рассказали отец с дядей Бартоломеем.

— Так, значит, кто-то вскрыл бедной девице грудину, чтобы вынуть сердце? — спросила она в тишине. — Кто же, ради всего святого, способен на такое?

— Брехня! — проворчал Бартоломей. Он сидел чуть поодаль и вырезал лучину. — Это твой отец так решил. Убийца, видно, просто перестарался, чтобы заткнуть бедняжке рот.

– А что же насчет вырванных ногтей с ноги, которую нам капитан показал? – заметил Куизль. – Может, убийца и тогда просто перестарался? По мне, так слишком это все странно.

– И что с того? – Бартоломей одарил брата мрачным взглядом. – Я вообще не понимаю, с чего бы тебе рассказывать обо всем этом, Якоб. Капитан ясно дал понять...

– Вот что я собственной семье рассказываю, это уже не твое собачье дело, – перебил его Куизль и кивнул на Симона с Георгом. – Георг и так все знает, он будет нем как могила. А мой зять, может, и простой цирюльник, но кое-что смыслит в медицине. Так почему бы мне не испросить у него совета?

Магдалена неожиданно рассмеялась:

– Бог ты мой, чудеса еще случаются! Впервые вижу, чтобы ты хотел посоветоваться с моим мужем. – Она повернулась к Симону: – Верно?

Фронвизер пожал плечами. Он как раз грел руки о кружку с горячим кофе. Магдалена знала, что именно за этим напитком ее супругу думалось лучше всего.

– Все равно это преступление не удастся надолго сохранить в тайне, – ответил он наконец. – Про лохматого монстра уже полгорода знает.

– Верно. – Георг устало потянулся. Долгий, напряженный день и для него не прошел бесследно. – После Хауптсмоорвальда я сходил еще в Санкт-Гангольф, забрал пару дохлых коз. Даже там толкуют про эту бестию. Только подумайте, это якобы оборотень! – Он покачал головой: – Если епископ узнает...

– Уже узнал, к сожалению, – перебил его Симон и вздохнул. – И узнал от викария Себастьяна Харзее. Вы его знаете? Крайне неприятный тип.

Он в двух словах рассказал о своей встрече с мастером Самуилом и гнусных подозрениях, высказанных викарием.

– Они хотят собрать Совет, которому предстоит выяснить, действительно ли мы имеем дело с оборотнем, – закончил Симон. – Притом что Харзее давно вынес приговор. Слава Богу, что Самуил тоже состоит в комиссии. Хоть один здравомыслящий в толпе суеверных и ханжеских злопыхателей!

– А что, если это и в самом деле оборотень? – спросила Барбара обеспокоенно. Она помогала Катарине с посудой, теперь села рядом с Георгом и огляделась. – Все-таки пропали люди, находят конечности, потом это лохматое существо...

– Не забывайте о растерзанном олене, про которого рассказывал Симон, и разговоры путников в лесу, – вмешалась Магдалена и взглянула на отца. – Может, это ничего и не значит, но возможно, что в окрестностях Бамберга действительно завелась какая-нибудь бестия? Не оборотень, конечно. Может, это просто крупный волк или...

– Довольно, черт бы вас побрал! – вспыхнул Бартоломей и вонзил нож в столешницу. – Больше не желаю слушать об этом в своем доме! Ха, оборотни! Это страшилки, которые лишь сеют ненависть и раздоры. Как будто мало в Бамберге этого добра!

Он вдруг вскочил, прошел в спальню и с треском захлопнул за собой дверь.

– Что это с ним? – спросил Симон в недоумении. – Можно подумать, дым пришелся ему не по нутру.

– Поймите его правильно... – Катарина со вздохом развязала передник, села на табурет своего жениха и с немым упреком взглянула на нож, еще дрожащий в столешнице. – Вы не жили в Бамберге, – произнесла она тихо. – Не знаете, через что прошел этот город, когда здесь сожгли сотни мнимых ведьм и колдунов. Бартоломей просто не хочет, чтобы это повторилось.

– При этом, будучи палачом, он бы неплохо заработал, – мрачно отозвался Куизль и принялся загибать пальцы. – Если прикинуть, что за каждую попытку Бартоломей получит по два гульдена и за каждую спаленную ведьму еще по десять, получается...

– Ты... тебе просто покоя не дает, что твой брат удачливее тебя! – выпалил вдруг Георг. – Признай это, отец! Дядя действительно кое-чего добился в Бамберге. А теперь еще и женится на дочери секретаря. В то время как ты до сих пор выметаешь дерьмо в Шонгау. И это тебя снедает!

– Лучше по колено в дерьме, чем лизать господ в надушенный зад. – Куизль сплюнул в тростник на полу. – И вообще, как ты со мной разговариваешь? Что это втолковал тебе дядя за последние два года?

– Побольше, чем ты за десять.

– Довольно! – Катарина вскочила и одарила отца с сыном сердитым взглядом. – Может, кто и позабыл, но у нас тут скоро свадьба, и мне в этот праздник хочется мира. Затем я и позвала вас в Бамберг! Чтобы Бартоломей наконец помирился с родней. Мы все-таки одна семья! – Она показала на Георга: – А ты попроси у отца прощения, сейчас же! С отцом так разговаривать и впрямь не дело!

Некоторое время все хранили молчание. В конце концов Георг смиренно кивнул:

– Ладно... прости меня, отец...

Палач промолчал, но Магдалена видела, как напряженно он мыслит. Якоб жевал мундштук трубки и выпускал дым, точно угольная куча. Наконец он тоже кивнул, но так и не проронил ни звука. Магдалена решила сменить тему и обратилась к Катарине:

– Так Бартоломей уже был палачом во время тех жутких процессов?

Катарина взглянула на нее растерянно:

– Я... точно не знаю. Я в то время была еще младенцем. Если он и был, то разве только малолетним подмастерьем... Так что за ним нет никакой вины.

– Нас, палачей, не в чем винить, – заявил Куизль между затяжками. – Как бы того ни хотелось почтенным господам. Мы – только меч в их руках.

– Между тем Бартоломей тревожится не понапрасну. – Симон отпил ароматного напитка. Похоже, и он был рад, что ссору между отцом и сыном удалось пресечь еще в зародыше. – Если из-за этого оборотня и впрямь соберут целую комиссию, то и первых костров долго ждать не придется, – продолжал цирюльник, обращаясь к палачу. – Вспомните Шонгау. Не ваш ли дед во время того злополучного процесса обезглавил и сжег более шестидесяти женщин? Целый город тогда обезумел...

– Это было давно, – проворчал Куизль. – Время было другое.

– Правда? – Магдалена задумчиво посмотрела на отца. – Мне бы очень хотелось, чтобы люди с тех пор изменились. Только слабо в это верится. Даже если...

В дверь постучали, и женщина не договорила. Она зябко поежилась, словно что-то злобное притаилось за дверью и теперь рвалось внутрь. Остальные тоже вопросительно переглянулись.

– Не бойтесь, – успокоила Катарина. – Это только мой отец. Он настоял на том, чтобы сегодня самому забрать меня. После всего, что случилось за последние недели, он не хочет, чтобы я одна ходила по темным улицам.

Она открыла дверь, и в комнату вошел тучный мужчина. С плотного плаща с капюшоном тонкими ручьями стекала вода. В руке он держал фонарь, под стеклом которого слабо подрагивало пламя. Магдалена невольно усмехнулась. Отец Катарины выглядел так, будто его окатили из бочки. Одежда при этом села и едва не трещала по швам.

– Погода отвратительная, – заметил он зябко. – Собаку за дверь не выгонишь.

– Будем надеяться, что и злодеям такая погода не по душе, – ответила Катарина с улыбкой. – С твоим-то видом на них страху не нагонишь.

Она показала на остальных, сидящих за столом.

– Но даже в скверную погоду не следует забывать хороших манер и хорошо бы поприесть гостям. Так вот, это мой отец, Иероним Хаузер. С Якобом ты сегодня уже позна-

комился. Вон там сидит Магдалена со своим мужем, Симоном. А юная красавица рядом – сестра-близнец Георга, Барбара.

Хаузер учтиво поклонился, после чего подмигнул Барбаре:

– Не сказал бы, что ты очень уж похожа на брата. Но и к недостаткам это не отнес бы. Куизль мрачно рассмеялся.

– Тут вы правы, мастер Хаузер. Барбара скорее в мать пошла.

– Ну да. Что же касается тучности, то я больше в отца угодила, – пожаловалась Катарина и закатила глаза. – Мне жутко повезло, что Барту по душе женщины в теле. – Она потянулась и устало потерла глаза. – Простите, но день выдался долгий, а завтра с утра снова свадебные хлопоты... Боюсь, нам надо идти.

Хаузер кивнул:

– Так, наверное, будет лучше. Сейчас вдоль городского рва как раз проходит стражник, и я бы к нему присоединился. В эти осенние ночи мне как-то не по себе... – Он поежился, а потом обратился к Симону: – Я бы с радостью побеседовал с вами подольше как-нибудь при свете дня. Говорят, вы смыслите в книгах. У меня дома имеются кое-какие работы, которые вас заинтересовали бы.

Симон оживился:

– О, с удовольствием! Как насчет...

Магдалена зевнула, громко и демонстративно. Если Симон заговаривал о книгах, то остановиться был уже не в силах.

– Катарина права, уже слишком поздно, – произнесла она и поднялась. – К тому же я обещала помочь ей завтра.

– Буду рада. – Катарина улыбнулась. – Нужно еще подобрать ткань для платья и раскроить. А при моем-то обхвате материи понадобится немало. Спасибо тебе большое, Магдалена. – Она хлопнула в ладоши, словно хотела развеять дурное видение. – Другим тоже не помешало бы поспать. Это помогает отогнать скверные мысли. Так что отправляйтесь-ка и вы в постель. – И погрозила пальцем. – И помните: больше никаких ссор в семье! После свадьбы можете хоть на куски друг друга разорвать.

Хаузер нахмурил лоб:

– Надеюсь, повода для этого нет... Или все-таки есть? – Он огляделся. – А где, собственно, Бартоломей?

– Он чуточку не в духе. – Катарина отмахнулась: – Ничего серьезного, отец, поверь. Остальное расскажу по дороге.

Женщина накинула плащ и еще раз прижала Магдалену к груди.

– Последи, чтобы Барт и твой отец не слишком ссорились, ладно? – шепнула она. – Никакого другого подарка мне не надо.

Магдалена молча кивнула. Катарина с отцом попрощались и вышли под дождь.

Остальные поднялись, и каждый направился к своему ложу. Только палач остался за столом, следя за кольцами дыма. Магдалена оглянулась на него, и густые клубы показались ей жуткими мохнатыми чудищами, тянувшими к ней длинные лапы.

Потом и они, просочившись сквозь щели в окнах, исчезли в ночи.

5

28 октября 1668 года от Рождества Христово, утром в Хауптсморвальде

Собачий лай разносился по лесу. Это походило на нескончаемую песню и действовало Куизлю на нервы. Хриплый лай то нарастал, то вдруг обрывался, переходил в рычание и скулеж, когда Алоизий бросал своре в загон вожделенные куски мяса с кровью.

Якоб с интересом наблюдал, как два десятка охотничьих собак дерутся за куски. В основном это были юркие ищейки с черной лоснящейся шкурой плюс несколько здоровых мастифов, которых держали рядом, в отдельном загоне. Все звери были мускулистые, упитанные. Они скалили зубы, рычали и рвали мясо, пока от лошадиной туши не осталось лишь несколько шерстистых ошметков.

– Молодцы, молодцы, – приговаривал Алоизий добрым голосом, словно перед ним было несколько болонок. – У меня для вас еще кое-что вкусненькое есть... Вот, отдайте-ка!

Батрак вытер окровавленные руки о фартук, после чего взял ведро с парными внутренностями и вывалил в загон. Собаки с восторженным лаем набросились на угощение. Якоб еще накануне познакомился с молчаливым помощником, когда помогал Бартоломею довести лошадиную тушу. За это время к ней добавились дведохлых козы и свинья, умершая от какой-то странной болезни. Дабы избежать возможных эпидемий, закон предписывал по возможности скорее вывозить трупы на живодерню в Хауптсморвальде и там раздेलывать.

Якоба всякий раз удивляло, на что только не годился такой вот труп. Конским волосом набивали матрасы или пускали на сита и дешевые парики. Копыта и рога перемалывали в муку и рассеивали по полям в качестве удобрения. А из вонючего вываренного жира мыловары изготавливали дорогое ароматное мыло.

«Мы превращаем дерьмо в золото, – подумал палач. – И нам платят за это ржавыми медяками».

Вообще-то ему не было никакой нужды приходить на живодерню сегодня. Возможно, определенную роль сыграло любопытство. Ему хотелось выяснить, что же крылось за этой так называемой бестией. Но куда в большей степени его привела сюда тоска по сыну, которого палач надеялся встретить здесь. Они с Георгом никогда особо не общались, но между ними всегда чувствовалась какая-то душевная близость, которая не ослабевала с годами. Незирая на расстояние, Якоб ощущал неразрывную связь с сыном. Поэтому вчерашнюю ссору он принял ближе к сердцу, нежели сам хотел признать. Как уж попрекнул его Георг?

Тебе просто покоя не дает, что твой брат удачливее тебя...

Неужели это так? Неужели он завидовал младшему брату, которого прежде так прези-рал? Маленькому Барту, который соображал немного туже, чем Якоб, почитал пьяницу отца и наблюдал за каждой пыткой, как за интересным экспериментом... Который с животными ладил куда лучше, чем с людьми...

Или же встреча с ним напоминает мне о проступке, от которого я до конца дней не отмоюсь?

В нос ударил едкий запах мыльного раствора. Якоб повернул голову и увидел, как Георг с Бартоломеем помешивают варево в большом котле, висающем над очагом перед домом живодера. Он представлял собой одноэтажный крепкий сруб, массивный, как небольшая крепость, способная выдержать не одну осаду. К нему примыкало несколько сараев, псарня, и рядом дымила угольная куча. Вместе все строения образовывали некое подобие внутрен-

него двора, окруженного оградой и колючими зарослями, расположенного на просторной поляне посреди леса.

– Ну, как тебе мои собаки?

Бартоломей, явно гордый, подошел, чуть прихрамывая, к старшему брату и показал на ищеек, которые дрались за остатки мяса.

– Целую вечность потратил, чтобы таких вывести. Быстрые, выносливые и слушаются меня во всем. Это лучшие охотничьи собаки во всей округе.

Якоб нахмурился:

– Ты ходишь на охоту? Палач?

Бартоломей отмахнулся со смехом:

– Нет, конечно. Я только натаскиваю их для епископа. Он просто без ума от собак и прочего зверья. Его сиятельство мною очень доволен. Тем более что я, помимо всего прочего, слежу за его любимым зверинцем, кормлю медведей и убираю загоны... – Он ухмыльнулся и потер большой и указательный пальцы. – Его преподобие высоко ценит мою работу. Еще пару лет, и я, быть может, смогу позволить себе дом побольше, где-нибудь неподалеку от овощного рынка.

– Смотри, чтобы люди не спалили тебя в твоих же хоромах, – предостерег Якоб. – Народ не очень-то и любит, когда всякий сброд вроде нас богатеет и живет вровень с ними.

– В Шонгау – может быть. В Бамберге всё по-другому. – Бартоломей показал на Георга, который так и стоял возле котла, помешивая длинной палкой кипящий бульон. – Спроси у своего сына. Ему здешняя жизнь по нраву. – Губы его растянулись в тонкой улыбке. – И твоей Барбаре здесь тоже понравилось бы.

– Ты это о чем?

– Ну...

Бартоломей немного помедлил, а потом кивнул в сторону загона, где Алоизий стоял в окружении собак. На живодере был длинный кожаный фартук, заскорузлый от крови и грязи. В перчатку на правой руке вцепилась одна из ищеек.

– Алоизий давно ищет жену, – продолжил Бартоломей вполголоса. – Он, может, и не красавец, однако ж зарабатывает неплохо. К тому же он верный и на него можно положиться. В мое отсутствие он в одиночку хлопочет на живодерне. Выделявает кожу, перемаывает кости, ухаживает за собаками... Малость женского общества ему не повредила бы.

Якоб утробно рассмеялся.

– Ты не знаешь моих дочерей, Барт. Они сами себе на уме. Я и Магдалену хотел в свое время отдать за нашего кума в Штайнгадене. Но она в Симона вцепилась мертвой хваткой.

Бартоломей пожал плечами:

– Ты подумай. Другие на месте Барбары с радостью согласились бы.

– Довольно и того, что ты Георгу башку непонятно чем набил, – огрызнулся Якоб. – Так хоть Барбару оставь, пожалуйста, в покое! Мы отпразднуем свадьбу, и после каждый пойдет своей дорогой. Таков был уговор.

Якоб резко отвернулся, но голос Бартоломея заставил его остановиться:

– Это у тебя получается лучше всего, верно, братец? Идти своей дорогой... Не заботясь о других.

– Да как ты смеешь!.. – вскипел старший Куизль.

Но в это мгновение к ним подошел Алоизий с большим ведром свежих внутренностей. Лицо его было обезображено оспинами. Мужчина коротко кивнул.

– Я, пожалуй, на задний двор схожу, – прошепелявил он в косматую бороду. Видно, у него не доставало нескольких зубов.

– Ступай, – ответил Бартоломей. – И не забудь, что епископ собрался завтра травить медведя. Так что вычисти мастифам шерсть и расчеши как следует, чтоб нам краснеть не пришлось.

Алоизий осклабился:

– Не подведу, хозяин. Будут сверкать, как жеребцы.

Напевая себе под нос, он скрылся за сараями.

– У вас что, еще есть собаки? – спросил Якоб.

Бартоломей взглянул на него с недоумением:

– С чего это ты взял?

– Ну, не будет же Алоизий сам кормиться внутренностями в ведре?

Бамбергский палач громко рассмеялся, и Якоб заметил в его глазах беспокойный блеск.

– Ха, Алоизий жрет всякую дрянь и вообще немного странный, но не настолько же! – наконец проворчал Бартоломей. – Нет, это вониючие остатки туш. Мы вырыли за домом яму глубиной в шесть футов и там закапываем отбросы. Приказ епископа. Ничего не должно остаться. Почтенные господа боятся ядовитых испарений.

Он обвел рукой большой сруб и остальные строения, на вид все довольно новые.

– Лесное зверье, но в особенности собаки, имеет большое значение для епископа. Потому он и поручил выстроить все это. Раньше, до войны, тут неподалеку находился дом епископского егеря. Но теперь от него остались одни развалины, только ветер свищет. Поговаривают, будто там водятся призраки. Ну и браконьеры держатся подальше. – Бартоломей ухмыльнулся: – С тех пор новый егерь живет в свое удовольствие при соборе, а я хозяйничаю здесь, как мне вздумается.

– Как тебе вздумается... – Якоб кивнул: – Понимаю.

Он взглянул на сына. Тот как раз собирал черпаком жир из котла.

– Георг тебе еще нужен сегодня? – спросил Куизль, стараясь говорить по возможности небрежнее. – Барбара с Магдаленой отправились к этим артистам, поглазеть, как эти дурни скачут и поют. Это не для меня. Я подумал, может, мы с Георгом прошлись бы...

– Он пока не закончил с варевом. И шкуры нужно отнести к кожевнику. Боюсь, пока не выйдет. – Бартоломей тонко улыбнулся: – Но можешь спросить у него, хочет ли он потом поболтать с отцом о былых временах.

Якоб уже готов был сорваться, но потом лишь устало отмахнулся.

– Может, нам какое-то время лучше держаться друг от друга подальше. С Георгом, и с тобою тоже. Так что до вечера, братец.

Он резко развернулся и зашагал к дому. Оттуда между строениями тянулась узкая тропа.

– Эй, ты куда это собрался? – резко окликнул его Бартоломей.

Якоб обернулся:

– Мне нужен покой и свежий воздух. По мне, так тут слишком воняет.

– В таком случае тебе не туда, там тупик. Мы там только отбросы закапываем.

В этот момент, словно в подтверждение его слов, из-за угла вышел Алоизий с пустым ведром. Он смерил Якоба недоверчивым взглядом и встал у него на пути, широко расставив ноги.

– Можно подумать, я тут совсем некстати, – проворчал старший Куизль. – Чуждая семейка.

Он чуть замешкался, потом заметил с правой стороны поляны невысокую изгородь, отделяющую двор от зарослей. Не оборачиваясь, палач направился к ней и шагнул в лес. Внезапная тишина сразу умерила его злость. И все-таки ему не давали покоя слова Бартоломея.

Спроси у своего сына. Ему здешняя жизнь по нраву. И твоей Барбаре здесь тоже понравилось бы...

Якоб понимал, что Бартоломей прав. Здесь его дети, наверное, жили бы лучше, чем в родном Шонгау. Может, Георг даже женился бы потом на женщине из более знатных кругов, как это удалось Бартоломею. Но Куизль понимал также, какую цель преследовал его брат в действительности.

Он хочет уничтожить меня. Так и не смог забыть. После стольких лет...

Узкая, почти заросшая тропа тянулась сначала вдоль ограды и задних построек и вела дальше, в сосновый лес. Прелый запах сырой хвои смешивался с дымом, разносившимся от живодерни. Облака нависали так низко, что, казалось, застревают среди верхушек деревьев. И хотя стоял еще полдень, над лесом уже сгустились сумерки.

Уже преодолев некоторое расстояние, Якоб вдруг услышал протяжный рык. Сначала палач решил, что звук доносится со стороны псарни, но потом понял, что живодерня осталась далеко позади. Куизль остановился и прислушался.

Снова зарычало, низко и грозно – и, главное, близко. Очень близко.

Якоб невольно потянулся к поясу, где висел широкий охотничий нож. Вынул его и осторожно огляделся. Потом прошел несколько шагов вперед, но тут же замер, заслышав треск всего в нескольких шагах.

Сквозь заросли на него вдруг двинулось что-то призрачно-белое. За кустами разглядеть что-нибудь было трудно, Якоб только и видел, как к нему ломится нечто громадное и рычит до того свирепо, словно сам Цербер сорвался с цепи.

– Какого черта... – выругался палач, занеся нож для удара.

Но монстр исчез так же быстро, как и появился. В последний раз треснула ветка, и едва очерченный контур большого косматого существа пропал из виду. Якоб выждал еще немного и осторожно двинулся дальше.

Кто или что это было?

У Куизля непроизвольно участилось дыхание. Тревоги о Георге, Барбаре и младшем брате отошли вдруг на второй план. Палач вспомнил об оторванных конечностях, убитой проститутке в караульне и странный запах, исходивший от нее.

Запах мокрой шерсти.

В это мгновение Якоб готов был даже поверить в существование оборотней. Но потом здравый смысл взял верх. Палач задумчиво вынул трубку, сунул в рот и двинулся дальше. Должно быть, ему повстречался крупный волк или одичавшая собака, но уж точно не то, что породило его воображение.

И все-таки...

Якоб пошел быстрее. Может, эта зверюга попадется ему во второй раз.

Уж тогда он будет внимательнее.

* * *

Магдалена стояла в заполненном до отказа зале и с разинутым ртом смотрела на сцену, где кричал Доктор Фауст, низвергнутый в ад.

Ученого окутывали клубы дыма, в зале гремели раскаты грома. Проклятый Богом, Фауст медленно опускался в преисподнюю, и дьявол с хохотом плясал вокруг него. Какая-то пожилая женщина рядом с Магдаленой со стоном упала в обморок. Мужчина подле нее – вероятно, супруг – не шелохнулся, не в силах оторваться от зрелища. Отовсюду доносились вскрики ужаса, многие зрители сжимали кулаки или судорожно стискивали пивные кружки. Если в начале представления люди пили без удержу, то теперь словно окаменели. Повернув

голову, Магдалена взглянула на младшую сестру: та стояла мертвенно-бледная и смахивала с лица слезы.

– Господи! – прошептала Барбара, обгрызая ногти. – Как... как же это ужасно!

В то время как мужская часть семейства занималась своими делами, а дети проводили день в компании Катарины и сладостей, Магдалена с сестрой отправились на вечернее представление. С той самой минуты, как сэр Малькольм пригласил их, Барбара места себе не находила. Магдалена и сама с нетерпением ждала спектакля. На следующие три часа они погрузились в мир, существование которого до сих пор считали невозможным.

Сначала они отправились с Доктором Фаустом и дьяволом в Рим, где морочили голову папе. Потом приобщались к гнусному колдовскому искусству при дворе Габсбургов, смотрели, как на головах по волшебству вырастали оленье рога и воплощенные ангелы спускались с небес. Когда же прямоком из греческой легенды явилась прекрасная Елена, в которую Доктор Фауст безнадежно влюбился, женщины – в особенности Барбара – окончательно растерялись. Им пришлось беспомощно наблюдать за грехопадением ученого, которого даже большая любовь не спасла от вечного проклятия. И вот дьявол безжалостно увлекал его в преисподнюю...

Магдалена, конечно, знала, что Доктора Фауста в действительности играл Маркус Зальтер, а дьявол с рогами и в черно-золотом одеянии – не кто иной, как сэр Малькольм. И все-таки тело ее покрылось мурашками и сердце забилося чаще при виде того, как демоны в багряных нарядах и резных масках принялись рвать на ученом одежду, пока в руках их не остались лишь кровавые лоскуты.

«Как волшебство, – думала Магдалена. – Хотя никакого волшебства тут нет. Чудо...»

Наконец Фауст полностью скрылся под сценой, и, пока дьявол с хохотом плясал в тумане, со скрипом опустился занавес.

Некоторое время зрители хранили молчание. Потом с разных сторон стали доноситься восторженные выкрики, которые вскоре слились в оглушительные овации. Вверх полетели кружки и шапки, женщины стояли у распахнутых теперь окон и обмахивались. Занавес вновь поднялся, и артисты по очереди выступали вперед и кланялись. Несколько кружек полетели в сэра Малькольма – вероятно, многие из зрителей по-прежнему считали его дьяволом. Режиссер увертывался с улыбкой и гордо выпяченной грудью. Похоже, эту путаницу он воспринимал как признание.

Лишь после того, как занавес опустился в третий раз, люди потянулись к выходу. Снаружи уже вечерело. Магдалена отметила, что в эти часы совершенно забыла о ходе времени. Она взглянула на сцену, мертвую и покинутую без нарядных артистов, музыки и громких стихов. Волшебство рассеялось. Какой-то старик в углу собирал разбитые кружки, собака лизала сладковатые лужицы.

– Пойдем за кулисы, к артистам?

Барбара уже немного пришла в себя, но кровь к лицу еще не прилила и голос пока не окреп.

– Это было... удивительно!

Магдалена улыбнулась:

– Сначала ты говорила, что это ужасно. Так что же? Ужасно или удивительно?

– И то и другое одновременно.

О той небольшой ссоре накануне они уже не вспоминали. Барбара призывно мотнула головой и направилась к сцене. С левой ее стороны за кулисы вела деревянная лесенка. Магдалена последовала за сестрой – и едва не умерла с испуга. Из-за складок занавеса вдруг вынырнул сэр Малькольм. По лицу его струился пот и размывал грим, отчего режиссер в своем черно-золотом наряде и с приклеенными ко лбу гипсовыми рогами выглядел еще ужаснее.

– Надеюсь, вам понравилось представление, – сказал он с легким поклоном.

– Это было... грандиозно! – ответила Барбара. – Люди были словно околдованы!

– Ох, лишь бы епископ этого не слышал...

Это был голос Маркуса Зальтера. Драматург успел переодеться и теперь подошел к девушкам.

– Если я все правильно понял, многие думают, что в городе завелся оборотень. Глупо вышло бы, если б его преосвященство подумал, грешным делом, на артистов.

– Ха! Все образумится, вот увидите. – Сэр Малькольм с улыбкой отмахнулся. – Вот и наши фокусы вполне объяснимы. – Он показал на дыру на сцене, по краям которой виднелась белая пыль. – Доктор Фауст исчезает в клубах муки, ангелы парят на презренных веревках, и даже гром гремит по нашей воле.

Режиссер со смехом ударил по тонкой жестяной пластине, прислоненной к сундуку с костюмами. Барбара испуганно зажала уши.

– К тому же мы не видим ничего плохого в том, что люди с нашей помощью пытаются отвлечься от всех этих ужасов, – продолжил сэр Малькольм, когда звон утих. – Завтра мы ставим комедию, «Винцентий Ладислав». Вот уж народ повеселится. Я играю отважного Винцентия, Маркус – герцога, а Матео – милую Розиту. Поверьте, наш Матео – прекраснейшая из девиц отсюда и до самой Палестины. Верно, мальчик мой?

Словно дожидаясь этой реплики, из-за занавеса показался загорелый Матео. Он уже снял платье прекрасной Елены, но на лице еще осталось немного грима, и это, как признала Магдалена, делало юношу еще привлекательнее. «По крайней мере, в глазах пятнадцатилетней девчонки, которая до сих пор считала всех мужчин не иначе как пьяными неотесанными мужланами», – подумала Магдалена, украдкой поглядывая на сестру.

Барбара тихо вздохнула, вцепившись пальцами в ткань занавеса.

– Я несколько раз наступил на подол, – рассмеялся Матео. – Еще шаг, и прекрасная Елена вдруг оказалась бы без платья.

– О, кое-кто наверняка был бы не прочь взглянуть на тебя без платья, – ответила Магдалена с тонкой улыбкой и едва не вскрикнула от боли, когда Барбара наступила ей на ногу.

Матео ухмыльнулся и сделал в ответ манерный книксен, после чего повернулся к Барбаре.

– Придешь завтра на представление? – спросил он с неподдельным интересом. – Нужно, чтобы кто-нибудь подбрасывал мне мячи, когда я буду жонглировать. Хочешь попробовать?

– Кто... я? – просипела Барбара. – Э, с удовольствием. Если...

– Если нам позволит время, – вмешалась Магдалена. – У нас еще свадьба на этой неделе.

Матео изобразил на лице разочарование и снова взглянул на Барбару:

– Твоя, наверное? Будьте счастливы.

– Нет, нет, – рассмеялась в ответ Магдалена; Барбара еще не обрела дар речи. – Наш дядя женится. Кстати, здесь, в Банкетном доме... – Тут она хлопнула себя по лбу: – Господи, я и забыла во всей этой суматохе! Тетя просила передать хозяину кое-какие поручения. Думаю, надо поискать его где-нибудь в трактире.

– Не утруждайте себя. – Сэр Малькольм кивнул в сторону дверей, откуда к ним приближался дородный мужчина. – Вот как раз и он.

Человек, который подходил к ним с расprostертыми объятиями, был невероятно толст. Казалось, по залу катится гора мяса. Он пыхтел и вытирал платком пот со лба, на который ниспадала грива рыжих волос.

– Проклятье, Малькольм! – просипел толстяк. – Эти лестницы меня угробят. Надо было разместить вас в трактире. Учтите, я уже не такой стройный и сноровистый, как прежде.

– Ну, там бы не поместилось столько зрителей, – ответил режиссер с улыбкой. – И вы бы не продали столько пива.

Толстяк зычно расхохотался.

– Вот тут вы правы. Еще пара таких представлений, и у меня в погребах не останется ни капли. Но должен вас поздравить, сэр Малькольм. Людей послушаешь, так сам дьявол явился в Банкетный дом.

– Кстати, по поводу банкета... – Малькольм показал на Магдалену с Барбарой, стоявших чуть в стороне: – Эти вот юные леди искали вас касательно свадьбы своего дяди. Это э...

– Бартоломей Куизль, – бросила Магдалена с подчеркнутой небрежностью. – Городской палач.

Она услышала, как Маркус Зальтер с шумом втянул воздух. Сэр Малькольм и Матео тоже на мгновение потеряли дар речи. До этой минуты Магдалена старалась не заговаривать о семейном ремесле, но уже не видела причин скрывать это и дальше. Пускай рты поразевают, ей не впервой.

Раскатистый хохот трактирщика прервал неловкое молчание.

– Хо-хо! Как видите, юные дамы, для кого-то палач куда страшнее дьявола. – Он схватил мясистой лапой руку Магдалены и горячо потряс. – Мое имя Бертольд Лампрехт. Я хозяин трактира «У лешего», что по соседству. Мы с вашим дядей давно знакомы. Для меня честь устроить его и доброй Катарины свадьбу.

– Честь? – Магдалена взглянула на трактирщика в некотором смущении. – Простите, но в нашем семействе это слово не совсем привычно.

Лампрехт отмахнулся:

– Мне плевать, что думают другие. У вашего дяди тяжелая работа, и он, как говорят, выполняет ее чертовски хорошо. Так почему бы ему не жениться по-человечески?

– Очень... очень любезно с вашей стороны.

Магдалена улыбнулась. Возможно, Георг действительно прав и этот Бамберг для палачей как земля обетованная.

– Я хотела передать кое-какие заказы от моей тети, – продолжила Магдалена. – Вино, пиво, колбасы, овощи и хлеб. И, наверное, несколько паштетов.

Лампрехт кивнул:

– Охотно. Но сначала вынужден сообщить господам артистам... хм, тревожные вести. – Тут лицо его стало серьезным. – Как мне передали, со вчерашнего дня в городе остановилась вторая труппа. В трактире «Виноградная лоза».

– Вторая труппа? – У сэра Малькольма отвисла челюсть. – Но... но... епископ заверил меня...

Трактирщик пожал плечами:

– Епископ свои решения меняет чаще, чем на горшок ходит. Вроде бы какая-то французская труппа. Их режиссер некий Жискар Броле. Может, слышали про такого?

– Жискар! – Сэр Малькольм вдруг побледнел. – Старый стервятник. Ворует и списывает пьесы, до каких только доберется. Шарлатан! Ха, он, наверное, решил, что сможет пережить здесь и последить за нами... Но тут он здорово просчитался!

– Представить не могу, чтобы епископ приютил у себя в городе вторую труппу, – задумчиво проговорил Зальтер. – Он и без того вызвал недовольство викария, потому что тот считает наше занятие богомерзким... – Драматург повернулся к сэру Малькольму: – Вспомните тот прием несколько месяцев назад, когда его сиятельство пообещал нам приют. Викарий готов был тогда сжечь нас взглядом.

– Разумеется, в Бамберге место лишь одной труппе. А именно нашей. – Сэр Малькольм приосанился и принял воинственный вид. – Я сегодня же попрошу новой аудиенции.

Ха, архиепископ плетью выгонит этого мошенника Жискара! – И театральным голосом обратился к Магдалене: – Передайте вашему дяде, что ему скоро предстоит работенка.

– Хорошо бы нам остаться в городе, – пробормотал Матео. – Только представьте, что нам придется скитаться зимой... – Его передернуло. – Тем более важно, чтобы завтрашнее представление прошло на славу и народ нас полюбил.

Лампрехт кивнул:

– Я тоже так думаю. – Он с улыбкой повернулся к Магдалене с Барбарой: – Но теперь вернемся лучше к более приятному. Все-таки свадьба – это нечто особенное, верно? Особенно если женится сам палач.

Трактирщик огляделся.

– Иеремия! – позвал он громко. – Есть дело для тебя! Иди сюда, бездельник, или уснул со шваброй?

Из глубины зала прошаркала согбенная фигура, в ногах которой вилась маленькая собачонка. Это был тот самый старик, который убирался после представления. Он подошел ближе, и Магдалена невольно вздрогнула. Мужчина оказался совершенно лысым, сплошь покрытым шрамами и струпьями. От ушей остались лишь маленькие обрывки, что придавало бедняге сходство с гладким яйцом. Но глаза на фоне ужасных ран лучились дружелюбием.

– Не пугайтесь, – заботливо предупредил Лампрехт. – Родители Иеремии обжигали известь, и он еще ребенком угодил в чан с негашеной известью, чему и обязан своей внешностью. Люди по большей части суеверны и не хотят иметь с ним дела, считая его монстром. Но я взял его на службу.

– Можете называть меня монстром, если хотите, – произнес Иеремия и улыбнулся Магдалене с Барбарой; голос у него был тихий и приятный. – Мне не привыкать. Вот только мясным шматком звать не надо. Хотя Бифф, бывает, не прочь мной полакомиться.

Песик подпрыгнул и лизнул ему руку. Только теперь Магдалена заметила, что одна из лап у него была изуродована. Такой же калека, как и хозяин.

– Иеремия у нас вроде домового, – продолжал объяснять Лампрехт. – Чистит, убирает и, самое главное, ведет чертовы счета. – Трактирщик ухмыльнулся: – Я за одно только это готов его кормить. Ступайте с ним в трактир, он запишет все ваши заказы.

Иеремия поманил Магдалену с Барбарой, и те нерешительно последовали за ним по лестнице во двор, примыкавший к трактиру. Собака с заливыстым лаем ковыляла следом. За небольшой, но крепкой дверью возле главного входа открылась просторная комната. На столе грудились черновики и тетради для записей. Под потолком висела большая клетка, в которой чирикала несколько воробьев. На тесной кровати дремала старая кошка, совершенно безучастная и к птицам, и к песику.

– Мои владения, – с гордостью пояснил Иеремия, раскинув руки. – Не такие обширные, но здесь мне хотя бы никто не мешает. – Он пожал плечами: – Надоедает выслушивать насмешки на улицах, особенно от детей. А здесь я наслаждаюсь покоем. – Он с тяжким вздохом склонился над тетрадью и обмакнул перо в чернила. – Итак, что именно вы хотите заказать?

Магдалена принялась перечислять поручения Катарины. Барбара тем временем наклонилась к песику и погладила, тот завилял хвостом и радостно заскулил. Она подняла голову, и взгляд ее упал на покосившуюся полку, на которой, помимо пузырьков с горшками, стояло несколько книг.

– Уильям Шекс... Шекспир, – разобрала она, наморщив лоб. Потом вдруг просияла: – А, Шекспир! Это же его так расхваливал драматург Малькольма, Маркус! – Она вопросительно взглянула на Иеремию: – Вы читаете пьесы?

Старик улыбнулся:

– Да, в прошлом году купил несколько у заезжего книготорговца. Эти немецкие переводы, видимо, впервые опубликованы под именем Уильяма Шекспира и пользуются большим успехом. У себя в Англии этот Шекспир очень знаменит. Здесь о нем едва ли слышали, только о его пьесах. Хотя это, боюсь, не для меня. Слишком много крови и страданий, и никаких тебе цифр и счетов. Можешь как-нибудь заглянуть ко мне и полистать... – Он помедлил и с любопытством посмотрел на Барбару: – Ты ведь умеешь читать? В смысле, побольше, чем несколько букв?

– Как вы, наверное, слышали, мы из семьи палачей, – пояснила Магдалена. – Тут без чтения никуда. Мы все-таки и лечебным делом занимаемся, а записано все в книгах.

Иеремия кивнул. Казалось, он был несколько озадачен.

– Да... понимаю. Ну, если вы из семьи палача, то и сами, наверное, понимаете, каково это, когда люди тебя сторонятся. – Он показал на книги. – Я сам научился читать. Скрашивает долгие часы в одиночестве. Что ж... – Он хлопнул в ладоши, и Магдалена заметила, что и руки у него были в шрамах. – Боюсь, мне придется похлопотать с грузом вина. Повозка, наверное, уже дожидается перед воротами. – Старик усмехнулся и обратился к Барбаре: – Мое предложение в силе, юная дама. Если захочешь почитать пьесы, то милости прошу. Биффу ты понравилась, а я привык доверять его мнению. Уж в людях он разбирается.

Песик тявкнул и подскочил к хозяину, чтобы тот его погладил. Барбара сделала книксен и поспешила вслед за Магдаленой, уже вышедшей во двор.

– Жалко беднягу! – произнесла младшая сестра с сочувствием, когда они вновь оказались в порту. – Он и впрямь похож на монстра.

Магдалена пожала плечами:

– Вот видишь... Добрейшие из людей могут выглядеть как чудовища, и самых скверных из них можно принять за ангелов. Никогда не обманывайся внешним видом. – Она пошла быстрее. – А теперь идем скорее домой, пока дети Катарине все нервы не размотали.

* * *

В этот раз, когда Симон постучался в дом городского врача, долго ждать не пришлось. Ему снова открыла та унылая экономка. Но, в отличие от вчерашней встречи, вела она себя куда как дружелюбнее.

– А, друг учебных лет, – сказала женщина со слащавой улыбкой. – Простите, если б я знала...

– Всё в порядке. – Симон протиснулся мимо нее в дом. – Где мне найти доктора?

– Он... он наверху, в кабинете. Идемте за мной.

Они двинулись по свежeweбеленному коридору. По пути Фронвизер успел бросить взгляд в комнату, обставленную превосходными сундуками и стульями. По стенам ниспадали роскошные гобелены, и в камине, хотя день только близился к вечеру, уже потрескивал огонь. Симон тихо вздохнул и уже не в первый раз задумался о том, что и сам смог бы, наверное, жить среди такого убранства, если б не прервал тогда учебу в Ингольштадте.

Но тогда я, наверное, никогда не встретил бы Магдалену. А жил бы сейчас с какой-нибудь докучливой мещанкой из Мюнхена, которая брюзжала бы целыми днями и пыталась запретить мне чтение...

Симон все утро провел за изучением небольшой библиотеки Бартоломея, хоть и не нашел ничего интересного, кроме нескольких трудов по ветеринарии. Больше всего ему понравилось упражняться в чтении с Петером. При этом пятилетний мальчик продвигался на удивление быстро. А маленький Пауль тем временем потрошил рыбу с Катариной. Работа с ножом, похоже, была у него в крови. Магдалена с Барбарой еще не вернулись со своего дол-

гожданного представления, дети играли с Катариной, и Симон наконец-то смог, как и обещал накануне, навестить друга Самуила.

Экономка осторожно постучала в дверь в конце коридора. В следующий миг им открыл обрадованный Самуил.

– А, Симон, я тебя уж заждался! Проходи. – Он пожал руку цирюльнику и обратился к служанке: – И пожалуйста, Магда, больше никаких пациентов на сегодня, хорошо?

Экономка молча кивнула и ушла с гордо поднятой головой, оставив друзей наедине.

Симон с благоговением оглядел кабинет. Вдоль стен с трех сторон высились полки, до самого верха заставленные книгами. На полу и на небольшом столике также грудились фолианты, тетради и пергаменты. Фронвизер почувствовал легкую зависть. Цирюльник любил книги больше всего на свете. Чего бы он только не отдал, чтобы и самому когда-нибудь завести такую библиотеку!

– Прости за беспорядок, – извинился Самуил. – Я все утро потратил на то, чтобы разузнать что-нибудь об этих проклятых оборотнях. Ведь следует хорошенько подготовиться, раз уж нам придется заседать в Совете епископа. – И хитро улыбнулся.

– Нам? – Симон взглянул на друга с недоумением. – То есть как это *нам*?

– Ну, неужели забыл? Ты ведь не кто иной, как доктор Симон Фронвизер, ученый врач из Мюнхена, человек опытный и бывалый, как я заверил вчера епископа. – Теперь Самуил улыбался во весь рот. – Я попросил его сиятельство, чтобы он позволил тебе принять участие в Совете.

Симон помотал головой, ему вдруг стало невыносимо жарко в натопленной комнате.

– Не думаю, что это хорошая идея. Если выяснится, что...

– Да с какой стати это выяснится? – перебил его Самуил. – До Мюнхена далеко. К тому же я знаю цену твоей любознательности и острому уму, Симон. Ну, соглашайся! – Он с мольбой взглянул на друга. – Ты ведь не оставишь меня одного против этой шайки суеверных святош! А за это у меня для тебя есть небольшой сюрприз.

Лекарь поклонился, словно ярмарочный фокусник, запустил руку за кипу книг на столе и поднял небольшой серебряный кофейник. Благоговейно приподнял крышку, и по комнате разлился соблазнительный аромат.

– Надеюсь, ты не разлюбил кофе со студенческих времен, – сказал Самуил и налил каждому по чашке. – Этот особенно ароматной обжарки, из Турции. Я покупаю их прямоком из Генуи за чертову уйму денег. Кофе поможет нам отличить слепое суеверие от чистой логики. – Он усмехнулся: – Может, и фанатичному викарию стоит подарить мешочек...

Симон нерешительно поднял чашку и потянул носом. Ноздри наполнил чудесный аромат. Цирюльник вздохнул и пожал плечами:

– Это чистейший подкуп. Тебе ли не знать моих слабостей.

Он принял страдальческий вид, хотя в глубине души его радовала возможность участвовать в заседаниях Совета. Ему не терпелось узнать, какие доказательства существования оборотней приведут члены комиссии.

«Но сам при этом буду держать рот на замке, – решил Симон. – Чтобы никому не вздумалось разузнать подробнее о приезде докторе Фронвизере. Не хватало еще, чтобы меня повесил за обман брат моего же тестя!»

Он отпил горького напитка и почти сразу ощутил его живительную силу. Кофе, который молодой человек купил вчера на рынке, с этим не шел ни в какое сравнение.

– Действительно превосходно! – отметил он одобрительно. – Горький в меру. Хотя я иногда думаю, что можно было бы добавить в него молока или чего-нибудь сладкого. Скажем, дорожущего сахара с индийских островов. Говорят, арабы так делают...

Самуил рассмеялся:

– А ты все тот же. Никогда не доволен, вечно в поисках! Вот чего не хватает этим древним советникам...

Пар из кофейника заполнял комнату, и вскоре друзья разговорились о былых временах. Симон рассказал о том, как стал цирюльником и женился на Магдалене ценою общественного положения.

– Поверь мне, Симон, и при высоком положении можно чувствовать себя заключенным. – Самуил вздохнул и отпил немного кофе. – Тебе повезло, что ты сумел завести семью и жениться на девушке, которая тебя любит. Посмотри на меня. – Он обвел рукой дорогие книги и роскошную мебель. – Какой толк от всех моих денег, если единственная женщина в этом доме – это старая худосочная экономка, которая ревностно отслеживает мои немногочисленные свидания? Мне даже боязно, что я так и не найду себе подходящую пару. – Он махнул рукой. – Но довольно жаловаться. Боюсь, пора нам с тобою заняться куда как более неприятной темой.

Самуил отставил чашку и взял со столика одну из книг в кожаном переплете. Страницы, вместо печатных, оказались витиевато расписаны от руки и украшены пестрыми рисунками. Врач открыл страницу, на которой были нарисованы странные люди без голов, с лицами на животах. У других были утиные клювы вместо ртов или переливающиеся рыбы хвосты вместо ног.

– «Книга природы» Мегенберга, – пояснил Самуил. – Вот уже сотни лет образцовое произведение обо всем, что ползает и ходит. Уверен, ты о нем слышал. Мегенберг посвятил звероподобным людям отдельную главу. Про оборотней у него тоже есть, хотя очень уж расплывчато.

Он открыл следующую страницу. На ней был изображен волк, стоящий на задних лапах и пожирающий ребенка; только ноги торчали еще из волчьей пасти. Симон невольно содрогнулся.

– Люди, наверное, с самого своего зарождения рассказывают о живых оборотнях – продолжал Самуил. – Я читал в германских легендах о вервольфах, где слово «вер» означает «человек». Римский ученый Плиний Старший тоже упоминает этих полулюдей-полуволков. И всегда речь идет о полукровках, которые посредством дьявольского соглашения обретают громадную силу и, как настоящие волки, рвут овец, телят и людей. В волчьем обличье они теряют над собой контроль, убивают и жрут без остановки – и практически непобедимы.

– Практически? – спросил с любопытством Симон. – То есть их все-таки можно одолеть?

Самуил пожал плечами:

– Ну, кто-то считает, что их можно убить с помощью отвара из воронца, чрезвычайно ядовитого растения, чаще называемого аконитом. Другие полагаются на серебряные пули. Однако надежнее всего, наверное, полностью сжечь тело. – Он презрительно фыркнул. – Викарий Харзее, насколько я его знаю, предпочтет именно этот способ. При этом он может сослаться на «Молот ведьм» и другие, более современные труды. Правда, ученые пока расходятся во мнениях, действительно ли имеет место перевоплощение или же это только иллюзия. А вот само существование этих существ никто не отрицает. Отмахнуться от них, как от нелепости, равносильно богохульству.

Симон взглянул на рисунок с пожирающим ребенка волком и покачал головой.

– Так ты что же, правда веришь в их существование? – спросил он. – Признаться честно, я до сих пор не видел ни оборотней, ни настоящих ведьм или колдунов. Пусть большинство ученых и убеждены в их существовании.

Самуил усмехнулся:

– Самое интересное, что еще несколько сотен лет назад сжигали тех, кто утверждал, будто ведьмы и колдуны *существуют*. Так вот меняются времена. Но что касается оборотней...

Он подошел к полке и взял небольшую книжку с потертыми, скупой нанесенными гравирами. Сначала взору цирюльника предстал волк на задних лапах, напавший на ребенка. Следующие рисунки изображали травлю с собаками, судилище и наконец казнь: дикой наружности человеку, привязанному к колесу, отрубили голову. Симон брезгливо отложил книгу в сторону.

– Случай Петера Штумпа, – пояснил Самуил и с наслаждением глотнул кофе. – Раньше это издание можно было купить за несколько крейцеров на любой ярмарке. Каких-то сто лет назад Штумп, живший в окрестностях Кёльна, якобы убил тридцать малолетних детей и двух беременных женщин. И съел мозг собственного сына, прежде чем его смогли изловить и казнить. Этот случай был тогда известен во всей Германии, но таких происходило множество. Во Франции всего пару десятилетий назад осудили и сожгли сотни так называемых оборотней. Да и у нас во Франконии не единожды разгорались процессы над оборотнями. Последнему из известных мне случаев всего несколько лет. – Врач осторожно поставил чашку на башню из книг. – Все толкуют о ведьмах и колдунах, хотя оборотней зачастую страшатся куда больше.

– Ты не ответил на мой вопрос, – упорствовал Симон. – Оборотни существуют или нет?

Самуил долго собирался с ответом. Потом начал нерешительно:

– Я с некоторых пор состою в объединении естествоиспытателей. Это круг почтенных людей, занимающихся изучением природы. Поверь мне, Симон, этот мир хранит больше чудес, чем ты можешь себе представить. Я видел рог настоящего единорога, в Африке водятся так называемые камелеопарды с шеями длинными, как деревья. А к побережьям наших морей выбрасывает глаза величиной со свиную голову... Поэтому я не могу исключать, что существуют такие создания, которых простые люди именуют оборотнями. Может, это просто очень крупные собаки или же люди, которых ужасная судьба превратила в монстров, кто знает? Боюсь, правда, что такая вот охота на оборотня в Бамберге затронет множество ни в чем не повинных жителей. Подобное уже было во время последнего преследования ведьм. В любом случае на заседаниях Совета нам следует вести себя крайне осмотрительно.

– Совет, на который ты без спроса пригласил знаменитого ученого, – ответил Симон с улыбкой. – Надеюсь, никто не ждет, что я буду цитировать из соответствующих источников... – Лицо его снова стало серьезным. – Будет лучше, если ты расскажешь мне во всех подробностях, что же у вас стряслось тут за последние недели. Чтобы я не опозорился на Совете.

– Ладно, – Самуил глубоко вдохнул. – Началось все с того, что недели четыре тому назад почтенный советник Георг Шварцконц отправился в Нюрнберг, да так и не вернулся. Решили, что на него напали где-нибудь в лесу, такое нередко случается. Потом, к сожалению, дети нашли его правую руку в куче отбросов недалеко от Регница. Еще в пределах городских стен.

– Правая рука нашлась в лесу, на берегу раздувшегося притока, – заметил Симон. – Мой тесть считает, что ее отсекали топором или чем-то подобным.

Он уже рассказывал другу о жуткой находке в Хауптсморвальде.

– Как бы то ни было, – Самуил пожал плечами, – спустя две недели пропала Барбара Лойпниц, жена порядочного мельника. Отправилась к родне в соседний Вундербург и не вернулась. Ты рассказывал, что нашлись две женских ноги. Теперь неясно, кому они принадлежали – Лойпниц или другим женщинам.

– На одной ноге видны следы пыток. А потом этот труп проститутки со вскрытой грудной клеткой... – Симон задумчиво глотнул кофе. – Какой-то этот оборотень странный.

– Действительно, – согласился Самуил. – Очень странный. В любом случае люди заподозрили неладное после того, как через пару дней вслед за Барбарой Лойпниц пропала Йоханна Штайнхофер, принадлежавшая к высшей знати Бамберга. Она приходится внучкой всеми почитаемому, ныне покойному советнику Юлиусу Херренбергеру. Незадолго до исчезновения Йоханна поссорилась со своим молодым супругом. – Самуил потер виски. – И вот теперь пропала любимая всеми Адельхайд Ринсвизер, жена аптекаря.

– А может статья так, что все эти происшествия не имеют между собой ничего общего? – вставил Симон. – Одного ограбили, другую задрали звери в лесу, третья сбежала от мужа...

– А найденные конечности? Следы пыток? Мохнатое существо, о котором рассказывает этот сторож? – Самуил покачал головой: – Нет, что-то здесь не так, Симон. Если это и не оборотень, то что-то другое. Хотя оборотень, конечно, для многих горожан был бы наилучшим решением. Ведь от такого чудища чего угодно можно ожидать. – Он настойчиво взглянул на Симона: – Дорогой друг, я не ради забавы протолкнул тебя в этот Совет. Я знаю, каким ты обладаешь острым умом и с каким недоверием относишься ко всему сверхъестественному. Помоги мне распутать эту тайну. В противном случае этот город ждут неприятности.

Симон отставил чашку. Даже излюбленный кофе внезапно ему опротивел. В животе похолодело.

– Боюсь, ты переоцениваешь мой ум, Самуил. Даже не знаю, как тебе...

В это мгновение с улицы донеслись громкие, полные ярости крики.

* * *

Якоб с Георгом и Бартоломеем молча шагали по улицам Бамберга. Палач полдня провёл в лесу, но странное призрачное существо, которое он испугнул, так и не появилось. В конце концов Якоб вернулся к живодерне. Бартоломей с Георгом приняли его весьма равнодушно. И вот они втроем возвращались домой вдоль зловонного городского рва. Старший Куизль пока не стал ничего рассказывать о странной встрече.

На ходу он пытался разобраться в событиях последних дней. Убитая проститутка с рассеченной грудиной, исходящий от нее запах, сообщения капитана Лебрехта о пропавших людях и найденных конечностях, расползающиеся слухи о кровавом оборотне... Но, как он ни старался, разрешить это множество тайн не удалось. Кроме того, мысли Якоба то и дело возвращались к сыну Георгу. Глядя, как они с Бартоломеем шагают бок о бок, словно старые друзья, палач чувствовал тяжесть на сердце.

Что же Барт рассказал ему обо мне? Неужели он все знает?

– Катарина обещала сварить рыбный суп, – прервал молчание Бартоломей, шагая вдоль покосившихся хижин у городского рва. – Люблю рыбный суп! Надеюсь, она нашла время пострять. К свадьбе еще уйму дел надо переделать. – Он ухмыльнулся: – Не терпится взглянуть на платье. Материя обошлась мне в кучу денег.

– Не удивительно при ее-то обхвате, – проворчал Якоб.

Бартоломей громко рассмеялся:

– Что верно, то верно. Женишься на Катарине, и никакая перина ночью не нужна. Но, Господь свидетель, она славная, и я ее люблю, хочешь – верь, хочешь – нет.

– Ее или ее деньги? – спросил Куизль.

– А если бы и деньги, тебе какое дело? – огрызнулся Бартоломей. – Благодаря этому браку мне, может, удастся однажды выбиться в бюргеры. Кое-кому из палачей такое уже удавалось.

– И что тебе это даст? – спросил Якоб с раздражением. – Люди и тогда будут тебя сторониться.

– Ты спроси как-нибудь Барбару или Магдалену, каково это, когда тебя постоянно палачкой зовут, – вмешался Георг. – Отец, поверь мне, если б они могли, то сегодня же...

Договорить ему не дали. Из переулка, ведущего к рынку, послышались гневные крики. В следующий миг из-за угла выскочил пожилой мужчина в рваной одежде, с неухоженной бородой. Он опасливо озирался, так что не сразу заметил палачей. Врезался в широкую грудь Якоба и упал на землю.

– Гоп-ля, куда спешим? – спросил палач. – Уж не натворил ли чего-нибудь?

Мужчина вскочил и вцепился в рубашку Куизля.

– Богом прошу, помогите мне! – прохрипел он. – Они... они убьют меня. Они...

Он только теперь заметил Бартоломея с Георгом и вздрогнул.

– Нет... палач со своим подмастерьем! Они и вас уже позвали? Значит, я пропал!

– Успокойся... – начал было Бартоломей, но из переулка уже надвигалась возбужденная толпа. Их было человек двадцать, вооруженных вилами, косами или простыми дубинками. Завидев беглеца рядом с бамбергским Куизлем, они с торжествующим видом остановились.

– Ха, палач уже изловил зверюгу! – выкрикнул старый крестьянин в первом ряду. – Пошли! Лучше сразу его спалить! На сенном рынке соломы хватит.

– Что тут еще стряслось? – спросил Бартоломей грозным голосом. – Говорите, только быстро! В чем провинился этот человек?

– Это... это оборотень! – взвизгнул кто-то тощий из задних рядов. – Разделаемся с ним, пока он еще кого-нибудь не задрал!

– С чего вы решили, что он оборотень? – поинтересовался Бартоломей.

– Ты его разве не узнаешь? – вмешался третий, молодой широкоплечий извозчик с перебитым носом. – Это же Йозеф Хартль, пастух из Хауптсморвальда! Целыми днями шатается там со своим скотом. Каролина Фуртвенглер клянется, что он готовит мазь, чтобы превращаться в оборотня.

– Да это просто мазь, чтобы мазать козам вымя от воспаления! – принялся заверять Йозеф, заламывая руки. – Я вам уже тысячу раз говорил!

– Ха, а что за странные травы ты пытался продать на овощном рынке? – съязвил старый крестьянин. – Признавайся, мы тебя видели! Пробрался в город, чтобы продавать свои колдовские зелья и превратить всех нас в оборотней.

– Это была арника и измельченная дубовая кора для лошади трактирщика. У скотины чесотка, вот и всё!

Йозеф с мольбой в глазах повернулся к Бартоломею.

– Мастер Бартоломей, вы... вы же меня знаете! – заголосил он. – Вы же сами покупали у меня мази и травы для своих собак.

Палач кивнул:

– Действительно. Мне тоже как-то не верится...

– Да вы посмотрите на его брови! – снова выкрикнул тощий и показал на дрожащего пастуха. – Они срослись в одну. Верный признак того, что он оборотень!

– Раз уж такое дело, то и мы втроем оборотни, – проворчал Якоб. – У нас густые брови, мы тоже продаем мази и травы, и, Богом клянусь, когда я вижу перед собой безмозглого крестьянина, то готов взвыть по-волчьи и сожрать его без остатка... – Он грозно шагнул вперед. – А теперь проваливайте, пока беда какая не приключилась.

– Ты откуда такой выискался, что решил, будто можешь командовать, чужак? – прошипел широкоплечий извозчик.

– Это мой брат, – ответил Бартоломей и шагнул из-за спины Якоба. – И будет покрепче любого из вас, кстати. Если вам так хочется заполучить Йозефа, придется сначала переступить через нас троих. Ну, кто первый?

Он хрустнул костяшками пальцев, и толпа невольно отступила.

Наконец крепкий извозчик, набравшись мужества, взмахнул дубинкой и с криком бросился на Якоба.

– Ах ты, вшивый... – начал он.

Однако палач встретил его ударом в живот, и богатырь сложился пополам. А когда попытался подняться, Георг снова уложил его ударом ноги.

– Лежи и не поднимайся, здоровяк, – предупредил он, погрозив пальцем. – Тогда легче отделаешься.

Между тем на троицу двинулось еще несколько человек с вилами, цепями и серпами и принялись осыпать их ударами с безопасного расстояния. Йозеф тем временем скрылся за спинами своих защитников и с плачем вжался в стену.

– Господи, они меня убьют, они убьют меня... – повторял он раз за разом.

Якоб, Георг и Бартоломей стояли плечом к плечу и отбивались, как могли. Крики и хриплые вздохи слились в один шум, напомнивший Куизлю о войне. Палач так и не взялся за охотничий нож, понимая, что, стоит пролиться первой крови, и он сам угодит на виселицу.

«И кто же меня повесит? – подумал старший Куизль. – Собственный брат?»

На него с ревом бросился очередной здоровяк. Якоб подставил ему ногу, лишив равновесия, и ударил в нос следующего нападавшего, так что тот со стоном рухнул на землю. Но все же Куизль не смог избежать удара в лицо, и по щеке потекла теплая кровь. Стычка была подлой и грязной. Палач понимал, что рано или поздно их одолеют. Противников слишком много, и оружие у них длиннее. Так что же им делать? Сбежать и оставить старого пастуха на произвол судьбы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.